

Вечная жизнь

Роман

ПЕРЕВОД С УЗБЕКСКОГО
ВАЛЕСКИ ТУРБИНОЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Горькая правда, или Начало истории

Память, память... Как же ты жестока, память, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна! Восходит и заходит солнце, день сменяется днем, а он все лежит и лежит, прикованный к старой кровати, без посторонней помощи — ни приподняться, ни повернуться на бок. Лежит и часами глядит в потолок. Единственная отрада, одно-единственное развлечение — птицы в клетках да еще его собственный портрет на стене, писанный в пору былого его величия.

Вот уже одиннадцать лет продолжают эти муки, эти страдания...

Идут часы, летят недели, миновали годы, он все молча сносит, вспоминая иные времена, когда судьба была благосклонна к нему, Бурхану-счастливчику, как все называли его тогда. Как хочется, чтобы прошлое забылось, кануло в небытие и перед мысленным его взором не появлялись на своих знаменитых конях верные друзья-соратники, оставили его в покое хоть на день, хоть на миг. Но нет, словно в наказание хранит память былое. Никуда не спрячешься от воспоминаний, разве только смерть избавит от них...

Вот уже одиннадцать лет, изо дня в день, из ночи в ночь — эта боль, эти муки, эти страдания.

Он не может пожаловаться на невнимание близких, нет, за ним ухаживают сын, внук. Умывают, поят, кормят, как малого ребенка, но разве это жизнь, лучше уж умереть, чем такое существование.

Вот уже одиннадцать лет — изо дня в день, из ночи в ночь эти мольбы, эти муки, эти страдания...

Он потерял счет дням и ночам. Ему все равно, светло

или темно вокруг. Лишь дважды в году — весной и поздней осенью — его заботливо переносят из комнаты на веранду и обратно. Эти переселения отвлекают его от дум на день-два, улучшается настроение, а потом... снова начинаются муки, страдания... Ах, если бы можно было все начать сначала! Если бы снова три неразлучных друга, три самых ярых активиста, три большевика, как некогда, — один на тулпаре, другой на саврасом, а третий, он сам, на своем любимце карабаире — выезжали чуть свет на работу. Если бы можно было вернуть то золотое время!

Он знал бы тогда, как жить.

I

То ли на рассвете, то ли в глубокой ночи он проснулся от шумной птичьей возни, повернул голову, думая, что в одну из клеток забралась кошка, на всякий случай попугай:

— Кыш, кыш, проклятая!

Заволновались птицы, забились о прутья клеток, где-то тревожно кричал ястреб, пыхтела сова, не своим голосом возмущался щегол, попугай и тот лепетал что-то невнятное.

Старику Бурхану вдруг стало страшно. Неужто конец света?! День еще не наступил, а перепуганные воробьи шумно выпархивали из-под карниза крыши, слышно было, как тревожно мычала и блеяла скотина, испуганно ржали лошади, лаяли собаки. Вдруг что-то загудело под землей, глухо громыкнуло, и неожиданно сильный толчок подбросил старика Бурхана вместе с кроватью, вместе, как ему показалось, с домом. За скрипели балки на крыше, застонали дверные петли, задвигались рамы. И в какое-то мгновение почудилось, вот-вот раздвинутся стены, обрушится крыша...

— Господи, спаси и прости меня, прости и спаси меня...

От охватившего ужаса лоб покрылся холодной испариной. Казалось, вот-вот, через мгновение рухнет дом, будто хрупкая фисташковая скорлупа, и все уйдет в мир небытия... Но в последний момент стены дома выпрямились, содрогнувшись в последний раз, замерли.

— Слава богу, нет предела милости твоей, — зашептал, придя в себя, Бурхан, и тут взгляд его случайно упал на открытую в комнату дверь. Там кто-то стоял, обняв дверной косяк.

Боже всемилостивый, что это, кто это? Едва отпустив, ужас снова объял душу старика. Ему вспомнились долгие бессонные ночи, когда на грани сна и бодрствования чудилось ему, как с портрета на стене неслышно спускался к нему человек. Как наяву!.. Неужели снова он? Поначалу появлялся редко, словно бесплотная тень, и не отходил от стены. А потом... потом старик Бурхан привык и уже перестал бояться. К его удивлению, это помогало коротать долгие бессонные ночи. Однако со временем видение все чаще отделялось от стены, ходило, будто живое существо, по комнате и веранде, скрестив руки на груди, и наконец в один прекрасный день... заговорило... Да, да, заговорило его же, Бурхана, собственным голосом... Помнит Бурхан, как осторожно поначалу говорило это чудище, как заинтересовалось здоровьем, а потом, как бы в ответ на сетования Бурхана, втянувшись в разговор, стало не то обвинять во всем старика, не то горячо спорить с ним, возражать, порою одерживая в этих спорах победу. А с наступлением рассвета видение возвращалось на свое обычное место, туда, где висел портрет.

Его появления в ночи давно перестали вызывать у старика тревогу. Но что понадобилось тени в ту страшную ночь, которую он едва пережил? Или тень была вовсе не бесплотна, как ему казалось поначалу?

Слезившимися от напряжения глазами старик Бурхан всматривался в фигуру, обнимавшую дверной косяк. Странно, на этот раз фигура, как и он сам, произносила что-то вполголоса, не сводила взгляда с потолка. И тут же пришла неожиданная догадка: ведь это домработница, ее привел недавно сын, чтобы ухаживала за Бурханом. Страх, видно, согнал ее с постели, женщина дрожала и всхлипывала. Но чем может помочь ей Бурхан? Какая разница между ним и беспомощно перевернувшейся черепахой? Однако, если черепаху вернуть в нормальное положение, она заживет прежней жизнью. А он? Существует ли на свете сила, способная ему помочь снова встать на ноги?.. Бурхан покачал головой: нет, наверное, такой силы. Иначе за эти одиннадцать лет он поднялся бы как-нибудь. На что же тогда он надеется? Почему так привязан к этой проклятой жизни? Не может расстаться с ней? На кого-то и на что-то все же надеется? Может, на сына Кудрата? На кого же ему еще надеяться, как не на него! Ах, если бы сын хоть пообещал Бурхану, пока жив, если бы поклялся... Нет, все

же жаль умирать. Жаль!.. Теперь у Бурхана одно желание: пусть его именем назовут какую-нибудь улицу или колхоз. Не надо пышных митингов и похоронных процессий. Только улицу... Одну улицу. Он уверен, это в силах сына Кудрата, ведь он как-никак секретарь райкома партии, в случае чего, и приказать может...

А женщина недвижно все стоит около двери, ведущей в комнату, но через минуту-другую, поверив наконец, что подземные толчки прекратились, пошла к себе. Потрясенная случившимся, даже забыла поинтересоваться самочувствием Бурхана. Старик не обиделся, все думал о своем: приказать сыну он конечно же вправе, но лучше, если сын сам, собственным умом додумается... Но додумается ли?.. Словно впервые осознав, что лишь одно жгучее желание связывает его теперь с жизнью, старик разволновался. Да, он решил: немедленно вызвать Кудрата и дать ему понять о своем желании. Ведь сын должен гордиться отцом! Ведь благодаря ему, Бурхану, Кудрат ходит теперь в секретарях! Да по сравнению с тем, что он для него сделал, отцовская просьба — пустяк! Да, да, сущий пустяк! И когда же ему вернуть долг сторицей, как не теперь, пока отец жив?

Бурхан проснулся, когда было уже утро, солнечное и безмятежное, словно ночью не происходило ничего ужасного в природе. Распустившиеся бутоны на груше рядом с верандой были так белоснежны и девственно чисты, а просвечивающее сквозь них небо так прозрачно, лучи солнца так ласкающие, что невольно всплывала в памяти самая беззаботная пора жизни, милое детство, когда судьба улыбалась ему и каждый день дарила радостные впечатления.

Да, было что вспомнить Бурхану. Разве мог кто-нибудь когда-нибудь предположить, что он так сильно в жизни споткнется. Ведь сколько помнил себя, все твердили одно и то же: ну, этот до конца дней своих никогда не уступит другому. Никому!

Был он, конечно, одним из немногих когда-то знаменитых, увенчанных высокими регалиями узбекских председателей. А теперь вот лежит... Эх, жизнь, жизнь, что ты наделала?!

На глаза старика навернулись слезы, и, пробившиеся сквозь нежную зелень листвы, солнечные лучи, искрой вспыхнув в них, погасли. Здоровой рукой Бурхан

смахнул влагу со щек, вздохнул. Такова уж, видно, участь человеческая, не дано предугадать, что произойдет завтра. Кабы знать, разве совершил бы столько грехов?

Его душу теперь все чаще терзали то ли жалость к себе, то ли обида на жизнь... Бурхан сделал неловкую попытку повернуться, приподнять голову, слегка оторвать ее от подушки, и тут же с цветущих грушевых веток донесся едва слышный гул: словно король пчел со своей многотысячной свитой свил там, на груше, свой огромный улей, и пчелы кружились теперь в веселом радостном хороводе. Сделав еще одно усилие над собой, немного повернув голову, Бурхан глянул вверх и еле различил среди белой кипени громадный жужжащий рой.

И тут вспомнился ему рассказ пчеловода, услышанный давным-давно: строгая дисциплина у пчел, тунеядцам не так-то просто пристроиться в улей или же вылететь из него. Пожаловавшие, что называется, «порожняком», без душистого нектара, тут же получают наказание от пчел-сторожей. О, если б люди знали, что и ароматный вкусный мед требует жесткой руки! Нет, они не знают, не ведают, вернее, и не желают знать об этом... Сейчас каждый думает больше о себе. Прежде колхозники кишлака, словно эти вот пчелы, все копили в одном месте, все было общее, колхозное. Работали честно, не допускали лжи и обмана, а если и объявлялся вдруг такой выродок, ему всем миром, бывало, вправляли мозги; случалось, что и выселяли из кишлака, и, образумившись, проштрафившийся очень скоро понимал, что поступил нечестно, молил о прощении. А что теперь? Каждый думает, как бы только выполнить план. Любой ценой, лишь бы выполнить. Не раз говаривал Бурхан сыну своему, Кудрату: «Гляди, парень, неверная это дорога, люди тебе спасибо не скажут. Не ищи легких путей, чтобы выполнить план, — дисциплину укрепляй, пусть не ослабевают вожжи, иначе пожалеешь, да поздно будет». Но нет, не слушается сын, говорит, прошло, мол, ваше времечко ежовых-то рукавиц. И вот, пожалуйста, результат. Разве возьмешь нынче людей мягкосердием, словом добрым разве подвинешь дело вперед?..

С трудом уклоняясь от нещадно палящих солнечных лучей, Бурхан увидел вдруг красную бабочку-однодневку; та тщетно пыталась найти укромное местечко

под карнизом, чтобы спастись от света, и сердце старика сжалось от охватившего его вдруг холода. У, опять прилетела, проклятая! То черная тень, то бабочка!.. Оставят ли они когда-нибудь его в покое? Старик огляделся, ему так хотелось, чтобы кто-нибудь прогнал эту предвестницу неприятностей, однако ни в доме, ни во дворе никого не оказалось. И в душе старика Бурхана поселилась тревога, он уже не отводил взгляда от легких крыльев бабочки, продолжавшей свое бессмысленное кружение. Она присаживалась на потолок, как раз над кроватью Бурхана, и беспрестанно вздрагивала всем своим бесплотным телом, нагнетая в душу непонятную тревогу. Вспомнились слова, слышанные когда-то от кишлячных стариков: когда дни человека сочтены, над ним кружится невесть откуда взявшаяся бабочка, на самом же деле это дух кого-нибудь из давно умерших родных или близких. Прилетает будто бы просить прощения за доставленные при жизни обиды... И чего только не придумает себе в утешение человек! Сколько же этих бабочек должно появиться здесь, над его кроватью, если вздумают прийти-прилететь к нему души всех, кого он знал за свою долгую жизнь?! Может, теперь над ним неслышно витает и душа его робкой жены, которая беззаветно верила ему и сгорела в огне ревности, а он без зазрения совести тысячу раз предоставлял ей случай помучиться лишней раз? А может, это душа Красного Кадыра, неразлучного друга, пришла напомнить горькую истину: вот, мол, и весь твой почет и уважение! Ведь ты их достиг, предав когда-то меня!.. А вдруг это душа Акбара-тракториста? Возможно, она прилетела, чтоб напомнить ему: никакое зло в мире не остается безнаказанным, убедись, мол, теперь, друг, в этом сам.

Неужели зря прожита долгая жизнь в этом быстротечном мире? Значит, судьба его такая. Судьба?! Разве другой на его месте поступал бы иначе? Если бы такие непреклонные, решительные люди, как он, не руководили народом, возможно было бы сохранить во времена тяжелых испытаний государство, наш строй? Почему приходилось быть непреклонным, а порою и беспощадным? Да лишь потому, что думали о будущем страны, будущем народа. Погодите, еще как вспомнится добрым словом эта непреклонность, суровость эта, доходящая порою до жестокости!..

Во дворе послышался чей-то голос. Бурхан подумал было, что пришел сын Кудрат, но, повернувшись, уви-

дел, что ошибся: голоса сына и внука последнее время стали такими похожими. Внук был не один, с ним два товарища, одного из них старик, кажется, знал — то ли скульптор, то ли архитектор.

— Салом алейкум, дедушка! Как ваше здоровье? Не испугались землетрясения? — спросил внук. — А вот и мы!

Оба парня почтительно склонили головы. Высокий кудрявый грузин, его Бурхан видел впервые, приложил руку к сердцу; сухопарый, в очках, русский, лицо которого сплошь усеяно рыжими веснушками, подошел к кровати.

— Дедушка! Это мои друзья. Леонида вы знаете, он архитектор. А Отар — художник. Мы втроем выполняем заказ колхоза.

В душе старика Бурхана сверкнула искра надежды: неужто о памятнике пойдет речь?

— Заказ, говоришь? — Старик хотел было сам вернуться на бок, но не сумел.

Джура легким движением головы откинул назад гладко зачесанные волосы и подсел поближе к кровати. Не ведая, что творилось в душе старика, пояснил:

— Собираются у нас на гузаре создать площадь Славы и музей, а мы вот с ребятами предложили устроить перед музеем памятник.

Сердце Бурхана застучало сильнее, к горлу подступил комок. Так, значит, не зря пришли ребята. Охватила вдруг безотчетная радость, он с благодарностью глянул на парней.

— А кому же, если не секрет, собираетесь памятник ставить? — спросил, с трудом сдерживая волнение.

Внук по-своему истолковал взволнованность деда, спокойно пояснил:

— Да вы его, дедушка, хорошо знали!

— Я... его... знал? — задрожал голос Бурхана.

Потемнело в глазах, как минувшей ночью, казалось, сердце вот-вот остановится. Эх, старый дурень, на кого понадеялся, от кого радости ждал! От этих сопляков? Думал, внук поставит памятник тебе? Ах, какой стыд! Словно дитя малое, обманулся. Тысяча проклятий!

Прикрыв глаза, Бурхан какое-то время лежал без движения, а когда открыл их, увидел озабоченного Джуру, склонившегося над кроватью с пиалой воды в руках.

— Ничего, ничего, — махнул внуку рукой, — не беспокойся, все уже прошло. Так бывает...

Парни расселись на прежние места, а Бурхан испытующе глянул на внука.

— Да, кстати, кому, ты сказал, памятник-то?

— Что, дедушка? — не сразу понял Джура.

— «Что, что»! — выдавил улыбку старик. — Ты же говорил о памятнике, кажется?

— Ах, да, да! — Внук стал от волнения пунцовым. — Говорят, вы хорошо знали его... — в гражданскую воевали вместе, а потом колхоз вместе создавали. Оказывается, он был вашим близким другом. Так говорят люди.

Голова, руки, все тело Бурхана снова запылало. Да кто же он, наконец? Кому памятник? Неужто Красному Кадыру, прозванному так за яростную приверженность революции? Через сорок-то с лишним лет? Эка когда вспомнили! Интересно получается! Или все же Акбару?.. Этому бессребренику?..

Старик насмешливо глянул на внука, собираясь поддеть парня иронической издевкой, но присутствие посторонних остановило готовые было сорваться резкие слова. Как можно спокойнее попросил:

— Ну, продолжай, продолжай, внучек!

Ничего не подозревая, Джура снова увлеченно начал объяснять.

— Знаете, опокдода¹, памятник будет не совсем обычным. Ведь Акбар-палван, сами знаете, не был на войне, оставался в тылу, помогал нашим матерям, отдал за них жизнь здесь, в кишлаке. Ведь так?

Лицо старика Бурхана сморщилось, он до боли стиснул зубы, застонал, едва слышно пробормотал: «Проклятье, зачем я дожил до этих дней?»

Всего он ожидал, только не этого. Значит, памятник будет все же не Кадыру, Акбару! От этого не легче! Ох, лучше бы заживо сожгли старика Бурхана! Столько лет пролежать недвижимым, чтобы в конце жизни услышать такое! А он-то, дурень, размечтался, что вот умрет старый Бурхан, его похоронят торжественно, со всеми почестями, поставят памятник. Хоть на могиле... Столько лет он был раисом, руководил людьми, да еще в суровые, трудные годы войны. А заслуги его перед советской властью? Разве их не было? А его звание Героя Труда?..

¹ Опокдода — почтительное обращение к деду.

Памятник же ставят какому-то трактористу! Да еще кто об этом заботится? Внук родной! Плоть от плоти его! Если он и есть та самая надежда его и опора, то уж лучше и не жить вовсе!..

Заметив, как побледнел дед, Джура поднес воду к самым его губам, Бурхан с трудом отпил глоток, отвернулся в бессилье к стене. На душе не проходила горечь, слова Джуры всколыхнули с новой силой воспоминанья. Почему, почему только стоит ему услышать имя Акбара, как внутри все начинает гореть огнем? Что это, зависть или ревность? Но разве можно завидовать тем, кого давно уже нет на свете?

Глаза старика плотно сомкнуты, он не хочет видеть никого, даже любоимого внука. И перед глазами вдруг возникает образ ночного собеседника. Человека с портрета...

Б у р х а н с п о р т р е т а. Разве Акбар когда-нибудь считал тебя своим другом? Всю жизнь, пока вы работали вместе, он не ладил с тобой, не хотел порой лишней раз встречаться.

Однако тотчас другой, внутренний голос Б у р х а н а, возразил: почему всю жизнь? Вспомни время, когда-то мы были неразлучными, верными друзьями.

Б у р х а н с п о р т р е т а. Может быть, когда-то и были. Но кто первый бросил камень в святую дружбу? Не он ли, не признававший никаких авторитетов?..

Последнее время Бурхану все чаще стало казаться, что его внутренний двойник напоминает маленького, усохшего старичка, одетого с головы до ног во все белое. Сходящий же с портрета человек был похож на громадного великана, головой достававшего до потолка. И всегда старался загнать маленького старичка в угол, поставить в тупик.

Б у р х а н с п о р т р е т а. Вот ты твердишь: друг, друг... А на самом деле?.. Вспомни: хоть раз в каком-нибудь важном деле принял он твою сторону, разделил твои взгляды?

Внутренний голос Б у р х а н а. О чем ты говоришь! Мы же вместе воевали в Красной Армии. Боец, не делившийся последним с другом, а порой и жизнь ради него не щадивший, — разве мог считаться настоящим бойцом? Так и мы с ним...

Бурхан с портрета. На войне, в гражданскую, может, так и было. Ну а в мирной жизни, потом? Разве все так и осталось?

Внутренний голос Бурхана. Потом, говоришь? Потом...

II

Что же случилось потом? Когда между ними впервые пробежала кошка? С чего это началось и кто был в этом повинен? Не с того ли неприкосновенного колхозного запаса зерна, которое, как зеницу ока, берегли к севу? Да, все началось именно тогда! А какими молодыми, порою наивными, но верными друг другу во всем оставались они, сельские парни! За Красным Кадыром — в огонь и в воду готовы были идти Акбар и Бурхан не раздумывая. Жизни не пощадили бы, но вспять не повернули. А сколько потом по горам, по долинам родной земли гонялись за коварными басмачами, не раз глядели в лицо смерти и стали словно братья родные. Вернулись в кишлак. Им троим и суждено было стать новой молодой властью здесь, на этой земле, где родились. Как дружно они тогда держали совет по всем делам, а когда проезжали по главной улице — Кадыр на буланом, Акбар на саврасом, а он, Бурхан, на своем гнедом, — не было человека, который бы не смотрел восхищенно вслед. При их грозном виде прятались по закоулкам кулаки и богатеи. Зато бедняки, которым революция открыла путь к новой жизни, с радостью приглашали их к себе. Но к весне тридцать третьего года все разом изменилось, люди стали относиться по-другому. При встрече иные отворачивали лицо, делали вид, что не замечают активистов, словно потеряли веру в них и в новую власть, которую те собой олицетворяли. Голод обессилил людей, многие пали духом, не верили, что выкарабкаются. Каждый день в кишлаке кого-нибудь хоронили, иногда по три и четыре человека сразу.

Когда зацвел в ту весну ранний урюк, а вдоль арыков зазеленела мята, из города вернулся Акбар — туда его посылали на месячные курсы ликбеза. Почерневший, исхудавший, с хмурым лицом поздоровался с друзьями. Накануне умер от голода его дядя, и Бурхан с Кадыром с трудом насобирали у односельчан на поминки несколько килограммов муки. Все одно к одному: им не удалось вовремя известить Акбара о кончи-

не родственника, видно, поэтому тот обиделся на них. Ведь дядя заменил Акбару-сироте отца. И утром, на поминках, не проронил ни слова. После обеда пришел в сельсовет чернее тучи. Кадыр и Бурхан молча поднялись, сочувствуя другу, но вскоре, видя, как упорно молчит Акбар, поняли, что дело в чем-то другом.

Акбар пристально глянул на Кадыра, от невысказанной обиды задрожали губы. Не в силах совладать с собой, быстро отошел в угол, постоял немного, порывисто обернулся:

— Ходить в кожанке да красоваться в шинели, не снимая с головы буденовки, — проще простого! Какие же мы, к черту, представители советской власти? Почему людям не помогаем?

Едва услышав слова о буденовке, Кадыр покраснел, сдернул с головы свою и, смущаясь, пытался засунуть ее в карман галифе.

Акбар подошел к окну. Временами налетали порывы ветра, и тогда стекла в дождевых потеках тоненько дребезжали.

Бурхан начал было оправдываться:

— Сам видишь, Акбар, голод... Что мы можем поделать? Чем помочь?..

— Значит, так и будем сидеть сложа руки? Что же это за власть такая, если в тяжелое время не может помочь своему народу?

Бурхан и Кадыр, переглянувшись, опустили головы, словно были виноваты, что лихо приходится людям. Никто не решался нарушить молчание первым. На дворе по-прежнему неистовствовал ветер, срывая с деревьев последние листья. Дождь то усиливался, громяхая по крыше, то временами затихал. В дверную щель поддувало, все трое поеживались от холода.

— Ты уж прости нас, — первым нарушил молчание Кадыр, — не смогли мы тут без тебя...

— Не смогли, говоришь?.. Люди с голоду мрут, а вы... Занимаетесь... неизвестно чем...

Тут уж и Бурхан вспылил:

— Почему это неизвестно? Прячемся мы, что ли? Ответственности боимся? Или же утаили по своим закромам колхозные запасы? Ты говори, да не заговаривайся! Помогали родным умерших как могли, вот... хоронили...

— Живым надо помогать, тем, кто еще жив! Понял?

— И ты нас пойми, а потом обвиняй,— Кадыр пошел к двери, распахнувшейся от сильного порыва ветра.— Разве у нас есть что-нибудь, чем бы мы могли колхозников накормить? Да если б было, мы...

— А разве нет? — перебил Акбар.

— Подскажи, если знаешь! — Лицо Кадыра пошло красными пятнами; чтобы как-то успокоиться, он принялся ходить из угла в угол.

— Ну ты прямо спятил, Акбар! — негодовал Бурхан.— Тебя послушать... наверняка какой-нибудь сплетник нашептал тебе на нас с Кадыром!

Акбар кивнул на окно:

— Никакой не сплетник!.. Народ так говорит... Народ, дорогие товарищи, говорит, что в кишлаке мрут от голода, а советская власть в амбарах гноит пшеницу!

— Какую пшеницу! Ты имеешь в виду семенной фонд? — Глаза Бурхана округлились.— Ну нет, ты не посмеешь тронуть это зерно! Я лично головой отвечаю за него! Кадыр! Объясни-ка ты ему... Скажи, что это зерно трогать нельзя, это ведь будущий урожай!

— Эй ты, послушай! Кончай махать руками! — Акбар схватил Бурхана за отвороты кожанки.— Случаем ты не спятил ли? Я тебе говорю, люди мрут от голода, а ты... Эх, ты!

Кадыр подошел сзади, положил руку на плечо Акбара.

— Пойми и ты, брат! Ведь зерно опечатано государственной комиссией, — как можно спокойнее сказал он.

— Зерно-то опечатано, знаю, но руки-то наши свободны! — Акбар с отчаянием взглянул на Кадыра, будто моля его понять.— Уж если мы от имени власти не можем помочь народу, так чего мы тогда стоим? Иметь зерно и не дать его людям — этого нам никогда не простится! Слышите? Если сегодня же не раздадите пшеницу, заявляю — лично я выхожу из состава Совета! Все! Точка!

Сказав это, Акбар сел за стол, положив перед собой сжатые кулаки. Снова повисла тишина и стало слышно, как за окном по тарнову¹ в подставленную бочку стекала с крыши вода. Небо по-прежнему было затянуто тучами, ветер, тоскливо завывая, раскачивал деревья.

¹ Т а р н о в — деревянный желоб.

— Ну что будем делать? — потирая подбородок, спросил Кадыр. Нерешительно предложил: — Может, акт составим?

— Без акта не обойтись!

— Отвечать-то за это кто-то должен, — усмехнулся Акбар.

Кадыр не сдержался:

— Да хватит тебе! Говоришь так... будто мы боимся ответственности!

— Тогда снимите ее с меня, — облизнул пересохшие от волнения губы Бурхан. — А потом делайте что хотите!

— Вот как! — прищурился Акбар, пронизывая Бурхана взглядом.

— Да, да, только так! Я умываю руки! — закричал вдруг Бурхан. — Только так!

— Ну хорошо! Выкладывай Акбару ключи от амбара! Если меня за это к стенке поставят, пусть. — И, снова натягивая на голову буденовку, Красный Кадыр пошел к двери, на ходу бросив: — Составь список, подготовь акт о раздаче зерна. А я пойду предупрежу народ. Смотри только не забудь кого-нибудь, а то потом беда...

— Кадыр! Подумай о последствиях! — бросил вслед ему Бурхан.

Кадыр, ничего не сказав, закрыл за собою дверь. Бурхан хотел было крикнуть ему вдогонку, что и он выйдет из состава Совета, но, оставшись один на один с Акбаром, не осмелился. Тут же подумал: кем он-то сам станет, если выйдет из числа активистов колхоза? Рядовым колхозником?.. Снял ключ со шнурка, который носил на шее, словно талисман, положил его на стол перед Акбаром, с завистью глянул на товарища: вот когда он впервые почувствовал, насколько Акбар выше, сильнее, принципиальнее. И с той самой минуты возненавидел.

Тот случай в тридцать третьем, наверное, и стал первой серьезной трещиной в отношениях еще недавно неразлучных друзей. Трещиной, которая с годами росла и постепенно превращалась в непреодолимый, страшный ров, расколовший их путь до конца жизни...

И теперь пришли эти сосунки, архитекторы, художники — пришли и напомнили ему обо всем. Да еще говорят о памятнике. И кому!..

Бурхан лежал неподвижно, смежив веки; внук и его товарищи разговаривали шепотом, наверное, думали: устал старый человек, пусть немного соснет.

III

— Разве он не достоин этого, дедушка?— едва открыв глаза, Бурхан услышал голос внука.

Старик поглядел в глаза Джуры. Конечно, велико было искушение рассказать молодым обо всем, помешать установке злосчастного памятника, но как внук воспримет его слова? Может, не настала еще пора говорить об этом? Сами поймут со временем? Не маленькие. Хорошо, если послушают его совета, а если нет? Будут искать встречи с другими, с теми, кто работал когда-то с Акбаром? С этим шайтаном Зориным? Да, поистине счастливый случай привел ребят сначала именно к нему, Бурхану. Может, все-таки не оплошать и воспользоваться?..

Он улыбнулся. Потом, оглядев внука и его друзей, одобрительно кивнул:

— За хорошее дело взялись вы, дети мои! Верно, можно поставить памятник и Акбару-палвану. Однако, мне кажется, это будет не совсем справедливо. Да-да, ведь не он один боролся за советскую власть в Катта Кангли. Верно? Вы об этом подумали?

Старика Бурхана так и подмывало излить душу перед друзьями Джуры. О многом хотел рассказать. О том, как трое неразлучных товарищей первыми в этих местах вступили в ряды Красной Армии, как дрались с басмачами в Ферганской долине и Байсуне. Как в один день вступили в партию и вернулись в кишлак уже представителями новой власти. Не терпелось напомнить, что и создание колхоза тоже было доверено им троим. Эх, да можно ли забыть те времена! На своих замечательных конях они — три красноармейца, три молодых большевика — проскакали тогда по главной улице родного кишлака. По занимаемому положению они были равными. Да какое там положение! Кто думал об этом в те времена?..

— Значит, мои молодые друзья, беремся за дело, не зная истории родного края?— укоризненно оглядел Бурхан ребят.

Не поняв вопроса дедушки, друзья внука с недоумением глядели на своего товарища, а тот, засмутившись,

попытался объяснить, что имел в виду дед. И ребята за-спорили. Отар сразу принял сторону старика, Леонид не соглашался, Джура тактично умолк, словно воды в рот набрал.

— Знаете, дедушка... — наконец вымолвил он. — Ведь колхоз-то наш носит имя Акбар-палвана и называется Акбарабад. Так? Вот мы и решили...

Бурхан оживился, перебил:

— Вот-вот! И я об этом же речь веду! Солнце всходит — ему! Луна светит — тоже ему! Это, по-вашему, справедливо?

Джура, покраснев, возразил:

— Дедушка, ведь он был первым депутатом из нашего села, на самых первых выборах! Об этом каждый школьник знает!

Дед рассердился:

— Раз все всё знают, зачем пришли ко мне? Нечего старику голову морочить, коли не желаете считаться с его мнением.

Джура смущался все больше, потупясь, старался объяснить друзьям как можно мягче, чтобы не обидеть деда:

— Вы не поняли нас, опокдода, мы пришли, чтобы показать вам чертежи и проект памятника, который существует пока только на ватмане. Хотим узнать ваше мнение. Может, мы что-то не так делали. Вот посмотрите, пожалуйста!

Первым побуждением старика было прогнать этого упрянца, защищавшего Акбара, но внутренний голос твердил, что делать этого не следует. Не хотелось ставить внука в неловкое положение и перед друзьями. К тому же это может быть неправильно истолковано и другими, да мало ли кто, узнав, скажет, что вот, мол, дожил старик Бурхан до старости, а ума не нажил, зависть, мол, одолела...

— Ну что ж, показывайте, — примирительно буркнул Бурхан.

Гости живо принялись за дело, стали развешивать на веранде чертежи и рисунки. С лица Отара не сходила улыбка, он подмигивал Леониду: каков, мол, дед Джуры, понимает толк и в наших делах. Когда же увидел портрет Бурхана на стене при всех регалиях, удивился еще больше:

— Оказывается, наш бабо — Герой Труда?

Леонид, не желая отставать от друга, тоже решил сделать Бурхану приятное:

— Бобо не только Герой Труда, но еще и политик тонкий...

Да, да, это так, он всегда был политиком, этого у него не отнимешь. Так, может быть, воспользоваться все же случаем? Завести этих сосунков? Может, и поверят? И Бурхан с портрета будто кивал: «Ну что медлишь? Давай-давай! Разве ты не достоин памятника? И не сомневайся».

— Ты, Джура, наверное, не все объяснил друзьям, — Бурхан укоризненно поглядел на внука. — Ты вот сказал, что я двадцать лет подряд был бессменным председателем колхоза. И заслуг у меня ничуть не меньше, чем у других. Так?

Внук опять смутился, отвел взгляд.

— Все об этом и так знают. Но не могу же я предложить вашу кандидатуру, дедушка, милый...

— Вот ты каков!.. Совсем не обязательно говорить об этом прямо, — зашептал старик, отвернувшись от товарищей Джуры. — Можно ведь исподволь подвести их к этой мысли! И не забывай, твой отец — секретарь райкома партии. Кто пойдет против?

Джуру покоробили слова деда. Он отвернулся. Старик, видно, и самому стало вдруг неловко, он поспешил заметить:

— Ты не обижайся, я это так, к слову. Никто не неволит. Правительство само знает заслуги каждого, — неожиданно вдруг закончил Бурхан, явно намекая на что-то, совсем уже непонятное Джуре.

Леонид и Отар тем временем кончили развешивать чертежи, рисунки и развернули маленький сверток, который принесли с собой. В нем оказалась миниатюрная копия будущего памятника.

Старик Бурхан не сводил взгляда с гипсового слепка. Неплохо придумано! На постаменте рядом со своим трактором стоит Акбар, ладонь надо лбом, будто от солнца защищает глаза, глядит куда-то вдаль. Вылитый! Ничего не скажешь!..

Бурхан прикрыл глаза, представив на миг вместо Акбара себя. Как, интересно, будет смотреться он сам, если памятник поставят ему? Эх, а совсем не худо было бы! Смотрелся бы! Такой гордый, представительный...

Бурхан перевел взгляд на рисунки.

Вот Акбар-палван крупным планом, голова повязана вокруг тубетейки скрученным поясным платком... Вот он же на коне, перехватил руку грозного на вид человека с занесенной камчой и так крепко вцепился, что кажется, камча вот-вот упадет. А рядом молодая женщина с нежным прекрасным лицом прижимает к себе ребенка и полными страха глазами глядит на всадника...

Старик разозлился: ну это лишнее! Ведь кем был Акбар? Рядовым трактористом... Им до конца жизни и оставался. А они его изобразили как героя достана — тоже мне мастера. А я ведь столько лет целым колхозом руководил, но никто и не вспомнит теперь!..

Старик посмотрел на свой портрет. И тот Бурхан вроде одобрительно кивнул: мол, если не получается, что еще остается?.. Но вот загвоздка! Что скажут люди?

Да разве время теперь думать об этом? Начнешь сомневаться, с носом останешься!

Уж конечно, лучше синица в руке, чем журавль в небе! Старику Бурхану всегда была по душе эта мысль. И теперь... Ладно! Пусть не делают памятника ему одному. Не надо! Однако почему бы не поставить всем троим — трем товарищам, трем большевикам? Вот и повод для разговора. И весьма тактичный...

Бурхан тяжело вздыхает: «Если бы увидеть своими глазами такой памятник, ничего в жизни больше и не надо! Успеть бы только увидеть».

IV

Общее собрание, казалось Кудрату Бурхановичу Артыкову, проходило куда лучше, чем он предполагал. Два колхоза, большую часть земель которых передали после землетрясения под городское строительство, без лишних споров и препирательств объединились в одно хозяйство. В правление избрали рекомендованных Кудратом людей. Словом, все шло так, словно было оговорено и согласовано заранее, и каждое предложение, связанное с налаживанием нового хозяйства, встречалось аплодисментами. Если бы секретарь райкома не приехал на собрание сам, а послал бы кого-то другого, менее авторитетного человека, наверняка не прошло бы так гладко. И уж конечно не обошлось бы без критики и споров. Без конца просили бы слова представители то одного, то другого колхоза, каждый стремился бы дока-

зывать свою правоту, и собрание не кончилось бы до утра...

Нет, в таком тонком деле никак нельзя допускать анархии. На таких ответственных мероприятиях всегда лучше присутствовать самому...

Взгляд равнодушно скользнул по лицу женщины, зачитывавшей проект решения. Уже немного осталось, с облегчением подумал Кудрат, осталось дать название объединенному колхозу, — он ведь, собственно, еще и из-за этого здесь, на собрании. Ну это в протокол можно и не вносить, простым голосованием...

Что от самого себя-то скрывать, именно этим и был он озабочен. Теперь скромничает, скромничает старик отец! Говорит, пусть хоть улицу назовут его именем. Что улица? Вот колхоз — да!!! Надо ведь когда-нибудь и отца больного порадовать. Памятник подождет, можно и попозже поставить, — одно его слово... Почему бы объединенный колхоз и в самом деле не назвать... Каждый раз, когда бывает у отца, тот все время намекает, говорит, что, мол, кроме сына, некому о нем позаботиться. Иной раз даже и прослезится вдруг ни с того ни с сего. Должен же он наконец выполнить свой сыновний долг. Да и потом, что он за секретарь райкома, если не сможет настоять на том, чтобы назвать только что созданный колхоз именем отца? Конечно, он понимает, все это надо делать по-умному, не дай бог, пойдут потом лишние разговоры... Да, неплохо было придумано старое — «Акбарабад», однако «Бурханабад» — лучше... Что ж, надо ковать железо, пока горячо. Вот и женщина в ярком атласном платье, зачитавшая решение, сошла с трибуны, передала председателю текст, величественно проследовала к своему месту. По рядам пронесся обычный шумок, предвестник окончания собрания. Осталось только утвердить решение, проголосовать за поправки. Председатель взглянул на Артыкова, тот еле приметно кивнул, давая понять, что можно закругляться; но на всякий случай, нагнувшись к секретарю райкома, прошептал:

— Может, вы, ака, скажете несколько слов?

Кудрат глянул в сторону только что избранного райса объединенного колхоза, который сидел в задумчивости по другую сторону от ведущего собрания.

— Нет! Разве он не будет выступать? Положено ведь... И он собирался...

— Товарищи, прошу тишины! — председательствующий поднял руку. — Слово предоставляется...

Новый руководитель подошел к трибуне, нервно комкая в руках какую-то бумажку. Высокий, подтянутый, он своей внешностью напоминал скорее молодого ученого: строго поблескивающие тонкой оправой очки, темно-синий костюм, в тон рубашка, модные туфли. Буйная вьющаяся шевелюра, выбивающаяся из-под тубетейки.

В нерешительности остановившись у трибуны, будто вышел сюда не по своей воле, он с некоторой опаской окинул взглядом зал.

«Вроде не глупый малый, все понимает, — старался успокоить себя Кудрат. — Неужели такой пустяк может вызвать у него сопротивление? Ведь договорились вроде обо всем? Пойдет против меня? Нет, думаю, он отлично знает, чем это может кончиться. Ведь это моя идея — сделать его председателем. Нет, не должен... не пойдет...»

— Уважаемые односельчане! Товарищи соседи, тоже теперь ставшие односельчанами! — начал молодой раис. — Сегодня мы объединились в один коллектив, и мне хочется высказать слова благодарности за оказанное доверие. Немало было достойных людей, выдвинутых на этот пост, и, я уверен, они работали бы не хуже меня... Впереди у нас много дел. Я думаю, мы вместе будем радеть за процветание нашего объединенного колхоза. Я рад еще и тому...

Кудрата душил смех, он еле сдерживался. «Давай, давай, заливай! Оказывается, еще и говоришь красиво! Время, брат, такое, каждый за себя, как говорится, в огонь и в воду...»

Однако радость секретаря райкома скоро сменилась настороженностью. Молодой председатель, смущаясь, исподтишка бросая робкие взгляды на секретаря райкома, все не мог перейти к сути дела, и Кудрату стало казаться, что тут-то он как раз и споткнется, испортит, что называется, обедню.

— Всем известно, — продолжал между тем председатель, — что по нашему старому обычаю новорожденному дают имя в честь самых уважаемых людей кишлака — аксакалов. Но наше хозяйство не новое, родилось на базе двух колхозов, поэтому я и предлагаю... оставить за ним название одного из хозяйств. Если уважаемые старейшины не возражают...

Кровь застучала в висках Кудрата Бурхановича. «Тоже политик нашелся!.. Значит, не понял намек секретаря райкома в недавнем разговоре? Или сделал вид, что не понял?..» Какой-то мужчина в кителе защитного цвета, сидящий в первом ряду, громко и отчетливо ответил за всех:

— Вам виднее, раис, а мы согласны!

Ни о чем не ведающий председатель, однако, заметил нетерпение Артыкова, объясняя это слишком затянувшимся собранием.

— Пусть, товарищи, все будет по справедливости, — сказал он, приходя на выручку новому раису и тем самым как бы призывал его закругляться. — Председатель избран от нашего колхоза, так сохраним название соседнего, пусть объединенный колхоз носит имя Партсъезда!

— Лучшего и не придумаешь! — донеслось из гудящего зала.

— Одобряем!

Кто-то робко захлопал, и вот уже оглушили дружные аплодисменты.

«А, велеречивый, язык проглотил в нужный момент! — зло подумал Кудрат, нервно складывая под столом ладони. — Ну черт с ним. Придумаю что-нибудь еще! Однако почему это раис все еще не уходит с трибуны?»

— В таком случае, позвольте считать ваши аплодисменты одобрением предложения, — подытожил председатель.

— Согласны! — громко ответил человек в кителе.

— Ставьте на голосование! — крикнул вдруг кто-то из последних рядов.

Раис обернулся к президиуму: как, мол, дальше-то поступить?

И пока председатель в нерешительности обдумывал, что предпринять дальше, из середины зала поднялся высокий статный старик, уверенно направился к трибуне. Почти одновременно прозвучали слова:

— Тогда прошу... ставлю на голосование... кто за то, чтобы... — и тут председатель занулся, увидев идущего к трибуне старика.

Все с интересом ждали, что произойдет дальше. Председательствующий что-то зашептал в самое ухо секретарю райкома, однако тот и сам уже узнал стари-

ка, да его трудно было не узнать, и на душе Кудрата Бурхановича стало прескверно.

— Вы хотите что-то сказать, товарищ Зорин? — голос председательствующего срывался.

— Да, сынок, хочу, — ответил тот, поднимаясь по ступенькам сцены; приглаживая мохнатые пшеничные брови, пошутил: — Смотрю, ставишь на голосование, не узнав мнения старого коммуниста Зорина, вот и вышел!

По залу пронесся шумок, но старик не обратил на это никакого внимания, положил на край трибуны старую кепку, встал поудобнее, словно собирался говорить долго и обстоятельно, обернулся к новому раису.

— Извини, что прервал тебя, сынок!

Был он русским, этот старик Зорин, но безукоризненно говорил по-узбекски. Кудрат беспокойно заерзал: «И откуда только взялся этот выскочка? Куда смотрел председатель? Зачем его надо было выпускать на трибуну?..»

Между тем Зорин похлопал по плечу нового раиса, повернулся к залу. Рядом с его статной, высоченной фигурой тот выглядел почти подростком.

— Двадцать лет назад, товарищи, — начал Зорин, — я оказался свидетелем одного интересного события. В нашем районе правил тогда знаменитый председатель. И, помню, он присоединял к своему процветающему хозяйству один отсталый колхоз. Состоялось похожее собрание. Но тот раис сначала все, что мог, перевез из отсталого колхоза на свой хозяйственный двор и только потом собрал людей. Пришли соседи, а председатель сидит себе возле трибуны один и, что вы думаете, делает? — наигрывает на дутаре! Все в недоумении. Однако никто не решился прервать его игру. Председатель же, отложив дутар, говорит: «С сегодняшнего дня вы присоединились к нам. Какую мелодию мы будем играть, под ту вы и будете плясать. На этом и собранию конец». Затем раис встал и молча удалился. Никто и слова не успел вымолвить...

Лицо Кудрата пылало. «Сколько лет это будет продолжаться? Чего Зорин все время цепляется к отцу, ненавидит, без конца жует, жует одно и то же! И как не надоест?..»

— Правда, все это было давным-давно, — продолжал между тем Зорин. — Однако... — Старик выдержал паузу, взглядываясь в лица сидящих в зале. — Что теперь-то у нас получается? Не то же ли самое? По правде ска-

зять, не узнаю я вас, товарищи односельчане! О чем вы сегодня-то думаете? Кому подпевааете, аплодируете? Под чей дутар пляшете? Или совсем разучились видеть, где правда, а где кривда? Коли кто прыгнет с крыши, так и мы за ним? Вы пришли сюда в ладоши похлопать? Разве собрание так должно проходить?

Волнуясь, старик Зорин то размахивал руками, словно помогая себе говорить поубедительнее, то умолял, чтобы отдышаться.

— Ты вот, товарищ раис, умные слова тут говорил, и я полностью с тобой согласен. Кто не чувствует заботы нашей партии, тот не человек, слепец, потому что партия дала нам всё — свободу, справедливую жизнь. А ведь это великое, святое слово — справедливость. И стоит оно рядом с такими понятиями, как честь и совесть. А раз так, товарищи, вправе ли мы везде упоминать святое понятие — партийный съезд — и называть его именем все подряд? Название это заслужить надо!..

В зале наступила такая тишина, что казалось, все перестали дышать. Кудрат сидел как на иголках, каждое слово старика вонзалось, словно шип. В конце концов он не выдержал: раз не сумел предложить новый раис назвать колхоз именем отца, что ж, пусть уж будет как будет, — спросил с места:

— Неясно все же, почему бы не назвать наш новый колхоз именем партийного съезда?

Зорин обернулся к нему:

— Скажите мне, пожалуйста, товарищ Артыков, сколько у нас в районе колхозов, носящих это высокое звание? Два? Три? Больше?

Кудрат с досадой поглядел на вредного старика, понял, что не так-то просто ответить на поставленный вопрос — сразу и не сосчитать, — однако надо как-то вернуться. Все ждали.

— Я так считаю, товарищ Зорин: чем больше, тем лучше. И вы меня не переубедите в обратном.

Артыков решил своим ответом положить конец этой перепалке, однако упрямый Зорин гнул свое:

— Нет, не прав ты, сынок, и если нужно, я это докажу.

Кудрат вскипел: мало ему — походя оскорбил отца, так теперь и его, секретаря райкома, хочет опозорить. Артыков приподнялся, словно собираясь согнать оратора с трибуны.

— Мы вас уважаем, отец. Но скажите, почему, не являясь членом ни одного, ни другого колхоза, вы считаете себя вправе совать нос в дела этих хозяйств?

— Что?.. Что ты сказал?— не понял Зорин, придя в замешательство.— Выходит, зря старик Зорин сорок лет живет на этой земле, зря исколесил ее на тракторе и пешком исходил вдоль и поперек? Так, что ли? Не-е-ет, сынок, если ты этого не знаешь, то вот они, — он показал рукой в зал, — они-то, люди, знают, их отцы, народ знает! Я всю жизнь жил и работал с ними! Хотя и прошли времена МТС, а сам я на пенсии, но по-прежнему состою на учете в парторганизации колхоза, а значит, все, о чем здесь говорится, и меня касается.

Он повернулся к залу, будто ища поддержки, и оттуда понеслось:

— Знаем товарища Зорина!

— Не обращайтесь внимания, ака, говорите!

— Вы правы, говорите!..

Старик, приложив руки к сердцу, поклонился.

— Спасибо! А теперь, с вашего позволения, я договорю. Работал я в двадцать четвертом году в Андижане, и к нам приехал тогда всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин. Рабочие хлопкоочистительного завода, где я трудился, обратились к нему с просьбой дать разрешение назвать наш завод именем Ленина. И какой, вы думаете, ответ мы получили? Сперва надо заслужить право, чтоб завод носил имя вождя революции. Мало здесь одного желания... Так сказал Калинин. И я думаю, мало хотеть, чтоб колхоз носил имя партсъезда. Надо заслужить это. Чем плохо название Акбарабад? Может, вы, товарищи, забыли, почему так называется колхоз? Так я напомним! В честь Акбар-палвана, нашего первого тракториста, первого депутата Верховного Совета от нашего округа. И в годы войны не посрамил Акбар-палван звание коммуниста; не пустили его на фронт, может, тут многие уже не помнят почему... Бронь дали, чтоб хлеб фронту растил... Но пролил он свою кровь ради людей здесь, на этой земле... Стыдно, дети мои, предавать забвению таких людей. Мы в неоплатном долгу перед их памятью. Настоящим человеком был Акбар-палван, большевиком... У меня одна к вам просьба, товарищи, подумайте, пожалуйста, серьезно. Сохраните название колхоза — Акбарабад... Чем не достойное название?

Торопливо собирал свои бумаги Кудрат. «Нет, хуже не придумаешь! Медвежью услугу отцу оказал, подумать только! Ведь до него дойдет, непременно дойдет все, что говорилось сегодня тут, на собрании... Скажет, и такой малости не мог сделать...»

Никто, конечно, не догадывался, что творилось на душе секретаря райкома; лицо его было непроницаемо.

V

Никогда еще старик Бурхан не глядел на свой портрет с таким презрением. Столько лет дрался, марался, порою унижался, а чего достиг? В запальчивости подумал: вот так, только и удостоился мазни доморощенного художника... Нет справедливости в этом мире, видно, рано начал считать цыплят...

Бывало, в самые черные дни, когда накатывала на Бурхана смертная тоска и он готов был выть от беспомощности и неподвижности, портрет на стене приобретал для него какую-то особую притягательность, был окутан ореолом таинственности, будто сама жизнь таилась в нем. Когда порою сознание вот-вот готово было покинуть его, портрет на какое-то время исчезал из поля зрения. После таких страшных минут он снова поднимал глаза, и первое, что искал его взгляд, был этот портрет. Достаточно было взглянуть на него Бурхану, как жизнь будто вновь возвращалась, он оживал. Портрет должен был всегда висеть у него перед глазами, два раза в год он перекочевывал со стариком на веранду и обратно... Но теперь, видно, что-то случилось и Бурхана начал раздражать собственный портрет. Ах, если бы у него хватило сил встать, подняться с этой проклятой постели! С каким бы удовольствием он зашвырнул его куда-нибудь подальше!

А были времена, когда он гордился тем, что имеет портрет: ведь другого такого, насколько был осведомлен Бурхан, ни у кого из знакомых ему райсов не было. Нравилась поза — прежний Бурхан сидит, чуть подбоченившись, закинув ногу на ногу, и как бы ласково поглаживает головы львят на подлокотниках старинного кресла. К лицу ему и строгий китель, застегнутый по моде тех времен доверху. Во всем облике гордость и решимость. Грудь украшает Звезда Героя, будто увенчивая облик человека знаменитого, уважаемого; да и вряд ли во всем районе был тогда человек более знаменитый,

чем Бурхан-раис. Вот таким и в камне бы застыть... Но приехал вчера внук с кучей разных эскизов, и все как-то сразу утратило смысл. Неожиданно пропала таинственность в выражении лица на портрете, которая согревала Бурхана последние годы: теперь ему казалось, что по сравнению с набросками молодых художников, где изображен был Акбар, его портрет и пятака медного не стоит...

Внутренний голос Бурхана. Не удивляйся, ведь порою и золотые вещи, сработанные когда-то из высокопробного металла, спустя годы становятся похожими на простые медяшки. Глаза-то теряют способность определить истинную их ценность.

Бурхан с портрета. Нет, ты не прав. Редкая вещь всегда остается редкой. Художник рисовал портрет не одну неделю. И думаешь, зря ему заплачено пачкой красненьких тридцатирублевков?

Внутренний голос Бурхана. А, пустое! И портрет твой стал похож на ту потрепанную пачку ассигнаций! Прошли, старик, прошли твои времена! Канули в Лету...

Бурхан с портрета. По-твоему, настало время таких, как Акбар?..

Задремавший было на короткое мгновение Бурхан, вздрогнув, проснулся, удивился, увидев раму пустой. И хотя во дворе еще день не померк, будто все погрузилось во мрак. В углу, касаясь головой потолка, стоял его двойник с портрета, угрюмо глядя на кровать. Старик, прикрыв глаза, уже предчувствовал: вот-вот опять начнется извечный спор между ними.

Внутренний голос Бурхана. Да, пришло, видно, нынче время таких, как Акбар-палван, но еще в почете и тебе подобные.

Бурхан с портрета. Вспомни, разве заставляли тогда Акбара выходить из сельских активистов, стать рядовым трактористом? Ведь он сам не захотел работать с нами.

Внутренний голос Бурхана. А чего ж радовался тогда? Вот, мол, видно, думал, вышел наконец и этот из игры...

Бурхан с портрета. Нет, нет, ты ошибаешься, не было такого!

Внутренний голос Бурхана. Было! Разве не радовался, что теперь наконец-то, кроме тебя, некому стать председателем первого на селе колхоза?

Бурхан с портрета. И в мыслях не имел...

Внутренний голос Бурхана. Вспомни, словно гора с плеч у тебя свалилась, когда Акбар на своей лошади поскакал прочь от сельсовета! Скажешь, и этого не было?

Бурхан с портрета. Не помню что-то...

Внутренний голос Бурхана. Брось! Все ты хорошо помнишь. И ссору из-за пшеницы, и неприятности из-за того, что выслал из кишлака понапрасну Икбар-знахарку с мужем-учителем. Все, все ты помнишь, — что-что, а память у тебя цепкая...

Да, на память он до сих пор не жалуется. Верно, все началось с той пшеницы в памятном тридцать третьем году. Раздал неприкосновенный запас зерна, приготовленный для сева, нарушил закон Акбар, а почет и уважение все равно заслужил. Он один... Помнится, Бурхана с Кадыром хорошенько пропесочили тогда в районе. И Акбару досталось. Хорошо еще, что акт догадались составить, документы оформили, а то бы попали под суд...

Именно тогда вкрался первый холодок в их отношения. Но никто из них троих и виду не подал, что это так. Вскоре, однако, снова представился случай, он-то и показал, на что был способен каждый. Составляли списки ненадежных, в их числе и остатки нераскулаченных, кандидаты на высылку из кишлака. Разругались в пух и прах. Сидели тогда, помнится, в сельсовете, где, кроме стола под красным кумачом да трех ломаных стульев, ничего еще не стояло. Акбар писал, Красный Кадыр и Бурхан подсказывали имена и фамилии. Внезапно Акбар в сердцах отшвырнул ручку.

— Вы что, с ума все посходили? Решили никого не оставлять в кишлаке? Так, что ли? А с кем колхоз собираетесь строить?

— Не горячись, Акбар, это ведь только так, предвзвременно, — ответил Красный Кадыр.

— Будь на то моя воля, половину из предложенных вами вычеркнул бы из этого списка! Ну должна же быть совесть... Как потом людям в глаза глядеть будем?

— Половину? Ты это серьезно? Ну и добренький, как я погляжу! — Кадыр махнул рукой, повернулся к Бурхану. — Ну а ты что думаешь по этому поводу?

— Может, еще раз посмотрим наш список?

Акбар не дал договорить:

— А, оставь! Однако вввоттт эттти...— Акбар от волнения стал заикаться.— Придддет ддден, и мы должны будем ответттить за их судьбы. Вы понимааеттте эттто?

— Хорошо, хорошо,— успокаивал Кадыр,— не нервничай. Так против кого ты конкретно? Давай по порядку.

Акбар стал перечислять:

— Гулям-чайханщик, Али-парикмахер, Алим-бакалейщик, Икбар-знахарка...

— Постой, постой!— Красный Кадыр положил руку на список.— Гулям-чайханщик, Али-парикмахер, Алим-бакалейщик... это еще я могу понять... Но Икбар-знахарка! За какие такие заслуги мы не должны выселять ее? Она ведь бездельница, только людям головы морочит.

— Гнездо ереси!— вставил Бурхан.— Довольно с нас ее заклинаний! Уж какое там лечение от болезней...

Полуобернувшись, Акбар молча глядел на друзей.

— Скажите-ка, разве никто никогда из ваших домашних к ней не обращался?

Бурхан деланно закашлялся, не зная, как ответить Акбару, покраснел, едва слышно промямлил:

— Ну и что с того, что обращались, ведь не мы с вами? Так? Почему же теперь должны быть к ней снисходительны?

— Да подумайте сами хорошенько,— Акбар говорил спокойно.— Надо делать все по совести. Что скажет твоя сестра, Бурхан, твоя мать, твой отец, Кадыр, да весь кишлак, наконец? Об этом вы подумали? А ведь мы представители власти. Или имеем право быть только жестокими?.. Кто мне ответит?

Бурхан недовольно хмурился, Кадыр до посинения тер переносицу, что являлось свидетельством непомерного волнения, задумчиво шагал по комнате.

— Хорошо,— остановившись наконец, сказал он,— скажи мне, Акбар, какая все-таки польза нам от этой знахарки?

— А ты что, не знаешь ее мужа?— удивился в свою очередь Акбар.— Учителя в школе? Вы что же, хотите мужа оставить в кишлаке, а жену выселить?

Красный Кадыр рубанул воздух рукой, словно саблей:

— Нет, и муж поедет с ней! Мы не можем оставить учительствовать в советской школе человека, не сумевшего собственную жену отвадить от ворожбы!

— А я категорически возражаю! — наступал на Кадыра Акбар. — Разве можно выселять из кишлака двух бездетных людей? Это жестоко! Бесчеловечно!

Все трое оказались теперь в разных концах комнаты. Воцарилась тишина, и стало ясно, что вряд ли они когда-нибудь придут к единому мнению.

Первым нарушил молчание Красный Кадыр, процедив сквозь зубы:

— Теперь понятно, почему ты против! Однако я остаюсь при своем мнении, жалость к кулакам и строительство социализма — вещи несовместимые! Что ты на это скажешь, Бурхан? Пусть твое слово станет решающим.

Оглядев друзей, Бурхан вспомнил недавний инцидент с зерном. Хватит той истории с них, хватит! И он отрезал:

— Лично я за строгость. Довольно, нахлебались мы уже с этим... неприкосновенным запасом зерна!

Акбар изменился в лице. Взгляд его был более чем красноречив, в нем читался немой укор. Но ничего не сказал, взял свой беляг со стола, бросил через плечо.

— В таком случае я выхожу из игры, — сказал он, решительно идя к двери. — Поищите в свою компанию более строгого активиста.

Кадыр попытался преградить ему дорогу, но Акбар оттолкнул его. Бурхан тоже поплелся было за ним, но понял, что Акбара вряд ли остановишь. Стоя на пороге сельсовета, Кадыр прокричал:

— Вернись, Акбар! У меня к тебе предложение!

— Ну... говори, — обернулся Акбар.

— Колхозу в скором времени обещают выделить трактор, может... — Красный Кадыр замаялся, — может, ты пойдешь учиться на тракториста? А? Должен же ты чем-то заниматься? Как считаешь?

Акбар не спешил с ответом, смотрел себе под ноги, хмурился. Бурхан подумал, что на месте Кадыра он бы ни за что не стал унижаться: ушел — пусть уходит!

Однако Акбар неожиданно сделал несколько шагов назад, и сердце Бурхана екнуло: «Неужели вернется?»

Акбар остановился, не дойдя до крыльца, спросил:

— Когда надо ехать и куда? В район?

— Да!

Подумав немного, Акбар поднял голову:

— Когда отъезд?

— Если ты решил твердо, послезавтра.

Акбар кивнул, отвязал саврасого, легко вскочил в седло, хлестнул коня плетью.

К горлу Бурхана подступил комок: как-никак столько лет были вместе. И чего парень заупрямился? Из-за какой-то там гадалки-знахарки! Но эту мысль тут же вытеснила другая: все к лучшему — ведь теперь не осталось соперника на председательское место.

Акбар свернул за угол дома, и уже еле доносился топот его саврасого. Понутив голову, Красный Кадыр комкал в руках буденовку.

С уходом Акбара сельсовет будто опустел. Бурхан гнал от себя беспокойные мысли, которые одолевали постоянно. Ну и пусть его, ушел так ушел! Подумаешь, свет на нем клином сошелся, что ли? Сумеют обойтись и без Акбара...

Внутренний голос Бурхана. Я знал, ты всегда был черствым. Никогда никого не жалел. Помнишь, когда умерла твоя мать, ты и слезинки не обронил? А потом не очень-то ловко чувствовал себя перед родными.

Бурхан с портрета. Нашел, что вспоминать! Если мужик станет лить слезы по всякому поводу, как его от женщины отличишь?

Внутренний голос Бурхана. Во всяком случае, тебе твоя шкура всегда была ближе... Мог отречься от всего самого святого, если было выгодно. Разве нет?

Бурхан с портрета. Говори, говори все до конца. Ну какие еще у тебя там имеются обвинения?

Внутренний голос Бурхана. Акбару, наверное, тогда не стоило обижаться на тебя. То был пустяк по сравнению с тем, как ты позже поступил с Кадыром. Помнишь?

Бурхан с портрета. Неправда! Я чист перед ним!

Внутренний голос Бурхана. Снова не хочешь признаться? Совсем отшибло память! И забыл ту зиму и те события?..

Наверное, если бы Акбар не ушел тогда от них так решительно, этого не случилось бы. Не останься Бурхан один в сельсовете, не произошла бы та страшная история.

Зима в тридцать третьем выдалась суровой, морозной; в кишлаке все сидели по домам, спасаясь теплом сандала. Пожалуй, только Бурхан и Кадыр, поглощенные делами колхоза, не знали ни сна ни отдыха. Ходили по дворам, ездили то в райцентр, то в ближайший город, утрясали, согласовывали. А с людьми ведь как: дело новое, никто толком не знает, один мнется, спрашивает, что это такое — колхоз, другой жалеет отдавать скотину в общее хозяйство, третий и слушать ничего не хочет, ему и без колхоза неплохо.

У Бурхана одна мечта: быть всегда и всюду с председателем сельсовета Красным Кадыром, выполнять его поручения, завоевать во что бы то ни стало его доверие, а потом... как знать, может, выберут и Бурхана райсом колхоза!

Ждет не дождется Бурхан заветного дня, когда исполнится его мечта, каждый день допоздна засиживается в сельсовете: пусть все видят, как он работает не покладая рук, как предан новой власти.

В один из таких долгих зимних вечеров поджидал он возвращения из райцентра Красного Кадыра. Целый день мотался Бурхан по дворам, и теперь, в сельсовете, около горячей печки, его разморило, клонило в сон. Тускло мерцал перед ним неверный огонек коптилки, и он частенько снимал с фитиля нагар. Было тихо, Бурхан слышал, как скреблась за печкой мышь, а потом, набравшись храбрости, перебегала из одного угла в другой, мимо его ног.

Вдруг со двора донесся шум, и, едва успел Бурхан вскочить со стула, как с треском распахнулась дверь и в клубах ворвавшегося морозного воздуха ввалилось несколько незнакомых ему людей. Первым побуждением Бурхана было рвануться, перевернуть стол с коптилкой и, воспользовавшись замешательством, выскочить в темноте за дверь. Но не тут-то было! Не успел Бурхан выхватить из-за пояса маузер, как пятеро вооруженных неизвестных обступили тесным кольцом, кто-то больно ударил прикладом винтовки по локтевому сгибу — рука онемела и повисла как плеть.

— Подними руки, красная сволочь!

Человек в громадной лисьей шапке с вытарашенными глазами-щелочками сделал шаг вперед, остановился напротив Бурхана и дулом приподнял его подбородок. Бурхан попытался было левой рукой незаметно достать свой маузер, но от удара в плечо потерял равновесие

и упал навзничь. Его подняли с земляного пола, рванув за воротник кожанки, поставили перед человеком в лисьей шапке. Глаза, глядящие в самую душу, были так холодны, что он подумал, не служил ли этот бандит палачом. А дуло вражьего пистолета холодно уперлось в висок.

От неистового ветра то и дело распахивалась дверь, и в сельсовете стало так же холодно, как на дворе. Главарь обернулся к одному из сообщников, приказал:

— Закрой!— И повернулся снова к Бурхану, больно надавив дулом нагана:— Говори, где председатель сельсовета?

Бурхан молчал.

— И не вздумай болтать, что не знаешь!

— Он не докладывает мне...

— Ах, не докладывает?.. Последний раз, шкура, спрашиваю, где председатель?

— Он не говорил...

Бурхан решил, что будет повторять одно и то же, и бандиты, может, оставят его в покое. Но не тут-то было, главарь кивнул бандиту, стоявшему за спиной Бурхана:

— Готовь веревку!

Похолодев от страха, Бурхан подумал: «Неужели прямо здесь и повесят?»

Один из бандитов взобрался на стул и не спеша закинул конец толстой веревки за потолочную балку. Может, еще раз попробовать перевернуть стол с коптилкой?.. Уж в крошечной-то тьме легче скрыться. Мозг лихорадочно работал, Бурхан ждал подходящего момента для решительного прыжка. Но несколько пар глаз пристально следили за каждым его движением. Что делать? Что?..

Конец веревки, перекинутой через балку, скользнул почти до полу, другой бандит подхватил ее и стал скручивать петлю, но главарь, сдвинув лисью шапку на затылок, приказал:

— Эй, ловкач, за руки вяжи его, за руки! Соображаешь?

Они все разом суматошно накинулись на Бурхана, завели руки назад, стянули за спиной кисти. «Пусть пытаются,— обреченно подумал Бурхан.— Может, все-таки повезет, может, придут свои, я ведь везучий».

— А теперь тяни,— командовал между тем главарь.— Тяни, говорят!

Двое резко потянули за другой конец веревки, Бурхан рванулся связанными руками кверху, в плечах хрустнуло, в глазах потемнело от боли. Окружившие его бандиты казались великанами, их лица расплывались, тени в колеблющемся свете коптилки метались по стенам потолка.

— Может, все же скажешь, пока я тебя не вздернул за ноги? А?..

Бурхан временами терял сознание. Одна мысль сверлила мозг: «Сказать или нет? Сказать или нет?.. А клятва? Как нарушишь ее?..» Вот тут, в этом холодном, неудобном сельсовете, сидели они втроем. Совсем недавно кончилась гражданская война... За этим столом сидели — он, Кадыр и Акбар. И Кадыр сказал тогда: «Не предадим друг друга, если даже меч зависнет над головой». «Будем верными друг другу до последних дней...» — так, кажется, говорил тогда Акбар... А он, Бурхан?.. Что он сказал тогда?.. Разве не клялся вместе с ними?..

Главарь бандитов угрожающе затопал ногами. Потом пнул несколько раз Бурхана в живот. Возле самого лица мелькал его красный сапог.

— Тяните сильнее! Совсем, что ли, обессилели, бездельники?

Ноги Бурхана висели в воздухе, он заскрежетал от боли зубами. Замусоренный пол, стол под красным кумачом, коптилка на нем, громадные ноги обступивших его людей — все смешалось, завертелось перед глазами.

— Говори, сукин сын! Где председатель? — главарь снова подступил вплотную и вцепился пальцами в горло.

Бурхан сомкнул веки, из глаз потекли слезы. «Нет, теперь они не оставят меня просто так, заставят сказать... А потом убьют... Может, соврать? Все равно не проверят...» Он лихорадочно перебирал в голове, что бы такое придумать? Что сказать, чтоб поверили?..

Главарь в лисьей шапке окончательно потерял терпение:

— Ты у меня, сукин сын, сейчас заговоришь!..

По спине, голове, плечам, ногам, обжигая, заплесала камча.

— Не хочешь говорить? А если так?..

И лисья шапка, перехватив конец веревки, стал на ее конце скручивать петлю. «Кажется, и в самом деле умру ни за что! — пронеслось в голове Бурхана. — А какая

разница, скажу я им что-нибудь про Кадыра или не скажу? Один конец!.. Я ведь не отдаю им Кадыра в руки? Просто намекну, куда он уехал... Его еще найти надо!.. А если ничего не сказать?.. Тогда уж точно к праотцам отправят. Неужели конец? Неужели меня уже не будет на этой земле? Теперь, когда только жить бы да жить... А председательское место?..»

— Опускай ниже, кому говорю!— командовал между тем главарь банды.— Не желает говорить, пусть подышает, как свинья!

И тут Бурхан закричал нечеловеческим голосом:

— Почему не желаю? Желаю, желаю!.. Он... уехал в район... на собрание!

— Ну давно бы так, подлец!

Главарь сделал знак, и бандиты отпустили веревку.

Бурхан мешком рухнул на пол, из разбитого носа текла кровь.

Бандиты столпились над ним. «Лишь бы не тронули, не расстреляли!.. Боже, смилуйся!»

То ли мольба Бурхана дошла до всевышнего, то ли басмачи переменили решение, главарь вдруг приказал:

— По коням!

И бандиты так же быстро исчезли за дверью, как появились.

По кишлаку с топотом промчались кони. Вслед за ними несли хриплый лай потревоженных собак. Скрипела раскачиваемая ветром дверь, плясало пламя копилки, вот-вот готовой погаснуть. Бурхан лежал ничком со связанными руками. Сил не было подняться. Может, кто-нибудь зайдет? Но кому в такую пору придет в голову пойти в сельсовет... И старик Катфулла, сторож, куда-то подевался: наверное, в страхе забился подальше с глаз. А будь бы поблизости, мог бы и в район сообщить — предупредить Кадыра... Однако время шло, а Катфулла все не появлялся, и Бурханом постепенно начал овладевать страх. Только теперь он наконец осознал весь ужас случившегося. Нарушил клятву, не выдержал! Единственно, что могло спасти его теперь, — это молчание. Молчание до гроба... И рта он не должен открывать, чтоб чем-то себя не выдать: ничего не знает, ничего не видел...

Забывшись на какое-то время в болезненной дремоте, Бурхан продолжал неподвижно лежать на полу; ему казалось, что он погрузился в забытие, может, и заснул, хотя это маловероятно в его состоянии: нервы были на-

пряжены, и сквозь это забытьё он все время слышал хлопанье двери и ставен. Очнулся от звука тяжелых шагов. Катфулла, склонившись над ним, осторожно разрезал ножом веревки, опутавшие его руки. С трудом поднявшись на колени, держась за ножку стола, Бурхан распрямил спину, поглядел на сторожа:

— Ну что ты слезы льешь, старик? Жив я, жив... Вот... видишь... Напали бандиты... неизвестные. Избили, скрутили... Еле жив...

— Ты-то жив, слава богу! А вот... наш Кадыр... добрались они до него... проклятые!

— Что, что ты такое говоришь, старик?

Сторож горестно вздохнул, закатывая глаза:

— О боже, когда ты был справедлив к добрым людям? В чем была его вина?

Бурхан не знал, как подступиться с расспросами, как выпытать у Катфуллы, что же случилось. Но опасался: вдруг старик догадается, начнет подозревать Бурхана. Все же решился наконец и не узнал собственного голоса:

— Что с ним?

— Убили... Убили Красного Кадыра!..

— А убийц поймали?

— Да где там!..

Бурхан с облегчением вздохнул: «Неужто пронесло?»

Старик, продолжая громко сокрушаться, заскрипел сапогами по снегу, пошел было прочь, но, видно что-то вспомнив, остановился:

— Ты-то сам как себя чувствуешь? Как твоя рука? Ишь как тебя-то отделали!..

— Ничего, дядюшка Катфулла, мне лучше.

— Ах, бандиты проклятые! Значит, решили брать Кадыра прямо в сельсовете, да не схватили, а тебя вот, бедного, покалечили... а его... его... за два шага до кишлака!.. Подстерегли! Не горюй, у тебя заживет... А теперь собирайся. Кадыра вот-вот понесут на кладбище.

— Я сейчас, дядюшка Катфулла, сейчас, сейчас иду! Разве я могу не пойти? Только домой зайду!— Бурхан плотно прикрыл окно, припер за собой дверь сельсовета...

Все вокруг белым-бело от снега, всюду непривычные для южных мест сугробы. В глазах рябило от белизны, ноги проваливались по колено. В кишлаке не помнили такой снежной зимы, как тогда.

Еще издали Бурхан увидел, что опоздал: тобут¹ с телом Кадыра уже несли по дороге. И он ускорил шага, как только мог.

Чтобы проводить в последний путь председателя сельсовета, собрался весь кишлак. Люди в скорбном молчании стояли рядом с вырытой могилой. Их головы, плечи, одежда были белы от снега. Еще вчера они видели Кадыра живым. Он утром поехал в район по делам колхоза: Кадыр всегда все делал для других, его знали все. Его уважали в кишлаке, с его мнением считались, его любили...

Бурхан молча глядел на только что вырытую могилу. «Прости, прости меня, я виноват перед тобой, — мысленно шептал Бурхан. — Как мне тяжело, если бы ты только знал...»

Он думал, речью представителя из райцентра траурный митинг и закончится, но неожиданно услышал произнесенное вслух свое имя:

— Слово предоставляется верному товарищу и соратнику покойного председателя сельсовета, большевику Бурхану Артыкову.

Это сказал приехавший из райцентра мужчина.

Бурхан вздрогнул, словно его ударили. Что это значит? Неужели этот человек что-то знает и хочет испытать его? Казалось, силы его покинули, и он не в состоянии был двинуться с места. Что же сказать? У него не хватило духу выйти к тому месту, где говорили все, — на пятачок, окруженный плотной стеной односельчан. Не выйти тоже было нельзя: что скажут? Не поймут ли... что это он... виновен в гибели Кадыра?..

Сильно волнуясь, Бурхан сделал робкий шаг вперед и, внезапно поскользнувшись, бухнулся на колени перед гробом Кадыра.

Его односельчане, стоящие близко, суеверно отпрянули.

Не зная, куда деваться от стыда, Бурхан поднялся. Лишь душевные слова могли сгладить возникшую неловкость. А то ведь, глядишь, пойдет молва: неспроста, мол, человек поскользнулся на краю могилы, — не провинился ли он перед покойным?.. И, с трудом взяв себя в руки, Бурхан печально оглядел собравшихся проводить в последний путь Кадыра.

¹ Тобут — носилки для похорон.

— Дорогие земляки! Великое горе постигло нас. Верного товарища мы лишились. Найдется ли среди нас другой такой человек? Ведь так страстно, так преданно боролся он за советскую власть! Если даже среди нас и есть такие, все равно они не заменят нам Кадыра. Порою он был резким, непримиримым, не знал жалости. Но он это делал не для того, чтобы показать свою власть, нет... Он поступал так по убеждению, ради нашего будущего. Высылая кулаков, он хотел, товарищи, объединить нас, бедняков, в один колхоз. Он не успел довести до конца благородное дело, враги вырвали его из наших рядов. Но, товарищи, им не убить нас всех! Во имя светлой памяти нашего товарища мы создадим колхоз. Твои мечты сбудутся, Красный Кадыр, мы клянемся тебе в этом...

Представитель из района похлопал Бурхана по плечу, как бы успокаивая и выражая одобрение.

— Хорошее намерение! Могу заверить вас, товарищи, что районные организации целиком поддерживают предложение товарища Артыкова. Пусть колхоз ваш станет в районе первой ласточкой, путеводной звездой. Пусть ваш колхоз станет живым памятником погибшему от вражеской пули товарищу Кадыру!..

Когда все разошлись, Бурхан вернулся к одинокому, уже почти занесенному снегом холмику. И тут увидел, что не один он решил без свидетелей попрощаться с погибшим: рядом с могилой стоял Акбар. Когда это он успел прибыть? Ведь и двух недель не прошло, как уехал на курсы трактористов... Бурхану совсем нехватило была эта встреча. Уйти, сделав вид, что не заметил или не узнал Акбара? Благо, за снежной круговертью особо никого не разглядишь... Но Акбар уже его увидел. Глядел, словно знал что-то, ему одному известное. Их разделяло всего несколько шагов. Нет, ничего он не знает, подумал Бурхан. Только бы самому не проговориться, не попасться на удочку!.. И подошел к Акбару.

Взгляд его внимательных глаз остановился на перевязанной руке Бурхана, будто он хотел сказать: «Странно: как это случилось, что тебя оставили живым, а Кадыра убили?»

Протянутая рука Бурхана повисла в воздухе: Акбар своей не подал.

— Поверь, Акбар... — униженно начал Бурхан, — я не виноват. Моя вина только в том... что я... остался жив.

Акбар резко повернулся и пошел по дороге к кишлаку.

В оцепенении застыл Бурхан, борясь с желанием еще раз крикнуть Акбару, что ни в чем не виноват, броситься за ним следом, просить, умолять, чтобы тот не думал о нем дурное.

Хорошо, что не сделал ни того ни другого.

VI

На следующий день после собрания Кудрат отважился навестить отца. Вызвал машину, но она запаздывала. То и дело выглядывая в нетерпении из окна, увидел во дворе жену, месившую тесто под навесом летней кухни. Спросил с порога:

— Где сын? Куда запропастился?

Жена вошла в комнату, руки ее были в муке.

— Послала за маргарином. Раз вы едете к отцу, я решила испечь для него самсы с зеленью. Опокота¹ обожает ее.

Кудрат промолчал. Отвернулся, чтобы жена не заметила его раздражения. «Как же, до небес отец подскочит от твоей самсы!.. И снова начнет пилить: сын родной не может ничем старика обрадовать, имея столько власти, а невестка...»

И Кудрат опять вспомнил давешнее собрание, упрямого старика Зорина. Заходил из угла в угол, потом достал из шкафа первую попавшуюся под руку книгу, стал листать. Не помогло. Просмотрел почту на столе, свежие газеты. Отложил. В голове, как в калейдоскопе, прокручивалось собрание, мелькали лица выступавших и более всего — того упрямого старика, будь он нелажен. Окажись на месте Зорина кто-нибудь другой, уж Кудрат нашел бы способ укоротить, свести счеты. Его слово, слово секретаря — для всех закон, а для того — копейка... Ладно, черт с ним! В отместку отгрохает отцу такой памятник, что этот Зорин, старик без роду без племени, от зависти лопнет! Вот как он накажет выскочку!..

— Да где же наконец Джура? — в который раз крикнул Кудрат, выглянув в окно.

— Я здесь! — отозвался за спиной вошедший в комнату сын, будто только и ждал, когда его позовет отец.

¹ Опокота — почтительное обращение к отцу мужа.

— Где тебя носит?— Кудрат готов был сорвать зло на Джуре, но вовремя остыл, взяв себя в руки.— Послушай-ка, мне не совсем ясно, чем ты вообще занимаешься последнее время?

— А что я сделал?— удивился сын, не понимая причины раздражения отца.

— В том-то и дело, что ничего, абсолютно ничего! Садись, поговорим!

Пожав плечами, Джюра пошел к тахте. Кудрат, не зная, с чего начать, расхаживал по комнате. «Сказать все начистоту — еще подумает, заискиваю. Начать издалека — ведь зевать начнет, заупрямится,— что им, молодым, прошлое? Как бы это объяснить ему потолковее? Да, с сыном стало не так просто. Не увлекается парень ни автомобилями, ни шмотками, как дети других отцов... Не желает вообще одеваться модно, ему все равно, в чем ходить... Рестораны, девушки тоже не привлекают. С утра до ночи занят памятником какому-то трактористу. И не подумает, святая простота, на чью мельницу воду льет! Да еще посмел за советом к деду отправиться...»

Сложив на груди руки, Кудрат остановился рядом с сыном.

— Перед односельчанами, значит, прославиться захотел? Так?

Джюра встал. Он был почти одного с отцом роста, стоял, глядя в пол и не понимая, к чему все-таки клонит отец.

— А кстати, конкретно: за каким это советом ты к деду ходил?

Джюра пожал плечами, вздохнул.

— Что молчишь-то?

— Да так. Одному человеку...— промямлил едва слышно сын,— макет памятника делаем. Вот и ходил...

— И дедушка, естественно, от всего этого в неописуемом восторге?

Джюра насупил, молчал, что еще более разозлило Кудрата. Он прижал указательный палец к виску.

— Если бы у тебя здесь немного работало, не совался бы с этим! Что, не знаешь нашего дедушку? Его тщеславие? Или... Ну что стоило тебе сделать другой макетик?

Джюра в недоумении посмотрел на отца, не понимая, к чему тот клонит. Кудрат же все более приходил в ярость от наивности сына.

— В таком случае... чтоб я больше не слышал ни о каком памятнике! Понял? Пока я руковожу районом, твоя бредовая идея никогда не осуществится, запомни это! А теперь можешь идти.

У двери Джура, обернувшись, как-то странно поглядел, казалось, хотел сказать: «Ну ладно, дедушку еще можно понять, он человек другого поколения, а ты... неужели и ты такой же?»

— Отец, — голос его задрожал, — простите, но разве... вы вправе так поступать? Так говорить со мной?

Кудрат ожидал от покладистого чада всего чего угодно, только не этого. Вот, стало быть, как! У мальчика еще и язычок прорезался!

— Подожди-ка, с каких это пор ты начал меня уму-разуму поучать? — Он медленно подошел к сыну. — Кто, наконец, я тебе, отец или?..

— Отец, — не поднимая головы, пробормотал Джура.

— Как же тогда прикажешь понимать тебя? Пройшей осенью меня не послушался, отказался жениться, какую невесту упустил!.. Сегодня спрашиваешь, вправе ли я... Да ты что? Или меня вообще уже ни во что не ставишь? Здесь, в районе, тысячи людей считаются со мной, слушаются! А для собственного сына мое слово не закон? Заблуждаешься! Запомни раз и навсегда — в этом доме пока только мое — понимаешь? — мое слово решает все. А теперь я тебе другую невесту нашел. Попробуй опять отказаться, — женишься как миленький! Точка! Жду не дождусь, когда породнюсь с ее родителями, а ты...

Джура с мольбой взглянул на отца.

— Папа...

— Ну что? — перебил отец. — Тебя убудет, что ли, если вступишь в брак с этой девушкой? До небес подпрыгнешь от радости, когда узнаешь, кого я выбрал тебе в жены.

— Но поймите, отец...

— Чтоб я не слышал никаких «но»!

— Я же...

— Что ты? Что ты вообще смыслишь в жизни? — Кудрат в ярости замахал руками. — Не можешь отличить, где друг, а где враг, выгоды своей не понимаешь! Да тебе все будут завидовать! Стать зятем такого человека! Это ли не счастье? А у тебя одни бредни на уме... Лучше бы памятник родному деду своему проектировал.

чем какому-то безвестному трактористишке! О своих ближних печься надо!

— Я не могу так поступить, отец, совесть моя...

— Что твоя совесть?

— ...не позволяет...

— Ах, не позволяет? Господи, ну если тебе не позволяет твоя совесть, делай так, чтобы по совести было. Как говорится, чтоб и волки сыты, и овцы целы...

Джура снова непонимающе уставился на отца. Тот пояснил:

— Пойми, никто не против того, чтобы ты работал над проектом памятника трактористу... Не настаиваю и на том, чтоб в том проекте обязательно был наш дед. Но, боюсь, по молодости и неопытности ты исказишь историческую правду, а когда люди узнают об этом, будут недовольны... скандал из-за этого может выйти...

Кудрат озабоченно глядел на сына, пытаясь взглядом подчеркнуть, насколько все, что он говорит, серьезно. Но Джура недоуменно пожал плечами:

— Почему люди будут недовольны?

— Ну... кому-то понравится, кому-то нет, так ведь всегда. А нужно, чтобы памятник понравился всем.

— Конечно, — согласился сын, — вот мы и думаем...

— Вот и молодец! А я о чем думаю? Сделай так, чтоб никто не пикнул. Пусть все только и говорят, что найден единственно верный вариант. Ни райком, никто другой тогда препятствовать не станет, это я тебе гарантирую. А разве можно в Катта Кангли делать что-нибудь, не считаясь с мнением других? Одному заслуженному человеку поставят памятник, другому нет... это же несправедливо!

Кудрат положил руку на плечо Джуры, надеясь, что сын поверил, понял, к чему он клонит.

— Если ты талантливый скульптор, покажи, на что способен, передай в камне сложность дедовской эпохи, да так, чтоб люди ахали да восхищались.

Невольно проникнувшись теплотой отцовского голоса, Джура решил, что в лице отца нашел единомышленника, слушал внимательно.

— Хочешь знать правду? Так слушай! Из Катта Кангли в тридцатых годах да и позже, в войну, прославился не один Акбар-палван. Их было трое. Имена их гремели у нас тогда. Втроем они создавали здесь первый колхоз «Красный Восток». Один погиб в борьбе с басмачами. Другой пестовал этот колхоз, словно дитя ма-

лое. Третий первым в колхозе научился водить трактор, в годы войны осваивал новые земли. А теперь прикинь: у кого из троих больше заслуг? А у кого меньше? И можно ли одному поставить памятник, а двум другим нет?

Джура как-то вяло произнес:

— Нет, отец, конечно...

На душе Кудрата отлегло, хотелось потрепать по волосам неразумного отпрыска, но не приняты были в семье нежности, голос его снова стал твердым:

— Так вот, товарищ Джура Кудратович, в жизни не раз еще столкнешься с явлениями, требующими взгляда объективного, нередко даже противоречащего собственному желанию. — Кудрат мимоходом взглянул на стенные часы и вспомнил, что ему давно пора быть в райкоме. — Историю же, мой дорогой сын, не дано изменить ни мне, ни тебе, ни кому-то другому...

Помолчав, он решил, что пора наконец переходить к главной части нелегкого разговора:

— Ты, конечно, вправе принимать собственные решения, но обидеть дедушку, забыть о нем... Уж если на то пошло, авторитет деда — это и наш с тобой авторитет. Думаю, тебе не надо объяснять...

Не сдерживай себя так Кудрат, не будь так осторожен, уж он бы растолковал этому сосунку все как полагается, не стесняясь в выражениях, врезал бы со всей откровенностью, что затея с памятником касается прежде всего его самого, сына Бурхана. А разве сыну безразлично, будет отец иметь еще более крепкие корни, чем имеет? Для этого ему и необходим авторитет старого Бурхана Артыкова. Какую пользу могла принести установка памятника, если бы в скульптурной композиции был и Бурхан? Памятник, как надежный талисман, служил бы ему при всяких там проверках-ревизиях района, ограждал бы от разных бед и невзгод. Если в этом Джура не поддержит отца, какой он после этого сын?.. Но, кажется, на сей раз удалось убедить его. Теперь Кудрат с другим настроением поедет к Бурхану. Если отцу уже рассказали о вчерашнем собрании, тем лучше, он сейчас обрадует старика. Вот и машина, кажется, наконец-то подъехала...

Надевая в прихожей плащ и шляпу, Кудрат глянул на вышедшего вслед за ним сына. Обеспокоенный тем, что Джура может передумать, поторопил:

— Посмотри, готова ли у матери самса, опаздываю, ждать нет времени. Так я передам дедушке?..

Джура кивнул и, кажется, хотел еще что-то добавить, но, видя, как торопится отец, промолчал, ушел в комнату.

Положив в кейс теплый еще сверток с самсой, Кудрат спустился во двор.

«Беда с этими взрослыми самостоятельными детьми, никогда не знаешь, к чему надо быть готовым», — сядя в машину и захлопывая дверцу, подумал Кудрат.

VII

Бурхан по-прежнему лежал на веранде. Его печальный взгляд был устремлен непонятно куда: то ли на осыпающиеся лепестки груши, устлавшие землю, как снегом, то ли на желто-белые ирисы, распутившиеся вокруг старого, давно пересохшего хауза. Увидев Кудрата, Бурхан оживился, сразу повеселел: с чем-то пожаловал к нему, старику, нынче его отпрыск? Он кивнул в ответ на приветствие, протянул мягкую, как вата, руку.

— Проходи, проходи, сынок! — пригласил Бурхан и попросил женщину, которая ухаживала теперь за ним, принести чай.

Смягчилась, оттаяла душа Кудрата, понял: ради любого, даже самого нелепого желания этого беспомощного родного человека готов он на все. Расспрашивая отца о здоровье, самочувствии, сын присел на постель больного, заботливо поправил выбившуюся из-под матраса простыню, придвинул поближе резной столик на высоких ножках, принялся выкладывать привезенные гостинцы. Достал ароматную, еще горячую самсу, потом тщательно помыл и поставил купленную по пути на рынке крупную клубнику, раннюю черешню, пригласил старика к дастархану.

— Отведайте, отец, ягод нового урожая! Сделайте омонлик-самонлик, пожелайте всем нам здоровья и благополучия! Вот и дожили мы с вами до ранних ягод! Скоро настанут совсем теплые дни, и, я уверен, вам станет лучше.

Поблагодарив кивком, старик глянул на дары ранней весны, потянулся к тарелочке с клубникой, взял ягоду. Расхваливал присланную невесткой самсу с зеленью на бараньем жиру. Лежа на боку, пил чай,

а Кудрат глядел на отца и что-то в нем насторожило его. Прежде никогда так гостеприимно не встречал его. И все-таки, наверное, лучше, чтобы он не знал о вчерашнем собрании... Но тотчас показалось, что отец уже в курсе всего происшедшего и просто пока не подает виду. Кудрат не торопил события, встал, подошел к клеткам с птицами, чтобы как-то оттянуть начало неприятного разговора. Налил в плошку воды, постучал по прутьям клетки попугая и остановился рядом с портретом отца. С детства знаком он ему и всегда нравился: каждый раз при виде т о г о Бурхана охватывала Кудрата то ли тоска, то ли какое-то смутное ощущение чего-то потерянного, — то ли несбывшихся надежд, то ли какого-то неосуществленного желания. Он помнит время, когда портрет писался, и тайная зависть, охватывающая его к прошлому отца, выражалась в том, что время от времени он повторял самому себе: «Вырасту — обязательно закажу точно такой же». Немало воды утекло с той поры, теперь он, как отец когда-то, руководитель немалого масштаба, однако... до сих пор нет у него портрета. Не попадался подходящий мастер...

Как все же удачно схвачено выражение лица отца! Художник, помнится, маленький лысый старикашка, уловил и позу, типичную для т о г о Бурхана: склонившись чуть вбок, восседает он в памятном антикварном кресле со львами. Словно ласкает их пальцами. Да, отличное решение найдено художником: твердость взгляда, уверенность — целый мир человека. Видно, не зря прозвали отца в те времена Бурхан-тукисом, ведь тукис — значит человек, живущий в достатке, словом, счастливчик.

Теперь же... Кудрат мельком глянул на отца, и стало не по себе: ничего общего — маленький, усохший, с пожелтевшим лицом старичок лежит вот уже сколько лет почти недвижим. И куда только все подевалось? Да, видно, и тех, кто стремится быть и кто становится сильным мира сего — столпом, ждет один удел... Кудрат испугался внезапно пришедшей мысли: а вдруг и сам он окажется точно в таком положении? Жутко представить! «Нет, нет, — успокаивал он себя, — нет. Не может быть!..»

Из задумчивости вывело покашливание отца, его ровный голос:

— Что же, сынок, вчера не заехал проведать?

Врасплох застал вопрос Кудрата, явно врасплох, потому и не нашелся сразу, что ответить. Не зря отец так мягок с ним сегодня, — видно, выбирал подходящий момент.

— Я думал, зайдешь, раз приехал в наши края на собрание. Может, застолье задержало?

— Нет, отец, никакого застолья после собрания не было, слишком оно затянулось... — Кудрат прибегнул к спасительной лжи, все еще надеясь благополучно вернуться.

— Затянулось, говоришь?..

Наверное, надо подойти к отцу ближе, присесть рядом, но это подтолкнет к трудному, ох какому трудному разговору!

Отец отвернулся, неожиданно бросил:

— Лучше скажи, совесть не позволила... приехать сразу.

Кудрат схватился за узел галстука, ослабил, словно тот душил его.

Отец лежал по-прежнему спокойно, но Кудрату казалось, что он вот-вот вскочит. На бледно-желтом старческом лице появилось выражение брезгливости, досады.

— Понимаешь, все вроде шло к концу, закруглялось, как вдруг, откуда ни возьмись, появился этот старик Зорин... И все испортил, — начал рассказывать Кудрат.

— Что, что испортил-то? — Бурхан приподнял голову от подушки. — Один-единственный раз обратился к тебе с просьбой... И ты не смог выполнить! — с упреком глянул на сына. — Разве такие дела решаются общим голосованием на собрании? С каких это пор у нас так повелось?

Пододвинувшись поближе, Кудрат попытался оправдаться:

— Поверьте, я еще не сошел с ума, чтоб такие дела решать на собрании! Воспользовавшись случаем, когда зашел разговор об этом... просто хотел Акбарабад называть по-другому... Почву просто хотел подготовить. А насчет того, что вы говорили...

Не дослушав объяснений сына, Бурхан устало покачал головой:

— Да кто делает такие дела при живом-то человеке? А еще говоришь, не сошел с ума! — Старик безнадежно махнул рукой. — Да, хорошую новость, сынок, принес

ты мне сегодня! Обрадовал! Ничего не скажешь! — Отцом неожиданно овладела апатия, он отвернулся к стене. Обидные, горькие мысли, казалось, переполняли все его существо. А Кудрат между тем продолжал оправдываться:

— Да если бы не этот Зорин...

— Да что ты заладил: Зорин, Зорин? Дался тебе он, — с неожиданным напором возразил Бурхан, и Кудрат уловил в его голосе прежние, начальственные нотки. — Кто в районе главный, ты или Зорин? Что ты за секретарь райкома, если не в состоянии заткнуть рот болтуну? Паршивому старику какому-то?

Все терпел от отца Кудрат, все мог снести, но такое оскорбление...

— Отец, отец!.. — только и произнес он, качая головой.

— Что «отец»? — старик неприязненно уставился на сына, глаза холодно и отчужденно поблескивали. — То же мне, слушать не хочет!.. Что, и мои речи тебе уже в тягость? Вишь, большой начальник какой! Это ты для других большой, не для меня! Думаешь, само собой все к тебе пришло — и власть, и положение? Ошибаешься, милый!

Дыхание старика сбилось, воздух с шипением вырывался из тощей груди, лицо побагровело, и он наконец умолк, но глаз с Кудрата не спускал. И, как ни тяжело было сыну это слушать, он решил все снести.

— Ничего в этой жизни не достается легко! Вот верчусь словно белка в колесе. Думаете, если я секретарь райкома, так у меня и неприятностей не бывает? Врагов нет? Ошибаетесь, отец, и неприятностей, и врагов хватает. Один ножку подставляет, другой жаждет скомпрометировать мое честное имя...

— А ты их прижми, прижми покрепче! Дашь слабинку, так они на голову сядут! — снова оживился Бурхан.

— С теми, кто надо мной, кое-как справляюсь, а с теми, кто наверху? Что с ними-то поделаешь?..

— И наверху должен быть свой, надежный человек! Прибери к рукам, корми, пои его, ничего не жалеи! Запомни: на этом свете все покупается.

— Эх, отец, кабы все было так просто! Поить, кормить... Прибрать к рукам... Вот и теперь, пока я у вас, меня проверяет тут один...

Старик Бурхан с тревогой повернулся к Кудрату:

— А ты поговорил с ним? Какие к тебе претензии? Чего хочет?

— Да разве добьешься, чего хочет?— Кудрат махнул с досады рукой.— Говорит, вы открыли при советской власти дорогу частному предпринимателю, развратили людей. Короче, нас обвиняет в неправильном хозяйствовании, разбазаривании колхозной земли.

— А я что тебе говорил, помнишь? Не предупреждал ли я тебя? А ты заладил одно: урожайность, урожайность... прибыль... план лучше выполняют. Вот тебе и план! Слышал я, твои дехкане пропадают на базаре: все самое отборное туда везут, деньги делают да машины свои легковые каждый год меняют. А на пункт вместо урожая что везут? Квитанции! Да и планы выполняют лишь на бумаге.

Кудрат почувствовал в душе такую опустошенность, такое равнодушие напало на него, что и ответить толком был не в состоянии, вяло возразил:

— Не все так просто, отец!

Бурхан нахмурился, видно, не понравилось, что сын не согласен с ним.

— Просто, не просто!.. Ты-то должен думать о последствиях. Кто теперь тебе поможет? Твои зажравшиеся дехкане?

— Я думал, отец, пусть людям будет лучше...— Кудрату оставалось лишь оправдываться.

— Ерунда! Иная у тебя была цель, сынок. Хочешь для всех быть хорошим, щедрым, завоевать легкий авторитет? Не-е-ет!.. Поначалу вроде добился... А теперь, видно, понял наконец, что нельзя со всеми играть в одну игру, кое-кто тебя, глядишь, и не боится, а кто-то и рот тебе норовит заткнуть. И слово твое не имеет уже для кого-то прежнего веса. Ведь, признайся, так?— иронично заключил отец.

— Если б вы знали, какой теперь пошел народ!— пожаловался Кудрат.— Останься он таким, каким я знал его... ну хоть десяток лет назад!..

— А что с ним случилось-то, с народом, за эти годы? Стал, что ли, более ученым?

— Может, ученым он и не стал, но и невеждой не остался.— Кудрат хотел еще добавить, что вот, мол, вы тут лежите, многого не знаете, от жизни отстали, но махнул рукой: отца не переубедишь, раз уж что засело в голове.— Это в ваше время народ кланялся до земли каждому, кто был на лошади...

— Ты, парень, говори, да не заговаривайся! Какое имеешь право осуждать наше поколение? Да ты бы душу свою дьяволу заложил, кабы пришлось работать тебе нынче с такими преданными порядочными людьми! Война шла, а они последнее отдавали фронту, жизни не жалели на работе. Забыл ты, видать, те страшные годы? Когда с ранней весны до поздней осени вкалывали люди в поле, а в лютые морозы канал строили, ГЭС. А ели что? Ох, страшно вспомнить! Похлебку из кукурузной муки! Но никто не жаловался. А когда собирали средства на постройку танка или самолета, последнюю сережку женщина из уха вынимала... Вот так-то! Э, да что там говорить!..

Кудрат уж и не рад был, что затеял этот разговор, растревожил отца.

— Извините, не хотел вас обидеть. Не так выразился...

Неловкое молчание, отчуждение теперь разъединило их, словно бы и говорить было больше не о чем, и Кудрат думал, как теперь утешить ему отца.

— Я тут толковал с Джурой... — промолвил он.

Старик с выжиданием глянул на него.

— Ну... и уговорил? — напрямик спросил он.

— Уговорил вроде. Почти согласился. Сделает, как вы хотите.

— Почти согласился, говоришь? Брось, не верю!..

— Отец, почему мне-то не верите? Если не смогу выполнить вашу просьбу, зачем тогда ходить в секретарях райкома?! Да вправе ли я после этого называться вашим сыном? — Кудрат вскочил, нервно заходил по веранде.

Несдержанность сына, его неумение терпеливо выслушать собеседника раздражали старика.

— Иди, иди, считай себя свободным от всяких обязательств! Да и памятник мне не нужен. Вообще от тебя ничего не нужно! — Губы старика дрожали, он снова отвернулся от Кудрата, прикрыл глаза.

«Так, значит, уже и не нужен!» — вспыхнул про себя Кудрат, направился было к двери, но обернулся: хотел еще что-то добавить — горло перехватил спазм. Прикрыв дверь, не оглядываясь пошел к машине...

Внутренний голос Бурхана. Ушел! Ушел, обидевшись. Зря так поступил ты, сынок, ведь, кроме тебя, у меня никого на свете нет... Никого! Жестокосердие проявил я к родному сыну! Да!..

Бурхан с портрета: «Пусть пеняет на себя... на себя...»

И ему возразил другой, который думал и говорил всегда по-иному, не соглашаясь почти никогда с тем, на стене:

«Я сам виноват во всем... во всем... во всем...»

Старик Бурхан не знал теперь, к какому голосу прислушиваться, и впервые задался вопросом: кто же все-таки оказался прав в этом вечном споре? Из-за чего он начался? Почему два друга, два большевика, два бойца Красной Армии стали непримиримыми врагами? После того как не стало Красного Кадыра, они с Акбаром виделись редко: тот все в своей МТС больше пропадад, не сталкивались они по делам — председатель колхоза Бурхан и рядовой тракторист. Не сталкивались до поры до времени...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ УТЕШЕНИЕ,

или Что мы узнаем о двух оставшихся всадниках

I

Акбар-палван проснулся неожиданно, скорее всего от доносившихся непонятно откуда громких ударов: похоже, совсем рядом в такую рань кто-то сбивал палкой орехи. Или пора уже вставать?..

Когда накануне возвращался с распаханного ячменного поля, что раскинулось на другом берегу сая, луна начала уже быстро блекнуть. Вроде и времени прошло не так много, а новый день, оказывается, уже вступал в свои права. Казалось, солнце — вот оно, прямо за урючиной в соседнем дворе, и его лучи, словно копья, пронизывали насквозь ветви дерева снизу вверх, слепили глаза.

Уловив тонкий аромат поспевшей джиды, Акбар понял, что это не орехи сбивали, а джиду. Выйдя во двор, увидел на высоченном дереве своего сына. А под джидой, высоко задирая головы, толпилась стайка сверстников, растянув за углы большое полотно. Удобно устроившись на раздвоенной ветви, Кабир размахивал

палкой, и от каждого удара слетал град созревших ягод. Пряный запах джиды проникал всюду, щекотал ноздри.

Айжамал с кетменем на плече уходила на работу в поле, но, увидя мужа, вернулась, прихватив по пути кувшин с водой. Полила Акбару на руки, принялась расхваливать старшенького, Кабира:

— Смотри-ка, с утра друзья-помощники понабежали! Большой стал наш-то! Глядишь, отец, не сегодня завтра и вас заменит на работе!..

— Да, здоровенный парень вымахал, — вытираясь полотенцем, довольно улыбнулся Акбар, — не успеешь оглянуться, невестку надо подыскивать...

— Ох, да только бы война проклятая побыстрее кончилась! Сыновья растут, душа за них болит: не дай бог, их очередь настанет...

На соседнем дворе у любителя пернатых Эргаша заливались перепелки. Каждый раз Акбар с наслаждением вслушивался в голоса птиц, думал, какие все же молодцы дети ушедшего на фронт соседа: берегут как зеницу ока птичек отца. Да и Эргаш почти в каждом письме наказывает, если, мол, хотите, чтоб я живым-невредимым с войны вернулся, хорошенько глядите за перепелками, кормите-пойте вовремя, да так, чтоб все до единой пели.

Акбар улыбнулся, повесил полотенце на подпорку для виноградной лозы и пошел к супе, где сидела мать с маленьким внуком на коленях. Акбар поздоровался с ней, успокоил жену.

— Хоть и вышли они ростом, наши сыновья, да годы их еще не вышли, далековато до службы. Гляди-ка, Айжамал, как фронт-то продвинулся на запад! Если немец будет так драпать, недолго войне продолжаться.

— Дай-то бог, чтоб поскорее кончилась.

Айжамал, волнуясь, что опаздывает, принялась накрывать на стол, сорвала гроздь винограда, помыла в ведре, положила на дастархан испеченную с вечера лепешку из кукурузной муки, вареную свеклу, налила в пиалужку чая, выжидающе глянула на мужа. Акбар, поняв ее нетерпеливый взгляд, кивнул:

— Иди, иди, не опаздывай! Я тут сам управлюсь...

За дастарханом остались он да мать с внуком. Чай пили молча, не торопясь, и мать, он видел, озабоченно думала о чем-то своем. Ребята по-прежнему шумно сбивали джиду; горлицы под виноградом, воркуя, перегоняли друг друга с места на место; полосатый удод на

дувале издавал свое вечное: «Ку-ку-пиш!» Чем-то перепуганные, взлетели две сороки с орешины, и в тот же момент кто-то сильно забарабанил в калитку соседей.

— Эй, хозяйка! Выходи!.. Чтоб таких колхозников, как ты... — Человек разразился бранью. — Что я, нанялся, что ли, каждый день тебя на работу выгонять? День в разгаре, а ты, сука, дома сидишь! А ну поторапливайся, кому говорю?

Акбар готов был сквозь землю провалиться от стыда перед сидевшей рядом матерью. С трудом проглотив застрявший в горле кусок, протянул руку за полотенцем. Ребята около джиды и те притихли. Крик за дувалом становился все требовательнее и нахальнее:

— Так выйдешь или вывести тебя?

Акбар пошел к калитке, выглянул на улицу, подумал, когда же наконец этот крикун и грубиян умолкнет, слишком много берет на себя последнее время, совсем, кажется, забыл и стыд и совесть, как стал бригадиром.

А за дувалом разыгрывалась непристойная сцена. Окруженная многочисленными детьми жена Эргаша-фронтвика, дрожа от страха и унижения, оправдывалась перед бригадиром:

— Послушайте, уважаемый Ахмадали, дай бог вам богатства и счастья, поймите... я только что вернулась с базара. Ведь дети еще не завтракали.

— Да хватит, кончай жаловаться! — оборвал ее горлопан. — Из-за тебя мне неприятности? Только и знаете плодиться, как крысы! А как до работы... вам некогда!

Зная вспыльчивый характер сына, мать Акбара пошла за ним следом.

— Не надо, сынок, не вмешивайся. Родственники как-никак! Ты что, Ахмадали не знаешь? Он ведь всегда так... Собака лает...

— Он не лает, мама, он оскорбляет женщину, многодетную мать... — Акбар мягко, но решительно отстранил ее, но она не отступала.

— Не стоит, сынок, не стоит! От ругани еще никто не умирал, пусть его... Не равняйся с ним.

Акбар поневоле остановился, слушал, что говорила мать, а с улицы было слышно, как жена Эргаша терпеливо умасливала Ахмадали:

— Сейчас, уважаемый, сейчас! Я догоню вас! Только угомою своих птенцов!

— Нет, ты, видно, оглохла! Я говорю, иди сейчас же! — кричал вне себя от бешенства бригадир.

— Говорю же, иду! Ступайте, а я за вами следом... Ой, да что вы со мной делаете, отпустите! Отпустите! Люди добрые! Помогите! — раздался вдруг ее истошный вопль.

Акбар пулей вылетел на улицу. Схватив соседку Рихси за косу, Ахмадали на глазах у плачущих детей таскил ее за собой. Бедная женщина, еле поспевая, не разбирая дороги, бежала рядом с лошадью бригадира. Ноги ее подкашивались, плечо терлось о бок лошади, отчего животное вздрагивало и набирало ход.

— Ну и мерзавец! — В два прыжка Акбар очутился возле бригадира, схватил лошадь под уздцы. Гнедой хотел было подняться на дыбы, но, удерживаемый Акбаром, несколько раз копытами недовольно ударил землю. Ахмадали чуть не вывалился из седла, грязно выругался.

— Эй, палван! Уходи с дороги! Не вмешивайся в наши дела!

Акбар побледнел.

— Убери руки от женщины, нечестивец!

— Это ты мне говоришь? Да я в три погибели гнусь на работе, а ты меня?..

— Думаешь, если бригадир, так уж тебе все дозволено? Имеешь право на людей руку поднимать? Где это в нашем законе написано?

Ахмадали не сдавался, но Рихси, однако, отпустил.

— Урожай в поле, а этих... с детьми... до полудня из дома не выгонишь! А ты еще защищаешь! Поработал бы с мое, тогда понял!

— Что худого сделала она тебе? У нее дети! Если мужа в доме нет, считаешь, можно и оскорблять ее как угодно? Это так ты выказываешь уважение к семьям фронтовиков, которые на войне кровь проливают!.. А?

Рябой Ахмадали потемнел лицом:

— Не тебе меня учить! В своем эмтээсе учи всех уму-разуму!

Он с досадой дернул уздечку, стеганул лошадь камчой. Гнедой подался было вперед, но Акбар держал его крепко, и он завертелся, поднимая пыль столбом.

— Отпусти коня-то! — просил уже не так уверенно. — Не на твою жену ведь накричал! На члена бригады! Что ж, и голос теперь на них не повысь? А еще родственник называется, учит...

— Не имеешь права!.. Понял? Кто тебе дал такие полномочия? Уж не наш ли председатель, уважаемый Бурхан-раис?

Улица постепенно наполнялась выходящими из дворов женщинами, стариками, детьми. Кабир и его друзья бросили свою джиду и тоже высыпали за калитку, готовые прийти на помощь Акбару. На краю арыка, опустившись на корточки, безутешно все еще рыдала Рихси-апа, держась за голову.

— А что? Слово раиса для меня — закон! Ты-то, может, и его станешь учить-поучать? — выкрикивал тем временем Ахмадали.

— Будь спокоен, если надо, и ему не спущу! — угрозил Акбар. — Коли председатель твой не послушает, выше пойду, так и знай! Вот тогда посмотрим, как оба вы покрутитесь! А ну, — неожиданно добавил Акбар, — поехали. Кабир! — позвал сына. — Приведи-ка мне коня, да быстро!

Стоявшая за калиткой и не вмешивавшаяся в ссору мать Акбара вышла на улицу, нервно поправила платок на голове. Завидев родную тетку, Ахмадали спешил, однако не подошел к ней, чтоб поздороваться, как подобает, так и остался стоять подле коня, что, конечно, не могло не обидеть старую Мاستон-буви. Она приблизилась сама, осуждающе покачала головой:

— Постеснялся бы людей-то, бригадир, как рука у тебя поднялась?

— Вас тут только и не хватало, тетушка! — пробурчал племянник и, словно ужаленный, взвизгнул вне себя: — Вы!.. Все!.. Кто из вас меня за человека-то считает!

— погоди, погоди, не горячись! — Мاستон-буви поглядела ему в глаза. — Считаешь себя вправе так поступать? Надеешься, что найдутся люди, которые и на сей раз тебя поддержат, защитят?.. Ошибаешься, сынок! Это я тебе говорю: не сегодня, так завтра против тебя же самого все зло-то и обернется!

Ахмадали не терпел, чтобы кто-нибудь вот так при народе осуждал его поступки. Не дослушав Мاستон-буви, он вскочил в седло, и Акбар взялся за повод лошади, которую вывел Кабир; через секунду был в седле и уже мчался следом за бригадиром. Догнал его, поехал рядом, только по другую сторону пыльной кишлачной улицы. Акбар-палван исподлобья бросал взгляды на своего родственника, думая, отчего у него такой парши-

вый характер. Дай волю — орехи станет колотить на головах колхозников. Никого не пощадит. И куда смотрит председатель, Бурхан-раис? Собрал около себя одних подонков, словно на подбор! Прикажет тюбетейку принести, так они, его люди, готовы вместе с ней и голову доставить!.. Чудеса, да и только! А чтоб и впредь служил, как пес верный, недавно удостоил бригадира подарочком — именной камчой наградил... Все знают об этом.

А рябой Ахмадали занят своими мыслями, все удивлялся, как запугал его родственничек, этот сынок Мاستон-буви, как послушно он едет с ним. С одной стороны, Акбар, конечно, депутат первого созыва, старый друг Бурхана. Когда-то, все знают об этом, они были очень близкими товарищами, водой не разольешь. Но этот принципиальный Акбар, с него станется, если за что возьмется, и Ахмадали с бригадирства снимут как пить дать! И все же ехать сейчас к раису с этим ни к чему, он все же бригадир, да чтоб унизиться перед этим трактористом?.. Боже, и отчего это ему сегодня с утра не везет? Надо же, подвернулась эта Эргашева жена, тьфу, чтоб ее! А может, все же упробить палвана? Сказать, так, мол, и так, не думай, что бригадиру легко, сверху все время прижимают, план требуют, и чтоб урожай был вовремя убран, сам, мол, знаешь, все на плечах наших жен да детей лежит, кому ж еще работать? Из кожи лезем, чтоб план выполнялся, чтоб полегче жилось семьям фронтовиков, для них же, мол, и стараемся... Ну уж если так настаиваешь, давай поедем к Бурхану. Готов за все ответить, принять наказание... Наказание?! А за что? Что я сделал, чтобы раис свой гнев на меня обрушил? Вчера — награда, сегодня — наказание? Нет, так не бывает... Бурхан на каждом собрании твердит, мол, ослабили дисциплину. Да разве он снимет с бригадирства человека только за то, что тот слегка поругал, видите ли, женщину — ведь она опоздала на работу? Это факт. Да где раис найдет другого такого бригадира? Нет, и Акбар заблуждается! Ну избрали его депутатом, что ж, теперь и тени его кланяться прикажете? А с другой стороны подумать... Если б у него был настоящий авторитет, ходил бы разве до сих пор в простых трактористах?..

Доехали до перекрестка, Ахмадали натянул поводья и, вместо того, чтобы повернуть на Мельничную улицу,

остановил коня, бросил пренебрежительный взгляд на Акбара:

— Не обижайся, родственничек! Ну никак сейчас не могу поехать с тобой к раису! Занят вот так! — он провёл рукой по горлу. — Кто за меня работать станет? Ты, что ли?

Не ожидавший такого оборота, Акбар на миг растерялся.

— Вот как? — круто остановил он коня. — Ты ведь вроде не женщина, тебя не грех и силком потащить!

Ахмадали не выдержал сверлящего взгляда палвана, что-то забормотал, снова объясняя, почему он не может в данный момент поехать к раису.

— Говоря по правде, я должен поставить людей на уборку картошки... за мельницей. Сам знаешь, без меня не обойдется!..

— Ну ладно! — согласился Акбар, поразмыслив. — Но если ты еще хоть раз...

Ахмадали скорчил плаксивую мину, голос его стал тоненьким, пронзительным:

— Знаем, знаем, что ты справедливый! Наслышаны! Однако еще поглядим, как ты проживешь своим умом, не считаясь с другими! Подумаешь, депутат! И у нас заслуги найдутся, и нас есть кому защитить! — С этими словами Ахмадали что было силы хлестнул камчой лошадь и поскакал по улице.

Акбар понял, что все дело в Бурхане, не в этом ничтожестве Ахмадали. Он ехал по улице и, удивляя редких прохожих, размахивал руками, возмущался:

— На кого он надеется? Да, годы меняют человека! Кем был и кем стал наш друг Бурхан, подумать только! Дает власть жестоким, бессердечным людям. Нет, надо теперь же немедленно идти к нему! Кто-то ведь должен сказать Бурхану об этом? Сказать прямо в лицо!

Акбар поддал плетью, и саврасый галопом поскакал к дому Бурхан-тукиса.

II

Обычно в этот ранний час раис сидел перед зеркалом на просторной веранде в своем любимом кресле, спиной к солнцу. Личный парикмахер Али только что, как делал каждое утро, побрил председательскую голову и теперь приступил к подбородку. То ли от прикосновения нежных, как у женщины, пальцев парикмахера, то ли от

пробивавшихся сквозь листву деревьев ласковых солнечных лучей, глаза раиса в блаженстве смеживались сами собой. Наконец работа закончена, Али sprыснул клиента душистым одеколоном и долго обмахивал полотенцем, прижимая его поочередно то к щекам, то ко лбу. Ловко пострекотав ножницами, достал расческу и подправил пышные усы раиса. Стряхнул полотенце, перебрисил через руку, слегка погладил его голову и, довольный, хлопнул в ладоши, завершая ритуал:

— Мы рады видеть вас, хозяин, в добром здравии!

Бурхан распрямился в кресле, подкрутил пышные усы, гордо глянул на свое отражение в зеркале. Парикмахер Али, как всегда, заслонил спиной солнечные лучи, чтобы они не падали на Бурхана и не мешали ему смотреться в зеркало, терпеливо ждал, когда раис надеет тубетейку и еще несколько мгновений будет внимательно изучать свое лицо, широкий лоб, мохнатые брови и темные жесткие глаза. Весь вид раиса Бурхана свидетельствовал о прочности его организма, величавости, с которой он умел носить свое большое тело. Китель и тот сидел на нем складно, без единой морщинки, так что не зря люди прозвали председателя Бурханом-тукисом: у кого еще в кишлаке да и за его пределами был такой роскошный китель!

Бурхан надел на бритую голову тубетейку и уже намерен был подняться с кресла, как во двор влетел рассыльный, Яхъя-шайтан, Яхъя-дьявол, как называл его народ.

— Салом алейкум, раис-ака! — Он, широко улыбаясь, подошел к окну, приложил руки к сердцу. Глаза его беспокойно бегали, словно обшаривали все вокруг.

По душе пришелся Яхъя Бурхан-раису: может, покорностью своей взял, мягкой улыбочкой, да только как увидит председатель своего рассыльного, отходчивее становится, добрее и нервишки успокаиваются...

— Какие новости, дорогой? — Голос Бурхана обласкал подчиненного, но, видя, что тот не спешит с ответом, поторопил: — Ну говори ж, чего тянешь!

После недолгого молчания Яхъя в раздумье произнес:

— Если позволите, раис-ака, мы хотели отправить за гостями двуколку.

— Что, что? Повтори-ка...

Улыбка на лице председателя сменилась раздражением: да в своем ли он уме, не зря говорят о нем — чок-

нутый... Вот и поверишь иной раз людской молве. Хотя предан, предан, что и говорить... Зачем это надумал он за гостем отправлять двуколку? Да если каждый будет раскатывать в председателском выезде, кто за начальника большого будет его почитать?.. Ну да ладно, на сей раз, может, и надо двуколку свою дать, как-никак судья. Но...

— А что там, кстати, с его лошадью случилось? Или задницу боится отбить, коли верхом поедет? — захохотал Бурхан, приподнимаясь с кресла. Нахмутив брови, спустился с веранды, а растерявшийся Яхъя попытался с прижатыми к груди руками и склонив голову, словно в чем-то провинился.

— Хорошо, хорошо, раис-ака! Как скажете, так и будет, раис-ака! На лошади так на лошади, раис-ака! — словно горох, сыпались без остановки слова с языка рассыльного.

Хорошо изучил нрав своего хозяина ловкий и хитрый Яхъя. Если, как сейчас, приложив ковшиком руку к уху, просит повторить сказанное, добра не жди. Не проявишь ловкости вовремя, тоже добра не жди: раис только засунет пальцы за широкий ремень, стягивающий китель у пояса, застынет на мгновение, брови — одна вверх поползет, другая вниз, глаза сделаются словно у совы. Беда, коли в такой момент ответишь первое, что на ум взбредет, жди разноса! Скажет раис — иди в штрафной батальон, и не думай, не отвертись. Прикажет в двадцать четыре часа убраться из колхоза — собирай вещи!.. На памяти Яхъя никто еще не ослушался раиса. Загонит куда вздумается, и навеки веков прощай тогда Катта Кангли, родной край...

Покорно отступил Яхъя на шаг, молитвенно руки сложил, голову склонил, словно пощады просит. Сейчас надо вести себя как покорному рабу, тогда Бурхан-раис почувствует свое величие, насладится этим мигом, и лицо его непременно просветлеет. Расслабится, свысока эдак глянет на стоящего перед ним, снисходительно улыбнется, а это уже означает, что раб прощен.

Вот и теперь раис явно доволен, что верзила Яхъя вытянулся перед ним, чуть ли не в три погибели согнулся. Бурхан улыбнулся, махнул рукой:

— Ну уж так и быть, отправляй! Пусть почувствует, что не кто-нибудь, а с а м Бурхан-раис прислал за ними двуколку!

Но по тому, как Яхъя снова остановился в нерешительности, Бурхан понял: хитрит, бестия, что-то тут не так.

— Подожди-ка! — грубо одернул он посыльного. — Ты ведь не сказал мне, что с его лошадьё-то случилось?

Словно пойманный с поличным, застыл Яхъя, понял, что заврался окончательно, виновато поглядел на хозяина.

— Знаете... раис-ака, лошадь судьи... куда-то запропастилась... этой ночью. Всё прочесали... посмотрели... не знаем, как и сообщить ему...

Усы Бурхана поползли вверх, холодным блеском сверкнули глаза, голос председателя рвал душу:

— Ну хоть раз пришел ты ко мне с доброй вестью? Иди! Иди! Но чтоб до отъезда судьи лошадь его была найдена! Понятно?

В душе поблагодарив бога за то, что на сей раз вроде обошлось и что он так легко отделался, Яхъя сломя голову бросился к воротам.

А у Бурхана вдруг задергался левый глаз. В такие моменты он не в силах был остановить нервный тик, даже сильно потирая глаз кулаком, мысленно прикидывая, что нынче вроде и не встал с левого бока, а вот поди ж ты... Вчера еще почище приключение: кто-то задержал целую арбу с луком, которую на базар везли, а лук раздали семьям фронтовиков. Сегодня, пожалуйста, пропала лошадь судьи! Значит, кому-то выгодно, чтобы плохо говорили о председателе Бурхане. А кому? Как ни старался раис, не мог понять, кто виновен в кознях, кого подозревать. А ведь, как известно, шила в мешке не утаишь, обязательно попадетсЯ голубчик, уж он тогда попляшет у раиса! Совсем распоясались, добротой его пользуются. Ведь он и в самом деле жалеет своих колхозников, война идет, время какое. Погодите, вот гостей проводит, самолично возьметсЯ за расследование!..

Подойдя к низкому дувалу, раис по-хозяйски оглядел просторный внутренний двор. Мясник в белом фартуке разделявал тушу барана, подвешенного за задние ноги к грушевому дереву; повар разводил в очаге огонь — гостей, хоть и не очень желанных, надо было принять как следует. Каждый в доме знал свое место, был занят делом, и это немного успокоило Бурхана, но ненадолго. У хауза во дворе увидел он спешившегося всадника, и сердце будто обожгло: Акбар! Уж теперь трудно сказать, то ли это был старый друг, то ли сопер-

ник, то ли враг. Только видел раис, мрачнее тучи нынче палван. Давно не виделись они, лицо Акбара смугло до черноты: обветренное, загорелое, утратило прежнюю мягкость: годы, проведенные за рулем трактора, сделали тело мускулистым, подтянутым. Саврасый, привязанный к иве, стоял тут же.

Ох, не зря дергался левый глаз у раиса: наверное, и этот с недоброй вестью! Вот! Подлетел как человек, у которого нет и минуты свободной для своего раиса, спешит, официально здоровается, спрашивает сухо:

— Как поживаешь, Бурхан? Думал, в правление к тебе заехать, да узнал, что ты еще дома, ну я прямо сюда. Не обессудь! Есть разговор!

Они пожали друг другу руки. Будь прежние времена, крепко бы обнялись, потягались бы: кто кого сможет поднять за пояс, крутануть вокруг себя. Не то теперь, словно чужие они стали. Грустная штука жизнь! С возрастом человек сентиментальнее делается. Даже мелочь в отношениях и та может обидеть, задеть. Прежде чего только не бывало между ними: сегодня повздорят, завтра, глядишь, помирились. Теперь, уверен Бурхан, не уважает его Акбар, наслушался о нем разного, а раис не хочет на поклон идти, у обоих на душе предостаточно накипело за прошедшие годы, видно, и душу излить есть желание, да всегда теперь что-то мешает.

Мозолистые ладони Акбара ощутил на своей мягкой коже Бурхан, легонько встряхнул руку, тут же отпустил.

— Что за разговоры? Да на твоём месте любой другой знал бы, как пользоваться славой старого друга! Ты ж каким был, таким и остался — честным пролетарием!

Слова эти прозвучали в устах Бурхана явной похвалой, и Акбар не мог не почувствовать этого, однако в ответ сухо бросил:

— На свете нет ничего дороже честно заработанного куска хлеба, дружище! Поверь! И ничего дурного на ум не придет, и боком не выйдет! Помнишь наставления нашего уважаемого Кудратилла-поччи? Кстати, ты вроде бы считал его своим учителем?

Акбар на что-то намекал, что Бурхан за давностью лет малость подзабыл, хотя правдой это было, уважал он Кудратиллу. Идя за Акбаром к сури¹, тут же на берегу хауза, раис старался заглянуть ему в глаза. Уж не хочет

¹ Сури — широкий деревянный помост.

ли этот дьявол сказать, что теперь Бурхан вовсе перестал считаться с советами наставника?

— Помню, помню, а ты как думаешь? — тем не менее подтвердил он.

— Как? До сих пор не забыл, говоришь, учителя? Трудно, конечно, в это поверить! — Акбар-палван в упор поглядел на Бурхана, зная, что тому трудно будет выдержать взгляд бывшего друга.

Раис поспешил к сури и, чтобы переменить тему разговора, перебив Акбара на полуслове, крикнул:

— Эй, принесите нам чая!

Усевшись на край деревянного помоста, устланного удобными мягкими курпачами, Бурхан откинул угол дастархана, накрытого на низком столике посредине сури, пригласил:

— Садись, устраивайся, в кои-то веки вместе хоть позавтракаем.

Как только Акбар устроился напротив раиса, пришел пекарь в белоснежном яхтаке¹ и положил на дастархан две ароматные, только что из тандыра лепешки со шкварками. Обжигая руки, раис разломил их.

— Обожаю горячие, с пылу-жару! От одного аромата пьянеешь! — весело кивнул Бурхан. — Ну я-то, понятно, люблю поесть, а вот что ты скажешь о рыбках, они же прямо беснуются, учуяв этот запах? Посмотри-ка, посмотри, что сейчас будет!

Словно в огромном зеркале, отражались в хаузе прибрежные ивы, оплетенные зарослями старого шиповника. Вдруг по воде прошла легкая рябь, на поверхность всплыла стайка рыбешек, тут же направившись к той части пруда, где стояло сури. Как обрадованный ребенок, раис захлопал в ладоши:

— Вот видишь, видишь, что я тебе говорил? Явились! — Раскрошив лепешку, он озорно подмигнул Акбару. — Теперь начнется представление! Гляди!

Разжав ладонь, Бурхан бросил в воду крошки, внимательно следя, что будет дальше. К маленьким рыбешкам, учуявшим корм раньше всех, присоединились рыбы побольше. Широко открывая рты, сталкиваясь, ныряя из воды, ухватив лакомый кусочек, рыбешки ныряли в глубину, и через какую-то минуту вода в хаузе словно закипела. Забыв, казалось, про гостя, раис заворованно наблюдал за рыбьей схваткой. Акбар же

¹ Я х т а к — легкий халат.

время от времени поглядывал на Бурхана, думая с горьким сожалением о том, что ничего не осталось от прежнего поджаро-подтянутого джигита: глаза заплыли жиром, вырос двойной подбородок, щеки доснились. Не зря, конечно, народ зовет его тукисом. Теперь, когда в домах дехкан и корки лишней не сыщешь, детей до-сыта не накормишь, этот ради потехи скармливает рыбам лепешку со шкварками! Не может быть, чтоб все это когда-нибудь не вышло боком Бурхану-богачу!..

— Ну довольно, никуда не денутся твои любимцы! — Терпение Акбара было на исходе. — Мне еще на работу идти, а ты...

Не привыкший к такому обращению раис обомлел от слов Акбара, стало ему вдруг неловко, лицо пошло красными пятнами. Но чувство стыда тут же сменилось раздражением: «Сидит тут, за моим дастарханом, да еще выкобенивается, учит. Непочтенье какое! И кому... мне!» Оборви его таким образом кто-нибудь другой, не поздоровилось бы нахалу. Но что он мог возразить Акбару? И так сдерживался в присутствии бывшего друга, чтобы окончательно не разругаться, и если бы его спросили, чего он опасается, не в состоянии был бы толково объяснить. Во всяком случае, уважаемый в народе человек, как-никак депутат, да, кроме того, и член бюро райкома партии. Можно ли рассчитывать на успех в споре с таким человеком? Сам Бурхан, конечно, знал, будь его воля, как с ним поступить, да лучше не связываться. Поэтому и терпит, сдерживается, не лезет на рожон... Увидев в руках Акбара чайник, как ни в чем не бывало проявил учтивость:

— Ну где это видано, чтобы гость чай разливал? Давай-ка его сюда! Успеешь на работу. Как говорится, приход — за гостем, уход — за хозяином. Кстати, скоро еще двое подойдут! Прокурор Иманбердыев и судья Тулабаев.

Акбар-палван пододвинул хозяину чайник, накрытый полотенцем, усмехнулся.

— Значит, раис, дела твои хороши, раз дружбу водишь с такими людьми! Не раз спрашивал себя, отчего это распоясываются бригадиры Бурхана? Ну теперь-то мне понятно, у них, оказывается, надежная опора!..

Бурхан нахмурился, сошлись брови на переносице, раздраженно бросил:

— Ты что, с раннего утра пришел со мной ругаться? Намеки какие-то непонятные делаешь, видать, накопи-

лось у тебя на душе. — Раис через плечо выплеснул из пиалы остатки чая, хмуро поглядел на Акбара. — Какое право имеешь, чтоб так разговаривать со мной? Если виноват в чем, скажи. Только не понимаю, к чему насмешки?

Бурхан вспыхнул, как солома, и так же неожиданно вдруг погас, отвернулся к хаузу. Акбар-палван спокойно взял в руки пиалу с недопитым чаем, сделал глоток; посмотрев на раиса, допил остальное и, крепко сжав верхний край пиалы пальцами, прижал к колену, начал издали:

— Сам знаешь, имею ли я право спрашивать тебя или нет. Если считаешь, что наша клятва недействительна, устарела... ведь Красный Кадыр погиб, а я всего-навсего простой тракторист. Ты — раис, закон на твоей стороне... тогда о чем разговор, я уйду, и грех и вина останутся на твоей совести. Но не надейся: далеко с таким грузом идти трудно... Придет день, останешься совсем один, словно прокаженный...

В груди Бурхана поднялась непонятная волна тревоги, беспокойно забегали мысли. Что плохого, в конце-то концов, видели от него жители Катта Кангли, почему Акбар так смеет говорить, предрекает такое?.. Нет, уж лучше все услышать сейчас, сию минуту!

— Ладно, говори! Все говори! Какую ошибку я допустил? Когда? — начал Бурхан, то нервно потирая руки, то отодвигая на дастархане в сторону все, что лежало перед ним, словно к драке готовился.

Акбар только улыбнулся на эту выходку солидного раиса, задумчиво погладил подбородок. Это еще более вывело из себя Бурхана: он решил, что Акбар просто-напросто насмехается над ним. И, входя в раж, потребовал:

— Нет, ты скажи, скажи, в чем все-таки моя вина?

— А обижаться не будешь? Воспримешь все большевистски?

— Восприму, восприму! Только не тяни! Или силой хочешь выбить у меня признание? — Надувшись, как мышь на крупу, Бурхан в нетерпении заерзал на месте, отчего сури жалобно заскрипело, заходило под ним ходунном.

Улыбка сошла с лица Акбар-палвана:

— Я, конечно, скажу. Вот я тут вспомнил о клятве. Какими были ее условия, помнишь? Помнишь небось и наставления Кудратилла-поччи?

— Да помню, помню... говори же, наконец! — Бурхан сложил руки на груди, выпрямился, словно ученик за партой.

— Нынче же, я почти уверен, советы Кудратилла почти для тебя — пустой звук, гроша ломаного не стоят. Да и не считаешься ты с ними! Скажешь, неправ?

— Да, и скажу. Неправда это! Неправда! — свирепел Бурхан. — Готов на руках усто носить! Вот как я его уважаю!

— Брось языком-то зря молоть! Да и никто не поверит! На твоём месте-то другой бы почаще к старику навывался, узнал бы, в чем нуждается. Ведь ты не можешь не знать, что он получил похоронки на всех своих сыновей! Бедняга слег с горя, а ты хоть раз побывал у него? А еще туда же: «На руках, на руках!..» Ведь ты обязан ему многим, вспомни только! Одно время ты и жил у него, пока не женился, это уж потом дела твои пошли в гору... Эх, все позабыл...

Бурхан молчал. Наверное, легче было провалиться сквозь землю, чем услышать такое: каждое слово Акбара как нож острый. Ему хотелось тотчас же опровергнуть сказанное, но ведь, как говорится, против правды не попрешь...

Пусть, пусть все скажет сразу, думал Бурхан и подступал к Акбару с главным вопросом:

— Так... А теперь скажи-ка, какие такие дела я совершил не по совести? Где самоуправство проявил? Разве виноват, что не на фронте был в сорок первом? Так меня обком партии силой заставил остаться! — Бурхан вскочил, колотя себя в грудь. — А нужно очень было мне браться за такое хлопотное дело, как колхоз? Ведь одни женщины с детьми да старики остались! Ты-то вот ведь тоже не взялся! А предлагали! И сейчас мне, думаешь, легче? Да забирай хоть сейчас на здоровье все в свои руки! Председательствуй! Только спасибо скажу! Баба с возу — кобыле легче!..

Акбар помолчал, укоризненно улыбнулся:

— Знаем, знаем, как ты дела свои сдашь!.. Наверняка сляжешь с горя, едва распростишься с креслом!.. Ну, успокоился? — спросил вдруг сдержанно. — Если успокоился, скажу: ты хоть раз подумал о том, каких лошадей в свою упряжку запрягаешь?

— Плохи, по-твоему, мои лошади? — нетерпеливо и зло огрызнулся Бурхан.

— Как бы это объяснить тебе потолковее? Вроде лошади не лошади, ослы не ослы...

— Тогда, выходит, мулы?— невпопад сострил раис.

— Нет, Бурхан, ни то, ни другое, ни третье! Злых, свирепых псов собрал ты около себя! Вот что! Один обманщик, Яхъя-шайтан, ни на шаг от тебя, сам видишь! Другой — бригадир Ахмадали — горлопан, прикрывается твоим именем, камчой поигрывает. Ну, кого тебе еще назвать?.. Скажи-ка, где это и когда у нас плетка узаконена? В какой конституции записано? Да, далеко ты, как я посмотрю, заходишь, Бурхан-раис!

Акбар в сердцах потер рукой щеку, резко встал. И, не прощаясь, быстрыми шагами направился к выходу. Уже совсем уходя, перед дверью, бросил все же:

— Ну прощай... раис, это все, что я хотел сказать тебе.

У Бурхана словно язык отнялся, дар речи потерял. Злость прошла, внутри отчего-то было пусто. Одно он сейчас понимал: его друг, с которым вместе рос, прошел нелегкий путь, сейчас друг этот уходит от него, быть может, навсегда. Прежде, в юности, кто мог предполагать, что так разойдутся их пути?

Вернуть, просить прощения — был первый порыв Бурхана после ухода Акбара. Но вскоре пришло отрезвление: да перед кем унижаться? Что он понимает в жизни, этот выскочка? И ведь случится непоправимое, прояви Бурхан хоть на день, хоть на минуту слабость! Сразу шантрапа всякая набросится, рвачи, пройдохи, расхитители. А коли им дать волю, с чем государство останется — ведь об его интересах денно и ночью печется раис Бурхан! Все растащат! На базар, по домам! О чем в первую очередь думает он: сначала — все стране, потом уж народу. «Я тоже, друг любезный, — мысленно обращался Бурхан к Акбару, — не хуже тебя разбираюсь в политике. Тебя послушать, так Ахмадали убрать срочно надо. А с кем работать прикажешь? Как план выполнять? Об этом ты, праведник, подумал? Вот то-то и оно! Покорнейше благодарим за ценные советы!»

Бурхан поглядел в окно на ровную гладь хауза, удаляющегося всадника. Как укор перед глазами, все еще стоял легко вскочивший в седло Акбар, и не мог понять Бурхан, правильно ли поступил, не сказав бывшему другу ни слова на прощанье. Подумалось: так друзья не расстаются, так расстаются только враги.

Пиршество на берегу хауза приближалось к концу. Расслабившись после обильного питья и еды, коротая время до отъезда, гости перекинулись в карты. Давно бы им пора и честь знать, думал Бурхан, однако все задерживал их, не говоря о причине.

— Куда это вы в такую пору поедете, жара несусветная! Отдыхайте, у нас прохлада, ветерок приятный! — время от времени повторял хозяин, сидя на краешке кровати, пристально поглядывая на опаленную солнцем дорогу. Ах, кабы вот теперь, сейчас появился наконец человек, которого он так жаждал увидеть!..

Единственная надежда — Яхья-шайтан, который хоть из-под земли, но должен был отыскать эту проклятую клячу судьи, ну уж, на худой конец, если и не найдет, невелика беда, другую преподнесет в качестве подарка. Беспокоило другое: не пошли бы лишние разговоры: мол, лошадь судьи Тулабаева украдена не где-нибудь, а в колхозе Бурхан-тукиса. Время от времени, чтобы кто-нибудь из гостей не заметил его волнения, Бурхан перекладывал подушки с одного места на другое, подсовывал поудобнее то под один, то под другой бок.

Окрестность с берега хауза как на ладони. На другой стороне Изза-сая колхозники собирали лук, на ближнем берегу копали картошку. В воздухе жаркая истома, блестит на солнце неподвижная паутина, лениво перелетает с места на место мухи. За мельницей над виноградником, низко над землей, то и дело мелькала стайка скворцов. Урючину над крышей дома, где сушилась кукуруза, уже тронуло желтизной, а самые верхние листья ее побагровели. Осень ощущалась во всем.

Благо, гости развлекались сами, все еще перекидываясь в картишки, Бурхан предался размышлениям. Какой все же замечательный наш народ, думал он, — мирный, трудолюбивый, и не знает-то он ничего, кроме работы, вполне доволен своим существованием. Сажает, сеет, выращивает, сдает государству урожай. И зависти ни в ком никакой! Пусть в поле от зари до зари, пусть еле сводят концы с концами в хозяйстве, одна забота у всех: как бы с государством рассчитаться, помочь тем, кто на фронте воюет. Там мужья, братья, отцы, поскорее бы уж конец этой войне проклятой, поскорее бы вернулись в Катта Кангли живыми и невредимыми.

Этой надеждой живут все — и женщины, и старики, и детишки... А эти вот, сегодняшние гости, — Бурхан глянул на них с нескрываемым презрением, благо никто головы от стола не поднял, — обзавелись теплыми хлебными местечками и думают лишь о себе. Эх, кабы не зависеть от них, выпроводил бы подобру-поздорову отсюда. Однако так жизнь устроена, что не может он сделать этого, опасается, как бы кто из них не стал потом придираться к нему. Должность, конечно, его престижная, ничего не скажешь, но, чтоб не лишиться ее, вынужден нередко идти на сделку с совестью, язык держать за зубами... И вот пожалуйста, очередное осложнение: теперь этому бездельнику судье должен отдать свою взамен пропавшей лошади, до отъезда же, чтоб им пусто было, паясничать тут перед ними, развлекать. К лицу ли ему, солидному человеку, такое? И разве объяснишь все это таким бескомпромиссным, как Акбар? Поймет он?..

Снедаемый тревогой, Бурхан поднялся с сури, подошел к краю хауза, опустил на корточки, плеснул прохладной водой в лицо. Почувствовав некоторое облегчение, вернулся обратно. Гостям же его словно все ни о чем, по-прежнему дуются, не меняя поз, в карты, изредка лениво перебрасываются словами. А Яхъя-шайтана все нет и нет, только за смертью посылать. Не припомнить такого паскудного дня за все последнее время, с утра одни неприятности, конца не видать. И чего добился, навестив сегодня наставника? Одни упреки услышал от Кудратилла-поччи, вот и делай после этого добро людям.

Нет, не хотел он, видит бог, идти нынче к наставнику! Однако вскоре после ухода Акбара мысль эта прочно засела в голове. Прав он, конечно, виноват Бурхан перед стариком. Вот и заскочил к нему, прихватив с собой баранью ногу да свежих лепешек.

Жена Кудратиллы приходилась раису дальней родственницей по линии отца, сам старик доводился дедом. Одно время — было такое — жил он в доме своего деверя, который работал тогда в городе на хлебозаводе. И всегда, помнил Бурхан, от него шел приятный дух свежее выпеченного хлеба. Возвращаясь вечером домой, тесть останавливался под орешинной на берегу Анхора, раздавал ребятишкам румяные теплые баранки.

И позже, когда зажил своим домом, первое время часто навещался Бурхан к Кудратилла-почче.

— Соскучился по вашим советам, почча, да, признаться, и по лепешке с каймаком!— признавался откровенно каждый раз. И потом долгое время ощущал во рту вкус того хлеба и каймака, которыми тетушка потчевала его.

Раздобрела с тех пор тетушка Адал, отчего казалась на голову выше мужа, а тот с возрастом усыхал прямо на глазах...

Завидев Бурхана, подбежала, поцеловала в лоб, словно мальчика, ласково по спине погладила, приняв подношение, пригласила в дом.

— Слышал, Бурхан,— сказала шепотом, войдя на крыльцо,— от нашего сыночка младшего весточка пришла, похоронка-то недействительной оказалась! Жив мой Тулябай! Жив! Хвала докторам, сына прямо из рук смерти вырвали, спасли! Теперь домой вернется, только... руку ему отняли... вот горе-то!..

Заслышав голос гостя, вышел из виноградника и сам почча. Согбенный, исхудавший, в белом яхтаке и шароварах, с палкой в руке напоминал он странствующего пророка. Бурхан торопливо сделал несколько шагов навстречу ему, осторожно пожал слабую руку.

— Я рад, что навестил вас в добрый день. Пусть и старший вернется живым-невредимым!— сказал он искренне.

Приветливо принял гостя Кудратилла-почча, однако не так, как прежде принимал,— словно постороннего. Едва Бурхан порог переступит, начнет, бывало, почча расспрашивать его о работе, здоровье, советы всякие дает, как жить да что делать. Помнит Бурхан и до сих пор советы эти, однако жизнь есть жизнь. Правда, не разбазаривал он колхозного добра, да и другим не давал, авторитет прочный завоевал в районе. Не пил, не гулял, на жен чужих не заглядывался. Годы шли, и колхоз его набирал силу, а когда становишься руководителем такого мощного хозяйства, как его, Бурханово, многое начинает осуществляться уже помимо твоей, председательской, воли: не только даешь «добро» на ранее тобою же запрещенные дела, но и сам порою участвуешь в них... И все реже с годами вспоминаются наставления Кудратилла-поччи... Однако как все это объяснишь честному, порядочному старику, живущему по старинке? Друг Акбар, казалось бы, единомышленник, да и тот перестал понимать его, так какой уж спрос со старика деверя?

На этот раз все больше молчал Кудратилла-почча, ни о чем не спрашивал, ни в чем пока не упрекал, но всем своим видом словно бы говорил: высокомерие одолело тебя, ничего от прежнего не осталось. Но напоследок, когда Бурхан уже собрался уходить, все же сказал:

— Не обижайся на меня, кто посмеет тебе теперь советы давать? Одно скажу: брось гулянки и застолья, неужели непонятно тебе, не время нынче пировать, проще простого упасть в глазах людей, потерять авторитет, нового больше не завоеешь, дело гиблое...

Ох как жалел Бурхан, что пошел к Кудратилла-почче! Не был несколько лет, и что из того? Так и не понял ничего старик, где уж ему! Как обойтись без застолий, когда жизнь и дела постоянно сталкивают председателя с нужными людьми? Ему-то самому этого вовсе не надо, — приглашай прокурора и судью к себе домой да корми, пои, ублажай, расходы неси, а тут еще и умасливай из-за коня пропавшего... Наверное, потому и уважают его, что всех поил да кормил. Старый человек, а таких простых вещей не понимает...

Сколько так просидел Бурхан-тукис на сури, свесив ноги и глубоко задумавшись, он и сам не знал, только очнулся вдруг от шумного всплеска в хаузе.

— Вот эта рыбина, раис, прямо на сковороду просится! — загорелся прокурор.

«Ну всё, — с грустью подумалось раису, — теперь, пока не отведают жареной рыбы, не уедут, это как пить дать!» — и приказал повару тотчас изловить ее в хаузе. Пока тот возился, пришел окруженный толпой ребятишек однорукий старик со щеглом. На все руки мастер, он потешал кишлячных малышей замысловатыми фокусами: то, «проглотив» орех, вынимал его из уха, то заставлял прирученного щегла доставать из коробочки записки с предсказанием судьбы.

— Подходите, кто желает, попытайте счастья! — зывал бывший кузнец со щеглом, привязанным к его единственной руке тонкой ленточкой.

— Эй, гадальщик, подойди-ка сюда! — оторвался от карт судья Тулабаев.

Старик остановился, раздумывая, подойти или нет. Его явно смущала эта компания на берегу хауза, около дома самого раиса. Однако и раис позвал его, проявляя нетерпение:

— Ну подойди, раз зовут! — В душе Бурхан даже обрадовался, что гости его еще хоть чем-нибудь займут-

ся.— Мы тебе не мелочь, бумажные деньги дадим,— скажи своей ученой птичке, пусть вытащит для наших гостей бумажку со счастливой судьбой! Порадуешь — заработаешь столько, что за год не получал никогда!

— Конечно, дед, мы не привыкли мелочиться! Подходи! Не робей!— подбадривал старика Тулабаев.

Ребята остановились, присмирели за спиной фокусника.

— Ну как, договорились?— шурша в портмоне бумажными купюрами, спросил Бурхан, однако ответ старика удивил:

— Да, понимаете, щегол не привык к бумажным деньгам, раис. Может, у вас мелочь найдется?

Бурхан пошарил в карманах.

— Обязательно, говоришь, мелочь нужна?

Старик в смущенье пожал плечами.

— Ну сам посуди, откуда у моих гостей может быть мелочь? Ведь один судья, другой прокурор. Знаешь что? Разменяй-ка ты сам, вот!— не выдержал Бурхан, бросая на курпачу пятирублевку.

Старик пребывал в нерешительности, и раис для начала решил испытать его в другом деле.

— Вот ты, говорят, и гадать можешь. Так ли это? Если так, скажи,— Бурхан с надеждой глянул на однорукого,— скажи, не можешь ли ты, например, ответить мне, куда, скажем, пропала... нужная мне вещь?

Здоровой рукой старик заправил за пояс пустой рукав рубашки, покачал головой:

— Это может знать только один человек... Золотая гадалка, как зовут ее все здесь у нас, Икбар-ая ворожея... которую выселили на Аччи.

— Ну хватит болтать,— оборвал раис старика,— принимайся за дело! Не о старухе речь... Товарищ Тулабаев, испытайте первым вы свое счастье!

— Что ж, я согласен, это тоже своего рода развлечение,— судья взял одну из разменянных стариком монет, протянул осторожно щеглу.

Птица села на руку гостя, сверкая глазками-бусинками. Взяв монету, подлетела к хозяину, положила ее к нему на ладонь, покрутив головкой, достала из холщового мешочка, что был подвешен к руке старика, свернутую в трубочку бумажку, подала в клювике Тулабаеву.

Гость развернул трубочку, начал читать по слогам вслух:

— «О-сте-ре-гай-ся, чтобы дело твое не дошло до суда...» — Он захохотал, откинувшись на подушки. — Я ведь сам, так сказать, председатель права — судья, как же это мои дела могут попасть туда? Ха-ха-ха! Ты что-то напутала, птичка!

Дети смеялись громче всех. Обескураженный гадальщик что-то пробормотал под нос. И Бурхан смеялся от души, потом пригласил прокурора:

— Ваша очередь! Отыщется судьба и для вас!

— Да ну ее, эту пташку! Не верю таким пустякам! — махнул рукой Иманбердыев.

— Да ладно, ради развлечения, — уговаривал Тулабаев.

— Развлекайтесь сами, коли удовольствие доставляет, а меня увольте, — прокурор отодвинулся на край сури.

— Раз так, то и мы попробуем попытать свое счастье! — решил Бурхан и протянул щеглу монету.

Словно дитя малое, ждал раис доброго предсказания, но, развернув трубочку, принесенную щеглом, побледнел.

«Бойся быть проклятым...» — прочитал он, заикаясь. — Э, чушь какая!» Приступ злости вдруг охватил Бурхана, и, не отдавая себе отчета в том, что делает, он резко поднялся с несвойственной для него прытью, схватил несчастного щегла и, тут же свернув ему шею, заорал на старика:

— Пропади ты со своим гаданьем!

Лицо однорукого исказилось в страдальческой гримасе. С испугу кто куда разбежались ребята. Но прежде чем уйти, старик взял в руки обезглавленного щегла, с состраданием посмотрел на него и, переведя взгляд на окровавленные руки раиса, едва слышно произнес:

— Птица-то чем виновата? Лучше б сердце мое вырвали!

Брезгливо поглядев на перепачканные пальцы, Бурхан-тукис с трудом достал из внутреннего кармана кителя красненькую тридцатирублевку, бросил старику.

— Хватит ныть, не нагоняй тоску! Купи себе другого щегла, подумаешь, велика беда!

Старик нагнулся к земле, но не поднял денег, а бережно подобрал головку несчастной птицы и, не оборачиваясь, пошел прочь.

Притихли гости за дастарханом, остывала жареная рыба, к ней никто так и не притронулся, и, хотя Яхъя-

шайтан все еще не объявился, гости стали собираться в путь. Бурхан не уговаривал остаться, вынес из дома голубой халат, накинул на плечи Иманбердыева.

— Для вас же, товарищ Тулабаев, я приготовил особый подарок. Помните, вы как-то намекали... — голос раиса был таинствен.

Тот ничего не понял, в недоумении пожал плечами.

Молодой парень, служивший на конюшне, подвел лошадь Иманбердыеву, за нею рысака раиса. Завидев коня, Тулабаев не в силах был скрыть своего восторга.

— Вот это конь! — лепетал он счастливым голосом. — Я навек ваш должник, раис-ака! — многократно благодарил судья, не подозревая, чем заслужил такой щедрый подарок.

— Вам... на счастье... от меня! А взамен я оставляю себе... вашего... Не возражаете?

— О, я согласен! — обрадованно жал руку председателя Тулабаев.

«Такого коня берешь, каналья, да еще бы... не соглашаться!» — в раздражении думал Бурхан.

Гости сели на коней, стали прощаться.

— Счастливого пути, приезжайте почаще!

Когда наконец всадники скрылись из виду, Бурхан, разом изменившись в лице, грубо закричал на конюха, который только что про себя изумлялся ловкости, с какой раис провел эту операцию:

— Где этот негодяй Яхъя? Сквозь землю, что ли, черт бы его побрал, провалился? До сих пор не может лошадь найти! Всех надо гнать в поле, нечего вам пробавляться здесь, на моем дворе!

В такие грозные минуты все боялись хозяина, он был похож на разъяренного дэва, и никто из его людей не смел тогда подступиться к нему, стараясь скрыться подальше с глаз долой.

Оставшись наконец один, Бурхан не в силах был унять раздражения, метался по берегу хауза, зашел в дом, снова вышел, закричал не своим голосом:

— Подавай лошадь, кому говорю!

Двуколка, как всегда, была наготове, и Бурхан с трудом взгромоздился на сиденье под козырьком.

— В правление! — приказал он вознице, то и дело в нетерпении поглядывая на пылавшую под солнцем дорогу.

Под мерный топот копыт покачивалась двуколка. Но, доехав до конца кишлачной улицы, вдруг резко за-

тормозила, подалась назад, и развалившийся на сиденье Бурхан по инерции чуть не вывалился на дорогу.

— Ты что, ослеп?— крикнул он вознице, и, высувшись, увидел посреди улицы женщину, срывавшую с головы паранджу и с криком приближающуюся к двуколке.

— Эй, останови лошадь! Оказывается, можно все-таки увидеть нашего раиса! Хоть он и тукис, как говорят о нем, но ведь еще пока и не хан! У меня к раису дело, останови, извозчик!..

Женщина заметно прихрамывала, и, по мере того как она приближалась, в душе Бурхана почему-то рос страх. Когда наконец дадут ему покой? Мало недавнего визита Акбара, мало сегодняшнего приезда судьи, так теперь вот... И сразу же узнал Раби-хромоножку, Рабию, муж которой умер в неурожайном тридцать третьем, оставив вдову с двумя детьми.

— Что, опять скандалишь?— наступал он на нее, выйдя из двуколки.— Хочешь поговорить, отправляйся в правление! Нечего кричать на весь кишлак, словно я твой дом поджег.

— Да все ноги отбила, бегая за тобой!— не смутилась женщина.— Чтоб ему провалиться, вашему правлению! Разве твои слуги пустят? Туда нельзя, сюда нельзя!.. И никто не желает вникнуть! Лучше б уж сдохнуть!..

Обидно стало Бурхану, приходится выслушивать нередко и такое... Вспомнив, что Рабия недавно получила похоронку на сына, а незадолго до того у нее погиб брат на фронте, он поостерегся грубо урезонивать женщину криком.

— Говори по порядку, что стряслось?— Голос раиса помягчел, когда он подошел близко и увидел в глазах ее слезы.

— Мало того,— начала она, всхлипывая,— что я лишилась сына, брата, так теперь твой бригадир терзает меня, несчастную, зарится на единственную дочь! Вон сколько в кишлаке вдов, а он на девочку... Говоришь, будто ядом брызжешь! Э, кто, если не ты, покровительствует этому нечестивцу? Только на тебя, раис, и надеюсь, они так распустились! Бессовестные!

— Что, что ты сказала? Про какого бесстыдника говоришь? Это я защищаю негодяя, позарившегося на девушку? Только скажи, кто он?

— Кто-кто! Ахмадали твой! Вот кто! Чтоб земля его проглотила!..

— Ах, негодяй! Снова за старое принялся?!— гневно вырвалось у Бурхана. — Ну, подлец, пусть пеняет на себя!.. Ты не обижайся, Раби, что я тут накричал. Ведь не знал же, в чем дело, ей-богу, не знал... А на будущее, если что... прямо ко мне приходи! А его... посмотришь, как я его накажу! Если оставлю это дело так, можешь мне потом в лицо плюнуть. А теперь иди, иди с богом, нехорошо, если наш разговор услышит кто-нибудь!

Взобравшись на двуколку, Бурхан еще раз оглянулся. Неужели правда, что люди дурного о нем мнения? Не ждут, говорит, от него ничего путного? Вот даже как! Он решительно покрутил головой: нет, покажет он им всем наконец, кто он такой! Погоди и ты, Ахмадали, бесстыжая рожа! Погоди!

— Вернемся из райцентра, — крикнул вознице, — хоть из-под земли достать мне Яхью! Передай, чтоб немедленно привели ко мне и Ахмадали! Хочу своими глазами поглядеть на этого ублюдка! Ну, поехали!

И, застыв у края дороги, по которой промчалась мимо двуколка председателя, не знала женщина, благодарить ей бога за встречу с райсом или опасаться хозяина колхоза в будущем.

IV

Проснувшись от мучившего всю ночь кошмара, Ахмадали не сразу понял, где находится, в недоумении вскочил. Господи, привидится же такое — то ли конь, то ли человек... Но ясно помнит, с четырьмя ногами и гнался за ним по пятам. Сообразительность и во сне не отказала: на гору взобрался, иначе затоптало бы копытами чудище...

Хорошо, что проснулся вовремя, а то неизвестно, чем бы все кончилось. До сих пор сердце словно птица в силке бьется.

Задремал, помнится, в полутемной подсобке полевого стана, и теперь трудно было определить, который час: ведь после обеда пришел туда.

Это был не сон, а черт знает что такое! И вообще зачем ему это бригадирство — ни сна ни отдыха. Поднимайся раньше петухов, ходи по дворам, выгоняй этих бездельниц на работу; язык на плечо — пока всех соберешь в поле. Потом беги с одного участка на другой,

надо проверить, как картошку копают, как лук собирают. Потом в сад мчись, потом на приемный пункт узнать, сколько сдано винограда и сколько еще надо. Солнце садится, все по домам, даже птицы и собаки и те на покой, а ты, бригадир, чуть ли не до полуночи спорь с приемщиками. И так изо дня в день. Бурхан-то, конечно, доволен, но тракторист этот... никогда не поймет, чего Ахмадали стоит это бригадирство: будь воля Акбара, уж он-то ни за что не назначил бы его на эту должность, это точно...

Ахмадали зевнул, блаженно потянулся, почувствовал, как хрустнули суставы. От громкого зевка ему и самому стало вдруг неловко, он оглянулся, не слышит ли кто. Однако, слава богу, никого не было возле полевого стана, в яблоневом саду все работали. По дороге сюда видел он, как девушки копали картошку: при каждом взмахе кетменя лезвие, словно молния, посверкивало на солнце. Следом за девчатами шли женщины и детишки — выбирали картошку из земли. А на другом берегу Иззы колхозницы лук собирают. Довольный беглым осмотром, бригадир присел на корточки возле хауза. Увидев в воде свое колеблющееся отражение, тут же вспомнил, что бросил перед уходом на работу в арык дыню шакарпалак — лучший сорт, наспех сполоснул лицо и, вытеревшись бельбагом, принес дыню на супу¹, застланную шолчай², с наслаждением стал резать ее, вдыхая аромат, глядя, как под ножом трещит спелая корка и прямо на руки льется сок.

— Ох-ох-ох, ну и запах, опьянеть можно! — Не обращившись, позвал: — Эй, где ты, Хомпоч, принеси-ка поднос! Не дыня, мед, иди сюда, побалуемся!

Услышав зов бригадира, повариха принесла поднос, но не успел Ахмадали дорезать дыню до конца, как на дороге, ведущей к стану, показался всадник. Тотчас признав в нем рассыльного раиса, бригадир не на шутку струхнул: каким это ветром занесло Яхью сюда? Видать, с хорошими вестями не поспасает.

Поднявшись, пошел встречать посланного, бросив на ходу поварихе:

— Шевелись, Хомпоч! Да расстели курпачу лучше. Дастархан на супе накрой!

Однако не успел Ахмадали взять под уздцы разгоря-

¹ Супа — глиняное возвышение, помост.

² Шолча — дешевый ковер, половик.

ченную от скачки лошадь, как Яхъя с важным, озабоченным видом распорядился:

— А ну собирайся, бригадир, да побыстрее! Раис приказал!

Ничего не понимая, оторопев и не найдя сразу, что ответить на бесцеремонный вызов, пригласил рассыльного на супу:

— Проходите, проходите, Яхъя-бек! Присядьте на минутку, будьте гостем! Утолите с дороги жажду, дыня — первый сорт!

Рассыльный загадочно усмехнулся:

— В правлении отведаете... дыньки! Специально приготовленную для вас раисом...

У Ахмадали подкосились ноги: значит, Акбар, подлец, все-таки донес! Пожаловался! А вдруг еще... и то дело раскроется, тогда уж наверняка не миновать тюрьмы!

— Ну-ну, собирайтесь, — поторапливал Яхъя, — да поживее!

Ахмадали с мольбой поглядел на рассыльного:

— Постыдился бы, Яхъя-бек, при народе-то. Бригадир как-никак! И лошадь своя есть...

Яхъя бросил холодно:

— Ничего, и без лошади обойдешься! Говорю, приказано срочно доставить к самому раису!..

На глаза Ахмадали навернулись слезы.

Застывшая с черпаком в руках повариха начала умолять:

— Послушай, любезный, вы ведь из одного кишлака. Не срамите друг друга! Что скажут...

— Не ваше дело! — отрезал Яхъя, дернув лошадь за поводья. — Таков приказ, — на лице рассыльного не дрогнул ни один мускул.

— Тогда прошу, подождите немного! Пусть бригадир съест хоть кусочек дыни, ведь только что нарезали! Плохо придется тому, кто лишит человека его доли, любезный, — повариха Хомпоч бросилась к супе, — садитесь и вы, отведайте дыни...

Ахмадали зло глянул на Яхъя:

— Однако... запомни... ты!.. — пригрозил он.

— Да хватит, хватит, еще успеешь нажаловаться! — перебил его рассыльный, и бригадир, смирясь с судьбой, пошел впереди лошади, на которой ехал Яхъя, на виду у своих подчиненных, копавших картошку. В сапогах с щеголевато подвернутыми голенищами, белом яхтаке,

с бельбагом на плече, низко опустив голову, шел он по пыльной дороге, подгоняемый храпом лошади рассыльного, то и дело оглядываясь на работающих в поле. Ну хоть бы кто-нибудь вышел вперед, замолвил за него словечко, заступился, ведь он все-таки их бригадир... Нет, ни один не вышел, не сказал ни единого слова. Да что с них возьмешь? Начальству привыкли подчиняться, так что нечего от них ждать. Наверное, потому и отвернулись от Ахмадали, что прознали про ту историю. Да нет, откуда? Не может быть!.. Ведь как он старался, чего только не отвозил вдове — и картошку, и морковь, и лук... Обеспечил на всю зиму, все думал: ублажил обеих — и мать, и дочь. Откуда ж могли люди пронюхать? Ведь не станут же мать с дочерью сами себя срамить...

Да, женщины наверняка смотрят на него с презрением, думают про себя: «Так тебе и надо!» Но нет, оказывается, не все так думают. Вот одна бросилась к дороге, по которой вел его Яхъя. Не обращая внимания на сбившийся с головы платок, бежала она по картофельному полю, размахивая руками, что-то крича, спотыкаясь о кочки, путаясь ногами в траве, падая и снова поднимаясь.

Ахмадали сразу узнал ее: Рихси, жена фронтовика Эргаша. Теперь-то она, конечно, отомстит ему за вчерашнее!

Ахмадали шел опустив голову. Женщина тем временем добежала до дороги, неожиданно преградила путь рассыльному раиса:

— Да благословит вас аллах! Окажите милость этому человеку! Если из-за меня его уводите, прошу, умоляю, отпустите! Он не виноват. Это я опаздывала на работу! Простите его, он не по злой воле так поступил, он на службе, это его долг...

Ах, как горько, как стыдно было слушать Рихси! Не выдержав молящего взгляда женщины, Ахмадали опустил голову, зашагал быстрее. Его одолевали нерасходные мысли. Хоть и пользуется авторитетом раис Бурхан, однако не знает он своих людей, не отличает, кто друг, кто враг. Иначе не послал бы за ним этого конокрада, который и мать собственную, случись что, не пожалеет. Непонятны и поступки раиса. Вчера камчой наградил, нынче, словно арестанта, приказывает вести к себе. И с чего взъярился? Не иначе это дело рук Акбара. За что, спрашивается, мстит? А может, по какому-

нибудь другому поводу? Конечно, он, Ахмадали, не святой, бывает, и накричит на людей, чтоб усердие свое проявить, а что заслужил в результате? Постой, постой, может, все из-за той девчонки? Эх, голова садовая! Минутное наслаждение, а сраму теперь не оберешься!.. И почему это неудачи подстерегают его буквально на каждом шагу?.. А может... все из-за той заблудившейся лошади, которую он вчера поймал в поле и отвел в свою конюшню?..

Когда Ахмадали с замирающим сердцем открыл дверь кабинета Бурхана в правлении, раис сидел в своем любимом кресле с львиными головами на подлокотниках, а на громадном письменном столе лежала лишь тюбетейка да плетка с бахромой. Бригадир в нерешительности остановился на пороге, в знак покорности сложив руки на груди. Хотел было поздороваться, да голос от волнения пропал.

— Здрав...те!... — только и выдавил из себя.

Сверля пришедшего пронзительным взглядом, раис словно прочитал, что творилось на душе Ахмадали, сморщился, отвернулся.

«Видать, семь шкур с меня собирается спускать, коли так принимает», — подумал бригадир, не зная, что предпринять, чтобы Бурхан сменил гнев на милость. Вот раис выпрямился в кресле, хлопнул ладонью по колену.

— Так, значит, дорогой... — в голосе Бурхана Ахмадали уловил издевку. — Кто же тебя надоумил совершить такое безобразие? А?

Бригадир понял, что дела его — хуже некуда: когда Бурхан так подчеркнуто вежлив, добра не жди, это проверено, оттого-то с каждой минутой Ахмадали все более съеживался, окончательно растерялся. Раис между тем продолжал:

— Значит, любезный, уж и власть не признаешь? — Бурхан резко поднялся. — Думаете, раз председатель однажды наградил, то уж теперь и наказать не может? Плохо же вы меня знаете! Я не потерплю моих хулителей! Буду нетерпим к тем, кто позорит честь колхоза! — Схватив со стола тюбетейку, Бурхан тут же швырнул ее в сердцах обратно.

Ахмадали понял: именно сейчас, в этот момент он должен упасть перед Бурханом на колени и просить прощения, правда... еще неизвестно за что.

— Раис-бобо!— к нему вернулась всегдашняя решительность.— Разве я позволю когда-нибудь опозорить ваше имя? Да никогда!..

— Ну как же,— в глазах Бурхан-тукиса блеснула ирония.— Такого невинного, порядочного человека во всем Катта Кангли не сыщешь!

Все еще не понимая причины гнева председателя, Ахмадали склонил голову еще ниже.

— Виноват, раис-бобо, простите! Однако видит бог, если у меня было хоть какое-то намерение обидеть вас, не сойти мне с этого места...

— И на клятвы ты мастак, знаю. Видно, это в крови у всех бабников. Тоже ведь любишь клясться, я это давно заметил!— во взгляде Бурхана теперь было явное презрение.

Бисеринки пота выступили на лбу Ахмадали: откуда ему все известно, кто донес? Однако самое разумное ничего сейчас не выяснять.

— Как же мне, раис-бобо, убедить вас, чтобы вы поверили?

— Ну убеди меня, убеди!.. Например, в том, что конь, найденный в твоей конюшне, принадлежит... тебе.

Этого Ахмадали не ждал, а потому смутился до слез.

— Я... я его на бахче... когда он топтал бахчу... поймал и спрятал. Это правда. Верьте мне!

Раис безнадежно махнул рукой.

— Кого ты хочешь обмануть? Кто тебе поверит? Только языком попусту мелешь! Знаю, знаю, ты сделал это намеренно! Осрамить меня захотел, запятнать мое честное имя, репутацию колхоза. А это ведь лошадь судьи, ты же прекрасно знаешь!..

Глаза бригадир от удивления округлились, он схватился за ворот рубахи, с трудом вымолвил:

— Поверьте, раис!.. Только сейчас узнал от вас, чья она... Жизнью клянусь! Я... сказал чистую правду!

— В таком случае и молва о дочери вдовы Рабии тоже досужая выдумка? Так, что ли? Значит, не ты обесчестил молоденькую девушку?

Уши Ахмадали заложило, в глазах потемнело. Потупившись, он молчал.

— Ну хорошо хоть, что сейчас не клянешься. Паршивый ты пес, и не стыдно глядеть в глаза людям? А еще божился! Как только язык поворачивается!— Пройдясь по кабинету, Бурхан остановился возле Ахмадали.— Знаешь, как наказывали в старину за ложь

и обман? Мазали лицо сажей, сажали задом наперед на осла и возили из махалли в махаллю. Потом под забором где-нибудь бросали или, имея сострадание к детям, в одну ночь выселяли из кишлака... Думаю, наши предки поступали справедливо! Потому что хотели одного: чтоб было меньше таких, как ты, забывших и совесть и честь. Вот так-то!..

Вздрогнул Ахмадали, испугался, потому что понял, к чему клонит Бурхан-раис, однако не знал не ведал, как найти подход к председателю, как упротить не наказывать. Раис тотчас понял намерения Ахмадали, безглаголиво сморщил нос:

— Брось, и не надейся! Такого бригадира уж лучше вовсе не иметь!

Понял с ужасом Ахмадали, что все для него кончено, но решил еще разок попытать счастья, бросился на колени:

— Дорогой Бурханбай, смилуйтесь! Горе моему дому! Рабом вашим буду до смерти. Простите в последний раз! А коли поступлю еще когда-нибудь так — делайте со мной что угодно.

Бурхан презрительно глядел себе под ноги.

— Сам посуди, с такими порочными задатками разве можно считать тебя человеком? А?

— Слово даю, клянусь! Если еще хоть раз...

Уронив голову, Ахмадали заплакал беззвучно, понял, что теперь нет другого выхода, кроме как пустить слезу.

Но сердце Бурхан-тукиса на этот раз и впрямь оказалось каменным.

— Встань с колен, ну какой ты после этого мужик? Слезы лить не стесняешься! Твои одногодки кровь на войне проливают, а ты чем тут занимаешься? А? Да еще прощенья просишь.

Рябое лицо Ахмадали скривилось, стало землистым, пошатываясь, он поднялся с колен.

— А теперь иди, — приказал раис, надевая тибетейку, — да, да, иди по-хорошему! На все четыре стороны, даю тебе на все про все два дня. Кстати, зайди к бухгалтеру, возьми расчет, чтоб не появляться потом здесь еще раз.

В душе Ахмадали все вдруг взбунтовалось против такого решения, покорность сменилась горькой обидой. Он поднял глаза на раиса, решительно нагнулся и, вынув из-за голенища недавно полученную в подарок от

Бурхана камчу с головкой змеи вместо ручки, швырнул на стол:

— В таком случае и ты заberi свою плетку! Пусть теперь тебе послужит.

С этими словами, круто повернувшись, Ахмадали пошел к двери, но остановился на пороге, оглянувшись еще раз:

— Я еще дождусь часа, когда ты, раис, сполна получишь за все свои дела. Попомни мое слово, ни на этом, ни на том свете не будет тебе покоя!

Хлопнула дверь. Бурхан-раис смолчал. Да и что он мог ответить на эти дерзкие слова.

V

День еще не занялся, а на виноградниках уже хозайничала стая скворцов. Рассевшись на огромной орешине, что на краю виноградника, они щебетали без умолку. А в соседском дворе заливались перепелки, громко и отчетливо слышны были их голоса в утренней тишине.

Тщательно вымыв и почистив коня, Акбар совсем было собрался в дорогу, как послышался скрип отворяющейся калитки и чей-то безудержный плач.

— Ой, Масто́н, сестру твою бог покарал! Черные дни послал нам на старости лет. Уж лучше бы мне умереть, чем видеть все!

«Это ведь тетин голос, — узнал Акбар, и, хотя знал, что женщина эта способна муху в слона превратить, все же стало не по себе от рыданий пожилой родственницы. Выйдя из конюшни, услышал голос матери:

— Ну что так убиваетесь? Успокойтесь. Что люди скажут?..

Тут тетка Айниса запричитала пуще прежнего:

— И что, если услышат? Пусть! Нас и так все презирают. А все из-за твоего сына Акбара, он виноват! Вот и ты людей стесняешься, просишь потише говорить, а ведь родственниками считаемся!..

Недоумевая, остановился в дверях конюшни Акбар: неужто раис наказал все-таки Ахмадали? Ведь в тот день и речи вроде об этом не шло?

— Эй, сестра, — слышался голос матери. — Думайте, прежде чем возводить на сына напраслину! Акбар мой, выходит, виноват, а ваш Ахмадали, значит, ни при чем? Ему пора дочь замуж выдавать да сына женить, а он чем

занимается, хоть бы взрослых детей постеснялся! — пыталась урезонить сестру Мاستон.

Какое-то время обе молчали, потом с супы снова донесся плачущий голос тетки:

— Что делать, сестра, если судьба моя такая? Живу с таким негодяем! Мало я от свекрови натерпелась, так теперь и муж штучки выкидывает. Какое счастье в жизни видела я? И теперь вот должна родное гнездо покинуть. Умереть спокойно не дают мне, Мاستон. В мои-то немолодые годы, сестра, как с этим смириться, ведь выселяют нас из кишлака... А кто поможет? Попроси Акбара! Одно его слово... Коли скажет он, Бурхан-тукис простит, уж я-то знаю, друг ведь он ему...

Айниса-хола стояла спиной к конюшне и не заметила Акбара. Когда он подошел, мать тотчас убрала руку с плеча сестры, словно сын мог осудить ее за это.

— Да вот он и сам, Айниса, — с трудом вымолвила Мاستон, — скажите-ка ему сами обо всем.

Тетка обернулась, приложив платок к глазам.

— Ой, ты, оказывается дома, дорогой Акбарджан, к кому же мне идти с просьбой, как не к тебе! Пожалей меня, бедную! Прости моего распутника! Если ты простишь, то и Бурхан-раис...

От слез женщины Акбару стало не по себе.

— Странные вещи вы говорите, тетушка, обвинили тут меня во всем. Что изменится, попрошу я за него или нет? Разве раис меня послушается?

— Сынок, знаю, одно твое слово, и он не выгонит нас. Но... если не хочешь... не можешь простить... — в одно мгновение лицо ее стало злым, — не надо... не ходи.

— Кто вам сказал, что дело обстоит именно так? С чьих слов судите?

Женщина в недоумении поглядела на племянника.

— Так ведь вы с ним повздорили...

— Ну и что из этого? Значит, я, выходит, и виноват во всем? Чепуха какая-то!

Но и самому Акбару было невдомек, как это Бурхан решил расстаться с верным псом Ахмадали. Может, из-за этой истории с дочерью Рабии?.. Значит, не все еще потеряно, осталось в раисе хоть что-то человеческое. Однако не слишком ли суров он со своим бригадиром, ведь жена-то и дети ни при чем, неужели всю семью надо из-за этого высылать?

— Ну хорошо, тетушка, я пойду к раису. Но не за сына вашего просить, нет! За вас, за детей ваших. Просить за него — грех на душу брать...

И Акбар отправился в конюшню, а когда вывел лошадь, сестры сидели на краю супы, утирая украдкой глаза.

Своеобразно расположены земли Катта Кангли: сколько надо преодолеть подъемов, маленьких ручейков и речушек, пока доберешься от кишлака Багабад до правления колхоза. Дорога вьется вдоль сая. Если до обеда один берег тенистый, после полудня в тени утопает другой. Однако своеобразие, конечно, не только в этом. Все речушки, попадающиеся на пути и вбирающие воды родников, минуя Миржуман, вдруг поворачивали на запад и сливались с водами Бозсу. Искрящаяся под солнцем, она и существовала благодаря питающим ее водам этих малых речушек.

Акбар миновал сай, а потом и улицу, обсаженную тополями, что вела к правлению колхоза. И тут увидел всадника. Издали признал в нем рассыльного раиса, Яхью. Непонятен был для него этот человек, никогда вроде не занимающийся серьезно одним каким-то делом. Не первый год знал его Акбар, а уж на его памяти служил Яхья то конюхом в колхозной конюшне, то наездником выступал на межколхозных соревнованиях, а то и вовсе вдруг пропадал из кишлака на длительное время; говорили, будто была у него страсть к улакам¹. Удивительное дело, но Акбар знал людей, буквально свихнувшихся на лошадях. Одним из них был и нынешний рассыльный председателя. Услышит, где-то появилась необыкновенная лошадь редкой породы, пиши пропало: забывает о еде и сне, ни о чем другом думать не может, пока эту лошадь не добудет. Акбар уважал в человеке увлечение делом — лошади так лошади, почему бы и не увлечься ими? Однако, когда узнал однажды, каким путем попадают они к Яхье, какие нечестные, изощренные проделки на его совести, охладел к нему окончательно; к каким только уловкам ни прибегал мошенник, обхаживая хозяина понравившегося ему коня! А не удавалось уговорить продать за хоро-

¹ Улак — праздничное конное состязание, в котором всадники вырывают друг у друга козлиную тушу.

шую цену, шел на все, ничем не гнушался. И теперь такой человек ходит в доверенных Бурхан-раиса, служит у него рассыльным!..

Не доехав шагов десяти до Акбара, Яхъя в удивлении развел руками:

— А-а-а, правдолюб, рад видеть вас живым-здоровым! И святого искать не надо!

Акбар холодно кивнул — не любил, когда при встречах кто-нибудь поминал его прозвище, прочно за ним укрепившееся. Однако это нимало не смутило рассыльного, он, довольный, рассмеялся.

— Хорошо, что попались навстречу! Я как раз разыскивал вас.

Широкое лицо Яхъя расплылось в улыбке, узенькие глазки превратились в едва заметные щелочки. Акбара покорило от фамильярности, с которой этот бездельник и плут позволял себе от имени председателя разговаривать со всеми.

— Хочу дать тебе совет, друг Яхъя, — едва улыбувшись, посмотрел на него Акбар. — Раз уж ты взялся за это дело — быть рассыльным, так и одежду тебе надо подобрать соответствующую.

— Какую же? — заинтересовавшись, переспросил Яхъя, продолжая улыбаться.

Акбар интригуяще помолчал, потом таинственно сообщил:

— Писано в древних книгах, будто рассыльные Махмуда Газнави одевались в два цвета. Ехали с доброй вестью — одевались во все белое. Если повелитель гневался, вызывая кого-нибудь к себе, халат на рассыльном был красный. Чтоб несчастные заранее знали...

Лошадь заходила ходуном под Яхъей — так сотрясал его смех, и, отпусти он на миг поводья, наверняка понесла б его.

— Ух ты, ну и отмочил! Услышит твой друг Бурхан, несдобровать тебе, это уж точно!.. Как Ахмадали, — внезапно перестав улыбаться, заключил он.

— И не говори, хорошо, что я подданный эмтээс! Иначе завтра же увидел бы тебя в красных одеждах! — Акбар смеялся от души и видел: от слов его Яхъю перевернуло.

— В таком случае, ты меня не видел, сам иди к нему! Друг твой, раис, наверное, уже соскучился по тебе, — бросил он многозначительно на прощанье, явно зная что-то, на что-то намекая, и поскакал прочь.

Акбар, конечно, не мог взять в толк, отчего бы должен соскучиться по нему Бурхан. Отпустив поводья, он медленно ехал под тополями, листья их уже тронула ранняя в этом году осень. Да, поистине неисповедимы поступки председателя! Вот взял на такую пустяшную должность рассыльного мужика, полного сил, — в такое время, и людей не постеснялся. Наверное, мысль эта, неоднократно приходившая на ум, беспокоила, потому что и у него самого уже не раз появлялось желание бросить все и уйти на фронт. Это желание становилось порою невыносимым, особенно когда ему попадались на глаза такие бездельники-здоровяки вроде Яхьи. В миллион раз легче было бы заниматься настоящим мужским делом, сражаться с врагом, чем вот так, видя несправедливость, не иметь никакой возможности что-либо изменить или поправить.

Спешившись перед воротами правления, Акбар привязал лошадь к тополи и тотчас увидел, как оттуда вышли две женщины в паранджах. Одна, высокая, хрипловатым голосом, доверительно нагнувшись к другой, которая прихрамывала, безудержно хвалила раиса.

— Пусть жизнь его будет полной чашей! Хорошо, что живут на земле такие люди, как наш председатель! Ох как справедливо наказал он проклятого рябого! Вы обязательно послушайте его совета, он ведь наш общий отец, дурного не пожелает: выдайте вашу дочку тихо-мирно за этого парня! Увидите, аллах пожелает, будет она с ним счастлива!

Вот тебе раз! Да ведь это же Рабия! Его высочество раис наказал Ахмадали, а ей оказал милость, видно, решил показать себя перед народом с лучшей стороны. Так, значит!.. Покровительствовал бедняжке, а парня того, будущего мужа, решил обвести вокруг пальца. Да неужели парень такой дурак, что не может понять, что к чему? А этот, отец народа... И все оттого, что некому одернуть!

Поглощенный этими мыслями, Акбар вошел в правление. Навстречу из двери, что выходила в сад, шел Бурхан, покашливая в ладонь, то и дело подкручивая кончики усов. Видно, настроение у раиса сегодня было неплохое.

— А, подданный энтээс явился! — приветствовал он, протягивая руку.

Акбар хотел было спросить, действительно ли, мол, он соскучился по нему, как передавали, но сказал как можно мягче:

— Раз уж специально рассылного послал, разве я мог ослушаться...

Насмешливый тон Акбара не понравился раису, он обиженно взглянул на пришедшего и, не пригласив следовать за ним, быстро пошел к своему кабинету, отчего полы его белого кителя разлетались, словно под порывом ветра. Оставив дверь открытой, направился в глубь комнаты, к столу.

Акбар заметил, что слова его задели раиса, и, улыбнувшись, двинулся следом. Не доводилось Акбару после капитального ремонта правления бывать в кабинете председателя. Каких-то полгода назад не было еще этой богатой лепнины ганча, украшавшей потолок и стены. Взглянув на резную полированную мебель, Акбар удивился еще больше: в полировке стола, словно в зеркале, отражалась не только замысловатая лепка потолка, но и лицо севшего за свой любимый стол раиса. Каждая стоявшая здесь вещь поражала неповторимостью, мастерством; перед изготовившими эти вещи умельцами здешние кустари и гроша медного не стоили. Вместо ножек у большого письменного стола — полированные шары, а венчали их головы львов; на подлокотниках кресла тоже львы; восседал на нем Бурхан-тукис, словно на троне, мало походило оно на рабочее место председателя колхоза. Конечно, все это не могло не поразить человека, впервые попавшего в кабинет Бурхана.

Взгляд Акбара изучающе скользнул по этому великолепию, и вдруг на краю стола увидел он выгравированную латинскую букву «N».

Ему припомнились слухи, ходившие до войны по кишлаку: будто в незапамятные времена мебель принадлежала самому императору Наполеону, начавшему войну с Россией и позорно бежавшему после поражения. Еще говорили, будто куплена она в Ленинграде у какого-то военного и что на всех предметах гарнитура можно отыскать инкрустированную метку вроде той, которую Акбар увидел на столе.

Бурхан неподвижно восседал в кресле, надеясь, наверное, своим видом вызвать у Акбара покорность. Ведь и в самом деле такое великолепие могло встретиться разве что во дворце фараона. Поза раиса была под стать этой роскоши. Но нет, не испытывал друг юности же-

ланного Бурхану страха и трепета, только подумал: ведь не так уж много времени прошло с тех пор, как они втроем голодали-холодали, ни о чем таком даже и не помышляя. И вот какой нынче размах у раиса!..

«Я тебе покажу рассыльных султана Махмуда Газнави!— зло думал тем временем Бурхан.— Значит, красная одежда — плохая весть?! Приглашаешь гордеца посоветоваться, а он все укусить побольнее норовит. Разве я, раис, виноват, что некоторые так и остались тем, чем были прежде? Завидует мне Акбар, потому и цепляется постоянно. Эх, кабы не в эмтээсе ты был, Акбар-палван, а в моих руках!..»

Раис, не скрывая раздражения, разглядывал могучую фигуру Акбара, его загорелое лицо, широкий лоб, не тронутый морщинами. Ну что ж, вроде для начала пауза выдержана, можно и к разговору приступать, пригласил великодушно, смилив гордыню:

— Проходи, палван, садись, гостем будешь.

Акбар критически оглядел сначала свои замасленные брюки, потом бросил взгляд на роскошные сиденья стульев, предложил:

— Может, для нас, простых смертных, чего бы попроще здесь поставить?.. А, раис?

«Ну вот, снова издевается,— возмутился про себя Бурхан.— А ведь не знает, что позвал для его же пользы, посоветоваться, как поступить с родственничком... Вот, проявил человечность, называется! Ну да ладно! Пусть на себя пеняет, с меня хватит. Пока сам не поумнеет, не отступлю от своего решения!» И снова пригласил гостя как ни в чем не бывало:

— Ничего, ничего, садись! Ну что мебель? Она для человека!

Акбар придвинул стул, сел к столу, посмотрел раису в глаза.

— Не знаю, зачем позвал меня на сей раз, но послушай меня. Откровенно сказать, обиделся я на тебя, ведь ты, слова мне не сказав, выселяешь Ахмадали. Как прикажешь понимать такое?

Бурхан ликовал про себя: «Выходит, и я тебе понадобился, гордец, ведь просить пришел, чего уж там!..»

Словно прочитав мысли раиса, Акбар упрямо покачал головой:

— Не думай, не собираюсь его оправдывать! Знаю все и вину Ахмадали умалять не стану! Ты мне только

скажи, по чьей подсказке принял такое решение, в чем семья-то его виновата? Дети?

Не ожидавший такого поворота разговора, Бурхан растерялся, заерзал в кресле. Чего он от него, Бурхана, хочет, непонятно. Думал, хвост ему немножко прикрутить, а он, оказывается, и не собирается ни о чем просить. Выдавив улыбку, Бурхан пожал плечами:

— Интересный ты человек! Почему такое мнение сложилось обо мне? Много я в жизни делал по чужой указке-то?

— А вот так получается, все мои родственники считают, что выселение семьи — дело моих рук! Понимаешь? — глаза Акбара сверкнули недобрый огнем.

— При чем ты-то тут? Опозорил, подлец, бедную девушку, пусть за это отвечает. Тебя я не втягивал в это дело. — Бурхан в волнении то вставал с кресла, то садился снова, всем своим видом показывая непреклонную решимость.

Вспомнив умоляющие теткин глаза, Акбар укоризненно взглянул на председателя:

— Если бы ты вовремя прислушался и не превозносил Ахмадали до небес, уверен, не случилось бы этого...

— Выходит, я и виноват во всем? Так считаешь? — Глаза Бурхана метали громы и молнии.

— Я этого еще не сказал. Но разве ты не знал его подлого характера? Прекрасно знал! Только никогда не тронул бы ты негодяя, кабы не этот случай, уверен!

Бурхан поджал губы, вышел из-за стола, посмотрел в окно.

— А раз так, значит, правильно решил прогнать его из кишлака!

Акбар поднялся, уперся кулаками в стол, злость кипела в нем.

— Другого ты, конечно, не мог придумать? Существуют ведь и какие-то иные меры...

— Подобных отпетых негодяев надо гнать вон, чтоб другим было неповадно. Так что лучше не впутывай в это дело детей и меня не обвиняй, — примирительно сказал Бурхан, снова усаживаясь в кресло и ласково поглаживая, чтоб успокоиться, головы львов на подлокотниках.

— Я тебя не виню и за Ахмадали не заступаюсь, но зачем, скажи, самовольничать? Передай дело в суд, и конец! Чтоб было все законно. Семью выселять — это

уж слишком ты хватил. И бесчеловечно! — не отступался Акбар.

— Да, да, представь себе, не придумал другого наказания! Пусть пеняет на себя! — вскочил Бурхан. — Если не согласен, иди куда хочешь и кому хочешь жалуйся.

— Я не из тех, кто жалуется, — голос Акбара перешел на шепот. — Но запомни одно: проявляя жестокость к детям из-за их отца, ты поступаешь подло. Побойся слез этих детей!.. Тебе придется когда-нибудь ответить и за них. Каждый пожнет то, что посеет...

Подошедший к окну Бурхан обернулся, бросил на Акбара быстрый взгляд, вернулся к столу.

— В таком случае и ты выслушай меня. Я никогда не пригласил бы тебя... если бы... если бы твой сын не попал в дрянное дельце! Мой тебе совет: займись-ка лучше своим, чем заботиться о каких-то там детях своих родственников. Я все сказал ясно? — В голосе Бурхана была обида, он молча отошел от Акбара, судорожно ухватившегося теперь за спинку стула.

— Повтори, повтори...

— Да, да, именно т в о й сын! Собрал, видишь ли, каких-то сопляков, руководит их темными делишками, а родной папаша ничегошеньки не знает!

— Какими такими делишками? Объясни толком!

— Ты бы на моем месте тоже кипятился, если б узнал, что кто-то хочет опозорить твое доброе имя.

Только теперь Акбару пришли на память недавние жалобы жены на ночные отлучки сына в последнее время, и он спокойно переспросил:

— Так что же натворили озорники, можешь ты толком сказать, наконец?

— Они отняли арбу у наших кишлачных, которые ехали на базар с луком, а лук поделили между семьями фронтовиков. Но это бы еще полбеды! А что ты скажешь, если узнаешь, что пацаны в придачу и лошадь судьи Тулабаева украли? Как бы ты себя чувствовал на моем месте, скажи-ка, а? Дело-то подсудное...

Акбар, ничего не понимая, в недоумении пожал плечами.

— У тебя, Бурхан, уверен, неправильная информация. Ты что, не знаешь ничего? Лошадь поймал на бахче твой бригадир, Ахмадали, и свел ее по-тихому в свою конюшню. Да он тебе сам все это подтвердит, если спросишь!

— Да нет же! Это ребята все подстроили! Пустили лошадь на бахчу вблизи бригады Ахмадали, зная, как тот падок на такие дела, и эту, конечно, не пропустит. Видишь, задумали опозорить меня перед судьей на весь район! И после этого я, по-твоему, должен молчать? Есть, в конце концов, и у меня и достоинство, и самолюбие!— Бурхан зашелся от возбуждения в кашле.— Там родственник... здесь сын родной!.. Да будет ли мне от вас покой?

Последние слова раиса больно задели Акбара, он, обойдя стол, подошел к Бурхану вплотную, поглядел в упор.

— Не будет! Не будет тебе покоя! Понял? Не имеешь права поступать несправедливо! Дети не должны страдать из-за отцов! А насчет моего сына... ты сначала докажи, а потом предъявляй обвинение. Ишь... раскричался, будто бай в прежние времена! Да кто ты такой, чтобы голос на людей поднимать? Коли народ председателем избрал, это не дает тебе никакого права...

— Ах вот ты как заговорил!— побагровел Бурхан.— Выходит, только ты и прав? Да я... да ты...

— Подумай сам! Подумай хорошенько: в кого ты превратился? Куда катишься? Если хорошенько задумаешься, поймешь. А пока прощай, раис!

Громко стуча сапогами, Акбар шел по натертому до блеска полу бурхановского кабинета, и последнее, что он услышал, было брошенное в спину:

— Ну погоди у меня, палван!.. Погоди.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА, *или Продолжение истории*

Ах, память, память, как ты жестока, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна! Восходит и заходит солнце. День сменяется днем. А он все лежит и лежит, прикованный к старой железной кровати. Без посторонней помощи — ни приподняться, ни повернуться. Лежит и часами глядит в потолок. Единственная отрада — его собственный величавый портрет. Спускается с портрета тот Бурхан в долгие бессонные ночи, и продолжается вечный спор с тем, кто лежит, разбитый параличом, прикованный к постели.

Вот уже одиннадцать лет изо дня в день, из ночи в ночь продолжают эти муки, эти страдания...

Бурхан с портрета. Да, да, наша дуэль была вечной и беспощадной. Но бог свидетель, сколько раз я пытался помириться с ним, чтоб восстановить нашу дружбу. А он...

Внутренний голос Бурхана. Честно говоря, и твои помыслы не были чистыми. Разве не так?

Бурхан с портрета. Почему? О какой корысти может идти речь? Я его пригласил к себе работать председателем совета урожайности. Да, я хотел работать с ним вместе, как прежде, как в былые времена.

Внутренний голос Бурхана. А на уме у тебя было другое: думал, вот, мол, Акбар все-таки прельстится чином и ты добьешься своей цели? Ты ведь не мог не знать, если его выберут председателем совета урожайности, вряд ли на следующих выборах он останется депутатом. Непререкаемый авторитет, которым он пользовался у народа, лишил тебя сна и покоя, вот ты и обхаживал его как мог.

Бурхан с портрета. Неправда! Если бы я так ненавидел Акбара, завидовал, разве пошел бы к нему домой, когда он вернулся в тридцать восьмом из Москвы с орденом?

Внутренний голос Бурхана. Да, да, ты сам тогда пошел, однако... Однако и не пойти тебе тоже было неудобно. Ведь так?

Подумать только — не в Самарканде, не в Ташкенте, а в самой Москве быть участником всесоюзного курултая колхозников, получить орден из рук самого Калинина! Да еще вдобавок портреты кандидата в депутаты Верховного Совета, развешанные повсюду — в школах, на площадях, притом фамилия написана крупными буквами, под ней — подробная биография! Не каждому в жизни такое счастье, есть чему позавидовать.

Как только узнал, что Акбар вернулся из Москвы, Бурхан сразу же направился к нему домой. В тесном маленьком дворике, казалось, идет свадьба. Беспрепятственно появлялись новые соседи, приезжали ближние и дальние родственники. Уже зарезали барана, приготовили казаны для плова. У ворот шумно спорила детвора, кому достанется бараний пузырь. Суетились женщины, подметали двор, разводили самовары. А вот и трактористы, не успев снять рабочих комбинезонов,

явились к застолью прямо с работы. Тут и директор МТС Зорин.

Доехав до ворот дома Акбара, Бурхан слез с коня, привязал его к орешине на берегу Анхора и внезапно чуть было не изменил свое решение: а что, если теперь, сейчас повернуть обратно? Ни с того ни с сего обуяло душу какое-то темное чувство, захлестнуло горькое сознание, что не он получил орден, несмотря на то, что и заслуг у него вроде было не меньше, чем у Акбара. Или тракторист более почетная профессия? Он-то, Бурхан, радовался, когда Акбар вышел из состава активистов, льстил себя надеждой, что отныне в районе не найдется человека знатнее его. А теперь что подумают люди, увидев, как он, словно мальчишка, прибежал, едва заслыша, что Акбар орден получил...

Но менять решение было поздно, его заметили.

— Проходите, проходите, раис, — будто заправский мясник, Ахмадали освеживал баранью тушу, повязавшись передником, — очень хорошо, что прибыли! — Обтерев руки, он крикнул: — Эй, Акбарали! Принимай гостя, твой старый друг пришел!

В новой гимнастерке, чувстской тубетейке, с сияющим на груди орденом Акбар вышел из дома, где сидел с трактористами, и, увидев Бурхана, неожиданно смешился, но тут же радостно воскликнул:

— Э-э, агач¹-палван! Жив-здоров, проходи! — и раскрыл мощные объятия.

Поздоровались, как в старые добрые времена, когда служили еще в Красной Армии: рьяно схватились за пояса друг друга, с радостными криками, отрывая поочередно друг друга от земли, кружили в воздухе. Объятия были сердечными, искренними, и Бурхан не только тотчас свои недавние сомнения позабыл, но и давнишние жестокие споры. Смешно сказать, но стоило Акбару промолвить одно лишь словечко — агач-палван — и Бурхан раскрыл свои объятия! Промелькнуло греющее душу воспоминание: как они, молодые, в свободную минуту вот так же шутливо схватывались, бывало, но друг другу не уступали даже тогда.

— Поздравляю с орденом, друг! Это отлично, это здорово! — Бурхан похлопывал Акбара по плечу, и тот не остался в долгу — похлопывал еще сильнее:

— Спасибо, спасибо, дорогой!

¹ А г а ч — жесткий, суровый, непреклонный.

И, оживляя в памяти события минувших дней, они в тот вечер смеялись от души, с легким сердцем, порою же грустили, вспоминая, как воевали, как за мужество и находчивость в бою при Талкудуке командующий войсками Ферганского кавалерийского полка товарищ Соколовский наградил Акбара серебряными часами и как потом в казарме ребята из Хорезма так же сердечно поздравляли его.

Не скрывая радости, Акбар повел друга в дом и, чтобы не застеснялись товарищи-трактористы, прошел с ним в соседнюю комнату, где Ахмадали, снятый тогда за разгильдяйство с поста раиса одного из ближайших колхозов, из кожи лез вон, прислуживая друзьям: тащил на стол все, что нашлось в доме, — фисташки, казы, орехи, гранаты, домашний муссалас. Пока пили чай, на столе появилась жареная баранья грудинка, шашлык из печени. Налили на радостях по рюмке, пожелав самого доброго. Посидели некоторое время, чувствуя прежнее тяготение друг к другу, нежелание расставаться, как в былые времена. Бурхан не припомнил, когда в последний раз так отдыхал душой.

Вскоре Акбар ушел встречать аксакалов махалли. Бурхан лениво дожевал кусочек казы, запил чаем. На душе снова заскребли кошки, как совсем недавно на берегу анхора. Он уже и места себе не находил, видя, как те, кто еще вчера кланялся его тени, сегодня в упор его не видят, расточая похвалы одному Акбару. Бурхан старался взять себя в руки, не растревать в себе этого чувства зависти, объяснял все особенностью дня — нынче день Акбара. Не каждый ведь год выдают правительственные награды. Все пройдет, еще каких-нибудь три-четыре дня, и люди забудут это торжество, как забывают все; орден-то ведь — не должность...

Но не стало спокойнее на душе Бурхана, внутри бушевало, и, не зная, как погасить это пламя, он решил прибегнуть к единственному, как ему показалось, спасительному средству. Плеснул себе в пиалу водки, залпом, обжигаясь, выпил до дна, и, едва поставил пиалу, как влетел Ахмадали.

— Не скучаете тут без нас, отец народа? — спросил он, услужливо закружился вокруг раиса.

То ли от водки, то ли от угодливых речей Ахмадали, но у Бурхана от сердца отлегло. Без сладкоречивой болтовни этого пройдохи, честно признаться, он скучал, теперь сразу и настроение поднялось. Да какой все же

этим людям прок от Акбара? Они лишь сегодня крутятся возле него, в действительности все поклоняются одной лишь власти.

Снова, как из рога изобилия, стараниями Ахмадали появились на чистых тарелках жареное мясо, шашлык, плов. Но раис будто мимо глядел, делая вид, что не замечает Ахмадали, заискивающего перед ним.

Постепенно гости начали расходиться. Ушел Зорин с трактористами. Отбыли аксакалы. Проводив гостей, вернулся Акбар. Досталось бедняге в тот день, как никогда, и раис, видя довольное лицо друга, усадил рядом, обнял за плечи: слегка покачиваясь, опустил перед ним на корточки.

— Тттты ммммне друг?— спросил, надув губы, словно капризное дитя.

Акбар, у которого с непривычки к водке зарумянилось лицо и уши, смущенно улыбнулся.

— А как же!— ответил, чтобы успокоить раиса, однако тот будто не слышал его слов, голова его слегка кружилась, перед глазами плыл туман.

— Есссли ты мне дддруг, ххоть ррраз послушайся меня! Не отказывайся... Хоччешь, назначчу тебя... председателем совета... этой... урожайности? А пожелаешь, так могу... сек-ретарем парт-кома! Ну... одддно твоё слово!

Акбар улыбнулся, но вместо ожидаемой радости Бурхан увидел на его лице настороженность.

— Орденом меня наградили, друг, понимаешь? Надо это теперь оправдать делом, работой.

Бурхан махнул рукой:

— Необязательно! Ты ттеперь не маленький человек, чтоб с машинами возиться... в масле да мазуте. Соглашайся, хорошая должность!

Помолчав из деликатности, чтоб не обидеть, Акбар смущенно ответил:

— Спасибо за заботу, но ты ведь меня знаешь, не люблю я чинов, да и работа мне не по душе. Мы с Зориным, как говорится, спелись в эмтээс. Хороший он человек, справедливый!

Обидевшись, Бурхан снова повернулся к дастархану, взяв пиалу, протянул Ахмадали.

— НалеЙ!.. А вот он любит чины... и даже очень!— Бурхан кивнул на Ахмадали.— Знаешь, я его тут только что... бригадиром назначил. Одддобрешь? С предддседддательством не... очень-то у него вышло...

Так давай, бригадир, налей до краев нам обоим!— И, улыбнувшись чему-то своему, явно на что-то намечая, пробормотал:— Да исполнится мечта каждого из нас!

Поздно вечером, возвращаясь домой, Бурхан мысленно обращался к прошедшему дню, и в отрезвевшей голове крутилась единственная мысль: не сказал ли чего лишнего, не смеялись бы потом над ним в кишлаке. Вспомнился и ответ Акбара, не понимающего добра. «Ну и верблюду! Гляди-ка!— шептал он в тишине ночи, ни к кому не обращаясь.— Я-то разбежался: дать ему должность! А он отказывается! Гордый! С Зориным сработался... ишь... Посмотрим, посмотрим, далеко ли на своем тракторе уедешь, какой святой выискался!..»

Внутренний голос Бурхана. Ах, если б ты только на этом и остановился!.. Чтобы добиться большего, чем у Акбара, авторитета, вспомни, ты работал как вол столько лет, спускал с людей по три шкуры. Чего ты только ни делал, на что только ни шел, лишь бы урожай в твоём колхозе был больше, чем у других. Иначе, твердил ты всем и каждому, за имя свое краснеть станешь. Чего ты только не делал ради будущего ордена!..

Бурхан с портрета. А ведь все-таки доказал всем, на что способен!

Внутренний голос Бурхана. Да, да, надо отдать должное, поработал тогда на совесть! Не ради почета, славы все это было. Разве не так?

Бурхан с портрета. Без жесткой руки, как известно, ничего не добьешься. Не был бы таким, как был, стали б меня в районе Бурхан-тукисом называть? Как же! Да если б не мой железный характер, и перед Акбаром бы с опущенной головой ходил.

Внутренний голос Бурхана. Не прикидывайся простачком! Ведь во всем Катта Кангли он, только он один осмеливался говорить тебе правду в лицо! Скажешь, не так?

Бурхан с портрета. Побаявался я его, это верно. Потому и старался, чтоб наши отношения были добрыми.

Внутренний голос Бурхана. У тебя не было иного выхода. Будь он твоим непосредственным подчиненным, навряд ли избавился бы от него, послал

куда подальше — на строительство канала или же... еще что-нибудь придумал, как делал не раз с другими. Разве не так?

Бурхан с портрета. К сожалению, он работал у директора Зорина. Его тронуть невозможно было. Трактористов всех тогда по пальцам можно было пересчитать...

Внутренний голос Бурхана. Однако при случае ты не прочь был воспользоваться и его авторитетом. Хитер ты был, ох хитер...

Бурхан с портрета. А, имеешь в виду тот день, когда собирали сбережения на танк в сорок втором? Да, да, мы с ним тогда чуть-чуть было не помирились.

Внутренний голос Бурхана. Все равно после этого несколько дней ты ходил сам не свой, когда увидел, каким авторитетом он пользуется. Помнишь, на митинге, стоило ему сказать одно-единственное слово, и колхозники потом три дня носили свои сбережения?..

Бурхан с портрета. Разве люди несли потому, что сказал именно он? Ошибаешься, просто тогда народ был другой. За родину, за отечество готов был отдать все, даже жизнь. Последнюю коровенку продавали, чтоб на заем подписаться. Тогда собирали средства на один танк, а люди принесли столько, что с лихвой хватило бы на два.

Внутренний голос Бурхана. На митинге Акбар произнес не просто речь. Кто жив, до сих пор помнит те слова... «Если вы хотите, — говорил он, — чтобы ваши серьги, кольца, браслеты превратились в танк «Красный Восток», который громил бы врага, и это ваше желание чистосердечное, подходите, сестры, матери, невесты! Пусть родина скажет: молодчины, дочери мои! А те, кто там, на поле брани, низко поклонятся вам с великой благодарностью. Пусть ваш вклад ускорит нашу победу...»

Бурхан с портрета. Да, он, как всегда, говорил от всего сердца. Без бумажки, с жаром, с горящими глазами, и люди слушали его, боясь слово пропустить.

Внутренний голос Бурхана. По правде признайся, ведь испугался, как бы он, пользуясь таким уважением, авторитетом, не сел в твое председательское кресло?

Бурхан с портрета. Если бы он решил это сделать, наверное, и сел бы. Но ведь Акбар никогда не

стремился к власти, не любил. Он тогда даже часы свои не взял обратно, помнишь?..

В тот день повалил вдруг снегопад, да такой, что люди не припомнят непогоды более злой. Откуда, из каких туч валит столько, думал Бурхан, задумчиво глядя в окно кишлачного Совета. Только вроде минуточку назад вышел отсюда человек, а уж и следа не видно, замело. Кабы не снегопад, может, весь кишлак пришел на митинг. Однако и так собралось немало. Золото у нас, а не люди, чистое золото! Некоторые, он-то хорошо знал, несли последнее, не жалели ни камней дорогих, ни украшений, а ведь то память была о матерях, бабушках и прабабушках. В ватных камзолах, дрожащими от холода худыми руками развязывали женщины какие-то ветхие узелочки да платочки, вынимали из них кольца, сережки, свадебные украшения. Приходили и старики, отдавали последние гроши. Такой народ никогда не победить никакому врагу, пусть и не мечтает!..

Мысли Бурхана неожиданно прервал появившийся в дверях совета Мумин-учитель, секретарь кишлачной партийной организации, попросил разрешения войти. Нельзя сказать, чтобы самолюбивому раису не нравилось такое деликатное поведение секретаря: ни разу не ворвался к нему Мумин без спросу, а ведь мог бы, пользуясь своим положением, натворить таких дел, что только держись, но секретарь никогда ничего не решал без ведома председателя.

— Заходи, заходи, комиссар! — не скрыл улыбки при его появлении Бурхан.

Мумин подошел к столу, нерешительно протянул раису ладонь, на которой что-то блестело.

— Вот... Бурхан-ака, и не знаю, как быть. — Мизинцем другой руки он аккуратно подцепил тоненькую цепочку, поднес к глазам вещицу, лежащую на ладони, чтоб лучше рассмотреть.

Сверкнула крышка карманных серебряных часов: видно, редкая, уникальная вещь, такую, наверное, иметь приятно... Вынешь так из кармана... поглядишь... Но тут же мысленно одернул себя, внимательно посмотрел в глаза секретаря: неужто испытывает? Однако выражение лица учителя Мумина было столь просто-душно, что Бурхан тут же отмел всяческие предположения о коварности парторга и коротко ответил:

— Что имеешь в виду?

Секретарь в явном замешательстве ответил:

— Знаете... раис, эти часы через мальчишку передала какая-то незнакомая женщина, когда мы уже список собранного закрыли, и тут же ушла. Вроде ее никто не знает. Вносить часы в список пожертвований? Ведь фамилии этой женщины мы так и не узнали...

Бурхан протянул руку к часам, выдавив из себя:

— Ну-ка дай сюда...

Нажав на крохотную кнопку сбоку, вздрогнул от неожиданности, когда бесшумно поднялась крышка серебряных часов и он прочел выгравированную на внутренней стороне крышки надпись.

— Беги, беги за этой женщиной как можно скорее! — Бурхан разволновался. — Хоть из-под земли, но найди мне ее!

Озадаченный Мумин-учитель в недоумении пожал плечами.

— Как найти-то, ведь я ее даже в лицо не знаю!..

Бурхан молча подошел к двери, но остановился, обернулся на пороге:

— Где сейчас Акбар-палван? У бухгалтера, говоришь? Зови тогда его поскорей сюда!

Ничего не понимая, Мумин пошел выполнять приказ раиса. Бурхан же все ходил взад и вперед по тесной приемной кишлачного Совета и, не веря глазам своим, поглядывал на знакомую надпись, время от времени вздыхал: ну и чудеса! Кто бы мог подумать! Чтобы через двадцать лет отыскалась такая вещь и снова попала к своему хозяину! Невероятно!

— Звал, раис? — на пороге появился Акбар.

Бурхан таинственно улыбнулся.

— Готовь суюнчи, дружище!

— Коли дело того стоит, я рад! — ответил тот в недоумении.

— Еще как стоит! — прихвастнул раис, осторожно приподнимая со стола за цепочку часы. — Смотри, дружище, узнаешь?

Акбар глянул мельком, равнодушно пожал плечами, и все же что-то привлекало, манило его к той вещице, которую держал перед ним Бурхан. Наконец, не поверив своим глазам, едва слышно прошептал:

— Нине-ет! Не может быть!

— Да посмотри, посмотри получше! — Бурхан протянул часы, но Акбар, все еще недоверчиво качая головой, как заведенный твердил:

— Нет, нет, такого не бывает!

— Еще и не верит! Да взгляни, взгляни хорошенько на эту надпись.

Акбар осторожно взял в руки часы, щелкнул крышкой, поднес близко к глазам выгравированную надпись. Лицо его от смущения покраснело, и он еле вымолвил:

— Откуда они у тебя?

Бурхан таинственно улыбнулся:

— Говорят, принесла после митинга какая-то женщина.

— Женщина? — переспросил Акбар, голова его закружилась.

— А почему ты не можешь допустить: вдруг твоя Мунис живет где-то здесь, рядом с нами? А?

Хмуρο взглянув на Бурхана, Акбар подошел к столу, осторожно положил часы и, постояв в молчании, нерешительно пошел к двери.

— Вот тебе на! Я-то думал обрадовать человека! Чудак ты все-таки! Это же доказательство того, что она жива! И живет, наверное, где-нибудь здесь, поблизости! Бери же, они твои!

— Кто бы их ни принес, — Акбар обернулся, — принесли их не мне. Для фронта. Ведь так?

Бурхан покраснел до корней волос.

— Ну коли не хочешь брать задаром, внеси их стоимость. Запишем! Ведь это подарок, не мне тебе объяснять! Чего ж тут стесняться, что за излишняя щепетильность?

— Раз принесли и сдали для фронта... для победы, какой может быть разговор? Да и кто может оценить, сколько такие часы могут стоить?

Удивлению раиса не было границ. Вот так всегда: хочешь человеку добро сделать, так он артачится, не соглашается. Что за люди!..

Внутренний голос Бурхана. Но именно тогда ты еще раз поверил в его поистине кристальную, как говорится, честность. И как ты бесился потом! Ведь так?

Бурхан с портрета. Э, да что там говорить! Тогда я окончательно понял, что наши дороги разошлись и никогда нам снова не быть близкими. Никогда.

- Поздравляю вас с халатом, Бурханбай!
- Пусть всегда вам сопутствует удача!
- Соединили бедных сирот, доброе дело сделали... век не забудут вас!
- Добро пожаловать, сваты!..

Эти слова сладкой песней еще звучали в ушах раиса, когда он возвращался с помолвки, — слова, которые ему расточали аксакалы, воздавая должное в таких случаях почести. А какая поднялась суета: как же, сам Бурханбай согласился быть сватом жениха! Мать невесты, Рабия, от радости, наверное, почувствовала себя на седьмом небе. Да, да... надо время от времени участвовать в таких вот кишлачных торжествах. Что он теряет? Да ровным счетом ничего. И сразу двух зайцев убивает: с одной стороны, женит сына покойного Красного Кадыра. С другой... спасает честь бедной сиротки, дочки этой самой Рабии. А чем, собственно, нехорошо? Вот уж, наверное, дух Кадыра возрадуется — и его, Бурхана, грехи, глядишь, перед людьми загладятся... частично, конечно, частично... Не последнее ведь дело — мнение односельчан. Уж ради этого одного стоит постараться. Кстати, дело нечестивца Ахмадали передали все-таки в суд, он, Бурхан, настоял, и это по достоинству оценил народ. А теперь вот устроил судьбу сиротки... Вообще-то, конечно, следовало бы, назло Акбару, все-таки выслать бригадира из кишлака. Ну да черт с ним... Последствия, последствия! О них нельзя не думать. Акбар прав: репутация раиса в таком случае могла оказаться под угрозой.

Слезая с лошади у дверей правления, председатель крикнул:

— Эй, кто тут есть?

В дверях возникло лицо вездесущего Яхьи. Ох уж этот шайтан! Другого слова и не подберешь! Неужто так быстро обернулся — в район и обратно успел?

— Я здесь, раис-бобо, — прижав руки к груди, слышно приблизился к начальнику рассыльный.

— Завари-ка чай, дорогой, да покрепче!

— Сию минуту, раис-бобо, самовар давно кипит!

Недоверчиво поглядел ему вслед Бурхан. Может, зря поручил этому дьяволу такое деликатное дело? Вдруг ненароком проговорится где-нибудь? Скажет, дескать, раис в военкомате имеет своего человека, просит у во-

енкома отсрочку для сына Красного Кадыра. Нет, хватит, последний раз доверил ему такое!..

И за любимым письменным столом, где привык засиживаться иногда до полуночи, не оставляли его мрачные мысли. Накричит, случится, на Яхью, а потом боится: предчувствия начинают мучить. Ведь дьявол, сущий дьявол!.. Может однажды и в пропасть столкнуть. Теперь вот опять поползли слухи, будто снова ввязался в какую-то темную историю, с какими-то людьми подозрительными якшается. Может, услать его подальше, пока не поздно, рассчитаться, и делу конец? Однако кто ж его такого заменит? Ведь по пронырливости да пройдошности нет равных ему на всем белом свете!.. Ладно, там видно будет... Пусть пока живет...

Бесшумно растворилась дверь, и так же бесшумно на пороге возник рассыльный с перекинутым через плечо полотенцем, словно истинный чайханщик — в руках поднос, на нем чайник, пиалушки, кишмиш, леденцы.

— Ну, какие новости? — принимая из рук Яхьи пиалушку с чаем, спросил Бурхан.

Как обычно, рассыльный почтительно отступил на шаг, в знак преданности хозяину приложил руки к груди.

— Передал ваш подарок, раис-бобо, и ваши слова. — Приглушив голос, совсем тихо добавил: — Он сказал, что сделает все как подобает.

— Хорошо! — Бурхан махнул рукой: давай, мол, короче, закругляйся. — Что еще?

— Был человек из райкома партии. К восьми вечера вас с Мумином-учителем вызывают на бюро. И еще. Вас искал Хаджибеков-ака, просил прибыть к нему пораньше, чтобы вместе ехать в райком. — Яхья снова почтительно склонил голову.

Не скрывая раздражения, Бурхан поднял глаза к потолку. Разве просто так председатель райисполкома просил бы пожаловать прямо домой? Знает, каналья, что не придет с пустыми руками Бурхан. Что ж ему презентовать на сей раз? Может, мешок картошки? А может, морковки или лука? Вот жизнь устроена, лаешь на всех, лаешь, словно собака, заставляешь сажать, сеять, собирать, а потом сам же и развози кому что — по мере надобности. Попробуй-ка тут не дать, не доставить: человек-то ведь нужный, председатель исполкома, не кто-нибудь! И хотя, конечно, в районе у Бурхана ав-

торитет не меньший, чем у Хаджибекова, все же нужный человек! Да!..

Моргая заплывшими глазками, выражение которых никогда нельзя было разобрать, Яхъя терпеливо ждал, когда раис наконец отпустит, но Бурхан словно забыл о нем, не спеша допивал чай.

— Та-аа-ак,— медленно тянул он вслух,— коли идти к председателю райисполкома, то и подношение соответственное надо готовить. Кому же мы это дело нынче поручим?

— А я на что, раис-бобо? Разрешите. Разрешите взять овощи, как всегда, прямо с заготпункта?

— Бери откуда хочешь! Делай что хочешь, только чтоб он, едва завидя мою тень, стелил бы курпачу! Он нам ох как еще пригодится! Авось не обеднеем. Иди да проверни все побыстрее!

Делая вид, будто всем сердцем доверяет Яхъе, поручая ему такое важное дело, Бурхан, крихтя, поднялся с места, проводил рассыльного до двери, а когда она закрылась за ним, беззвучно рассмеялся... Ты по ветке, хитрец, ходишь, а я по лепестку!.. Думаешь, ничего не знаю, а ведь и ты не протак! Скажешь, для председателя исполкома взял с заготпункта шесть мешков, а отвезешь ему три. Я же не буду проверять!.. Три утащишь. А думаешь, завскладом не скажет мне, когда придет следом за тобой? В прошлый раз ты, голубчик, легко отделался, когда задумал целую арбу лука колхозного на базар переправить. На рябого Ахмадали решил все свалить! Думаешь, один ты такой умный, вокруг пальца хочешь всех обвести? А знаешь ли, что у меня такое чутье, такой слух, что даже если змея под землей шелохнется, так я ее уже слышу?.. Ладно, ешь, пока рот свеж, как в пословице сказано, а коли вздумаешь что затеять против своего раиса, смотри у меня!.. Не затягиваю веревку до поры до времени!..

В раздумье идя к двери, раис внезапно остановился. Другая мысль подступила: зачем нынче-то брать с собой в райком Мумина-учителя? Без него вполне обойдется. Зачем в такое горячее время лишнего человека от работы в парткоме отрывать? Однако тут Бурхан кривил душой: несколько дней назад, объезжая поля, они по пустякам повздорили с секретарем, когда тот вздумал перечить ему. Вот теперь Бурхан и отыграется,— в следующий раз умнее будет учительшка!

Бросив в пиалу новвот¹, Бурхан стоя налил себе чаю и, отхлебывая большими глотками, продолжал раздраженно думать о Мумине. Пусть на себя пеняет. Бурхан думал — смиренный, грамотный, и вот надо же, приблизил его к себе, партийным секретарем сделал, но и года не прошло, как стал фортели выкидывать. То Бурхана уму-разуму вздумает учить, то начинает свою политику гнуть. Не знает, что ли: захочет Бурхан — в два счета нового секретаря подыщет, а ты как миленький книжки под мышку — и обратно, в школу! А пока... пока не возьму тебя в райком. Может, и поймешь, что к чему!..

Намеренно подъехав к воротам дома Хаджибекова чуть позже назначенного срока, Бурхан сразу увидел хозяина, который, едва заслышав топот копыт, вышел встречать раиса. Видит, видит Бурхан, места себе не находил председатель райисполкома из-за его опоздания, в голосе заискивающе-радушные нотки:

— Пора вам лошадь сменить, Бурхан-ака, так ведь и подвести конь может, — пошутил он.

— Именно так, товарищ Хаджибеков! — вынимая ногу из стремени, поддержал игривый тон раис. — Именно! Однако что поделаешь, если власти не хватает, чтоб завести другую!

Уловив намек, Хаджибеков рассмеялся.

— А ваша знаменитая двуколка?

— Э, какая это двуколка! И вы так называете мою старую-престарую колымагу, доставшуюся в наследство от бая?

— Но ведь другие, Бурхан-ака, и этого не имеют...

— Что мне до других! Неужели не имеем права щегольнуть иногда при таком начальстве, как вы, председатель?

— И то правда! — согласился Хаджибеков. — Вам невозможно отказать. Найдем, непременно найдем для вас новый выезд!.. Ну привязывайте пока саврасого. Времени у нас с вами немного, — поторопил он раиса, входя вместе с ним во двор. — От вас скрывать мне нечего, — тут же приступил к делу Хаджибеков, — сегодня на бюро будет рассматриваться вопрос об освоении новых земель. Мы должны в скором времени значительно увеличить площади зерновых. А вас я пригласил к себе, чтобы предложить первому выступить... как инициатору. Понимаете?

¹ Новвот — сахар особого приготовления.

— Как это? — Бурхан в недоумении осекся на полуслове. — У нас в колхозе совсем нет свободных посевных земель. Даже на маленьких клочках на берегу Иззы, и там посадили сахарную свеклу.

Хаджибеков осторожно взял Бурхана под руку.

— Я ведь не за себя беспокоюсь, раис-ака, поверьте, а вы тут же и отказываетесь. Если найдутся такие земли, первому вам тогда почет и уважение!

Они уселись на деревянную кровать в саду под черешней. Хаджибеков открыл дастархан, разлил по пиалам чай и одну протянул Бурхану.

— Я понимаю... Однако вы правы: если хорошенько подумать, можно что-нибудь и подыскать, — согласился раис.

Он мысленно уже перебирал в памяти то, что видел во время недавней поездки по колхозным угодьям, — земли на гористом Бозсу, вокруг Хирмантепа. Есть там участки, известные, правда, ему одному, но настолько они малы, от силы семь-восемь гектаров наберется. Да и те он не так давно разделил между особо нуждавшимися колхозниками, чтобы сахарную свеклу посадили. Как же теперь быть? Отобрать с таким трудом освоенные несчастные клочки этой земли?..

— Эй, принесите-ка нам поесть что-нибудь, опаздываем! — Хаджибеков хлопнул в ладоши, призывая домашних.

Бурхан поглядел на его озабоченное лицо, подумал: «Тоже мне, проявил участие! Были бы свободные земли, сам бы знал, как добиться почета и славы».

Выпив по маленькой для бодрости духа, закусили, поели плова, и, когда приехали в райком, собравшихся только-только пригласили в кабинет первого секретаря. Бурхан со многими здоровался за руку, кому-то издали кивал и сразу заметил, что все председатели колхозов нынче тут со своими партийными секретарями. Увидев Акбара, Бурхан расстроился вовсе. Акбар входил в кабинет чуть впереди него, вместе с директором МТС Зориным. Этот-то зачем пожаловал? Теперь без Акбара не обходится ни одно собрание или актив. Надо же! Как депутата его приглашали теперь на всякие заседания, в президиум избирали. А в итоге что получается? Сует всюду свой нос, требует, чтоб все было по закону. Спорить с ним бесполезно, о чем бы ни говорил, всегда оказывается прав.

Бурхан умышленно поотстал, чтоб не столкнуться в дверях с Акбаром, вошел в кабинет секретаря почти последним, устроился в сторонке. А когда незаметно огляделся, понял, что выбрал довольно скверное место. Как раз напротив, в простенке между окнами, он увидел Зорина с Акбаром. И ведь ни одного свободного места, куда бы можно было пересесть! Бурхан стал глядеть в потолок — так, по крайней мере, не встретишься ненароком взглядом, сам же подумал: не дай бог, если такой, как Акбар, станет секретарем парткома в колхозе, ведь он за какой-нибудь год любого человека сведет в могилу...

В кабинет вошел первый секретарь Мусамухамедов. Все встали с мест. Окинув взглядом длинный стол под зеленым сукном, он взял в руки список, спросил:

— Ну что ж, товарищи, начнем заседание бюро? Все приглашенные здесь?

Секретарь посмотрел на заворготделом. Это был старый, известный всему району партротработник. «Ах, надо было бы предупредить его, — запоздало подумал Бурхан, — предупредить, что Мумин-секретарь не смог прибыть!.. Ну да ладно, теперь поздно, может, и обойдется». И Бурхан отвел взгляд...

— Четверо отсутствуют по уважительной причине, больны; двое — по неизвестной, — тем временем докладывал заворготделом.

— По неизвестным, говорите? — переспросил первый. — Разве на бюро райкома можно не явиться без уважительных причин? И это называется партийная дисциплина! Мы пригласили секретарей партбюро и парткомов колхозов не на плов, на бюро! — Мусамухамедов перевел взгляд на тех, кто разместился не за столом. Только б в его, Бурхана, сторону, не посмотрел! Из-за отсутствия двух человек столько шума поднял, будто небо на землю обрушилось; нет, первый секретарь не должен быть таким мелочным.

— Товарищ Мусамухамедов, пока не прибыл секретарь парткома колхоза «Кизил Шарк».

Взгляды всех тотчас обратились к Бурхану, кровь ударила ему в лицо, и тут он услышал свою фамилию.

— Товарищ Артыков, у ваших коммунистов что, другой устав? Разве парторгу не обязательно присутствовать на собраниях, куда приглашен председатель колхоза? Если не ошибаюсь, это уже не первый случай?

Непривычно Бурхану выслушивать замечания в свой адрес, оттого краснеет он все больше. Что же это делается? Ведь Мусамухамедов — ровесник его младшего брата, только вчера в комсомольцах бегал, а сегодня пожалуйста, допрос ему устраивает, при всех поносит, что называется.

Стул под Бурханом жалобно скрипит. Усы, как он их ни пытается приглаживать, топорщатся. И он совсем уже открыл было рот, чтобы объяснить что-то первому, но слова застревают в горле. Решает промолчать. Молчание в данном случае выглядит солидно: будто все еще обдумывает сказанное первым. Однако секретарь расценивает это по-своему, дальнейшие его слова еще более резки:

— Если хотите знать, товарищ Артыков, в вашем колхозе Мумин Абдурасулов является полномочным представителем райкома партии. Мы доверяем ему. Считаемся с его мнением. В случае необходимости можем попросить у него и характеристику на вас...

Бурхан запоздало понимает, что совершил оплошность: не надо, конечно, было ему ссориться с парторгом. Глаза его устремлены вниз, чтобы ненароком не встретиться с недовольным взглядом Мусамухамедова. А тот все не унимается, продолжает читать нотацию, обращаясь теперь уже ко всем.

— Что, товарищи, можно ожидать от руководителя, который игнорирует мнение своего парторга? Все ясно. Такой человек завтра не будет признавать и авторитета райкома партии, а потом и обкома. Мы, товарищи, этого не допустим. Устав партии для всех один. И нет такого права ни у кого, чтобы его нарушать.

Да, выходит, Мумин-учитель пожаловался на него, иначе секретарь не выговаривал бы ему сегодня, не смешал бы с землей перед столькими людьми. Ну и Мумин Абдурасулов, ну и тихоня!..

— Вам понятно, товарищ Артыков? — прерывает его невеселые думы Мусамухамедов.

Опешив от неожиданного вопроса, к нему обращенного, Бурхан поспешно кивает. Секретарь теперь уже более спокойным голосом, миролюбивым тоном продолжает:

— Радоваться должен председатель колхоза, имея такого грамотного, трудолюбивого секретаря, как Мумин-учитель. Пожалуйста, товарищ Артыков, будьте к нему более внимательны.

И первый секретарь переходит наконец, к радости Бурхана, к главному вопросу повестки дня.

— Как вы знаете, товарищи, на фронтах Отечественной войны наступил сегодня переломный момент. Враг потерпел поражение под Москвой. Ускорить нашу победу, приблизить ее — эта задача теперь во многом будет зависеть и от нас — от тех, кто трудится в тылу. Потребность в хлебе сегодня велика, и мы с вами должны подумать, как увеличить наши посевные площади. Мы должны дать родине как можно больше зерна. Каждый лишний вагон с зерном станет поддержкой фронту, нашим вкладом в победу. Что мы с вами можем сделать, товарищи? Как увеличить посевные площади зерновых не в ущерб другим культурам, хлопку, овощным?..

Слушая первого секретаря, Бурхан никак не мог успокоиться, увязать воедино события: почему это Хаджибеков пригласил его прямо к себе домой, плов приготовил, зачем предупредил, о чем пойдет разговор на бюро, зачем просил, чтобы он, Бурхан, первым выступил в прениях со своей инициативой? Если обо всем есть предварительная договоренность, если он должен выступить первым, зачем тогда комедию ломать, зачем первый так его отругал при всех? Или понадобился инициатор и сразу о Бурхане вспомнили? Собирать деньги на заем, отправлять людей на строительство канала — все к нему, Бурхану! И теперь пожалуйста, должен еще изыскивать какие-то дополнительные площади. Как бы не так! Коли нужен вам Бурхан, будьте добры, умеете прощать ему мелкие оплошности. Тоже, нашли простофилю!..

Он не на шутку обозлен на Хаджибекова, старается не смотреть на него, как вдруг ему передают записку, пришедшую, как он видел, с большого стола, и Бурхан сразу догадывается, от кого она, но читать не торопится. Секретарь продолжает говорить о важности поставленной задачи, Бурхан же, нахохлившись, ничего не слышит, весь во власти своих дум. Через какое-то время он читает записку. «Не принимайте близко к сердцу, раис! Наш секретарь не злопамятен. Главное — берите инициативу в свои руки, — говорилось в ней, — и победа будет за вами. Не раскисайте, ака. Это вам не к лицу. Хаджибеков».

Бодрый тон послания решительно поднял настроение Бурхана. В самом деле, чего он так раскис тут, надо показать всем, особенно таким, как Акбар, на что Бур-

хан способен, матерый волк Бурхан. Он найдет, найдет такие земли, что все только ахнут...

Секретарь заканчивает выступление, говорит, что теперь интересно услышать мнение собравшихся, услышать советы, предложения. Как это нередко случается на заседаниях подобного рода, пауза затягивается, никто не решается брать слово первым.

Была у Бурхана одна странная черта: никогда не мог набраться терпения и выслушать собеседника до конца. Уже в самом начале разговора, уловив общий смысл того, о чем говорится, он потом уже ничего не слышал, но готов был в любую минуту сказать свое мнение.

Вот и сегодня с самого начала совещания почти не слышал, что говорил первый секретарь, его уже не интересуют подробности, ибо он вник в суть вопроса, а потому лихорадочно соображает, где бы найти эту самую лишнюю землю, заявить о ней, ошеломив собравшихся неожиданностью предложения, и выйти победителем.

Угодья вдоль Иззы заняты свеклой. Так... Сокращать земли под хлопком нельзя? Нельзя! Остальные угодья засеяны... клевером. Клевер! Стоп, стоп!.. От неожиданно пришедшей вдруг мысли он даже подскакивает на стуле. Кому нужно столько клевера? Зачем под клевером целых три года занято такое количество земли? Выход найден! Распахать нужно именно их! Если освободить из-под клевера только половину земли, и то по району наберется солидная цифра. Только в одном его колхозе более ста пятидесяти гектаров площади занимает клевер! Ну и молодец, Бурхан! Ну и умница!..

Довольный своим открытием, раис с пренебрежением поглядывает теперь на окружающих: вряд ли кто-нибудь сумеет предложить что-нибудь более дельное, чем он, но надо послушать, что скажут другие, а он пождет, спешить некуда.

Поднял руку сидевший рядом с Бурханом председатель соседнего хозяйства, человек застенчивый, скромный, одетый в однотонный темный чапан поверх белой рубахи-яхтака.

— Пожалуйста, Махамат-ака!— пригласил первый секретарь.

Председатель поглаживает ладонью крупное лицо, неторопливо начинает:

— Мы могли бы засеять озимой пшеницей освобожденные в этом году земли. Но как поступать в будущем?

— Вы хотите сказать, уважаемый, что подобное невозможно?— неожиданно иронично подал реплику Хаджибеков.

Уловив по тону председателя райисполкома, что Махамату-ака придется выслушать и другие суждения, может, и не приятные для него, Бурхан решает взять слово, однако все знают, что Махамат-ака умеет отстаивать свою точку зрения, и очень упорно, и он не успевает даже поднять руки.

— Знаете, кто голосует в таких случаях против?— задает вопрос Махамат-ака, глядя в упор на Хаджибекова.— Или человек не очень умный, или же... враг.

— Уважаемый Махамат-ака, кажется, еще никто не сказал слова против,— первый секретарь стучит карандашом по столу, призывая к порядку.— Товарищи, не будем отклоняться от обсуждения главного вопроса. Так конкретно, что вы предлагаете?

Махамат-ака, успокоившись, кивает:

— В голодном тридцать третьем году мы посеяли озимую пшеницу на холмах Буриджара, тех, что рядом с нашим колхозом, и собрали тогда неплохой урожай. Потом жизнь пошла своим чередом, и мы как-то подзабыли об этих землях. По-моему, на них-то и надо снова начать сеять...

— Да, да, припоминаю, было такое!— закивал Мусамухамедов.

— Помните? Не успевали днем убирать, работали ночами при свете луны?..

— Ну что ж, неплохая земля для пшеницы, Махамат-ака. Спасибо за дельное предложение. Обсудим.

Первый секретарь, довольный, откидывается на спинку кресла, а Хаджибеков исподлобья глядит на Бурхана с досадой, намекая, видно, что момент упущен и инициатива уплывает к другому. Бурхан самодовольно посматривает вокруг, посмеиваясь в душе: «Да разве это земли, холмы Буриджара? Тьфу! Ну и отыскал резервы сосед!»

— Сколько там у вас гектаров, Махамат-ака?— спрашивает между тем Мусамухамедов, пододвигая к себе записную книжку и что-то записывая.

Раис поглядывает в потолок, губы его беззвучно шевелятся.

— Да где-то гектаров десять... Хорошо? — он частенько к месту и не к месту повторяет любившееся русское слово.

— Конечно, хорошо! — отвечает среди тишины кто-то у двери, чем вызывает общий смех.

— Спасибо и на этом. Учтем, — первый секретарь отрывается от своей записной книжки. — Какие еще будут предложения?

Медленно поднимается Бурхан.

— Десять гектаров, конечно, немало, однако достаточно ли для того, чтобы считать, что район выступил с ценной инициативой? — начинает он издали, чтобы вызвать интерес, особенно у Мусамухамедова. Первый секретарь удивленно посматривает: наверное, не ожидал, что после критики раис «Кизил Шарка» возьмет слово.

Но Бурхан улыбается, словно позабыл ради общего дела недавний разнос первого.

— Такая земля у нас есть! Как говорится, в запасе. — Он победно оглядывает собравшихся, видит, что даже Акбар смотрит в его сторону с некоторым удивлением.

— Послушаем, послушаем, — поддерживает Хаджибеков с места.

— Я предлагаю, — Бурхан повышает голос, решив, что надо ковать железо, пока горячо, — предлагаю сократить наполовину посеы клевера. Только у нас в колхозе им засеяно более ста пятидесяти гектаров. Почему, спрашиваю я вас, товарищи, в такое трудное для страны время земля должна пропадать даром и притом более трех лет? Имеем ли мы право столько земли отдавать под кормовые культуры?.. А вместо клевера мы посеим ту культуру, которую требует от нас сегодня партия. Если только в этом году мы распашем эти поля и посеим пшеницу, то в одном «Кизил Шарке» это составит более ста гектаров. А если посчитать по району в целом? Будет, думаю, не менее тысячи!

Не успевае Бурхан сесть, как со всех сторон раздаются одобрителные возгласы:

— Молодец, Бурханбай!

— Как это нам-то в голову не пришло?

— И не говорите!..

Вдруг среди наступившей тишины все услышали голос Акбар-палвана:

— А разве нам с вами, товарищи, дозволено нарушать севооборот?

— И кстати, не только севооборот,— оглядывается на Бурхана Махамат-раис,— как народ в такое голодное время будет без молока жить? Что коровы-то есть будут?

И снова поднимается Бурхан:

— Я ведь, товарищи, не предлагаю распахать все клеверные поля,— в голосе его проскальзывает нота раздражения,— нужно распахать часть их. Да и, уверяю вас, ничего не случится, если в течение одного-двух лет севооборот нарушится. После победы все восстановим.

— Правильно!— снова с места подхватывает Хаджибеков.— Все понимают, что эта мера временная.

Предоставивший с самого начала заседания возможность свободно дискутировать, Мусамухамедов стучит теперь карандашом по пиале, что стоит рядом с блокнотом на столе.

— Тише, товарищи, тише! Если кто-то хочет выступить, пожалуйста, говорите по одному. И конечно, желательно, чтобы предложения были поконкретнее, подкреплены фактами и доказательствами. Итак, какие мнения по поводу выступления товарища Артыкова, председателя «Кызыл Шарка»?

Мусамухамедов повторяет при полной тишине свой вопрос. Большинство присутствующих, не зная на этот счет мнения первого секретаря, предпочитают промолчать.

— Итак, какие мнения, товарищи? Почему так неактивны? Ведь только что раздавались голоса с мест... Кто был «против», кто «за»?..

— Наверное, клевера жалко стало,— снова шутит Хаджибеков,— если лошади будут голодны, на чем приедешь на следующее бюро райкома?

По кабинету прокатывается негромкий смешок, Бурхан облегченно вздыхает: может, теперь наконец развяжутся языки. Однако и теперь никто не решается взять слово. Только в простенке между окнами, напротив Бурхана, заскрипел вдруг стул. Это поднялся Акбар, медленно огляделся, будто прикидывая, кто из раисов поддержит Бурхана. О, только бы не видеть бывшего друга, не слышать его уверенного голоса, неотразимо действующего на слушателей! Словно прочитав мысли Бурхана, Акбар не сводит с него глаз.

— В словах председателя «Кызыл Шарка» есть рациональное зерно, — заговорил Акбар. — Может, и есть такие колхозы, где мы не сумели вовремя посеять хлопок, другие нужные культуры и отвели эти земли под клевер. Может быть, мы в силах будем обновить потом эти земли и рядом с клевером посеем пшеницу. Все это, конечно, можно сделать. Однако, товарищи, распахивать клеверные поля, сократить их наполовину... — Акбар многозначительно смотрит на Хаджибекова, качает головой. — Весьма рискованный шаг, как мне кажется. И с этим нельзя согласиться. А что будет с землей, которая и так устала? Каков будет итог, если, ссылаясь на тяжелое военное положение, мы не дадим отдыха земле? К чему тогда севооборот?.. К чему тогда все наши разговоры о том, что земля должна отдыхать, что надо сеять, чередуя культуры?.. Что же получается? Нам после победы и земли плодородные не нужны будут? А земли ведь скудеют. Истинный дехканин должен быть во всем рачительным хозяином, не так ли?

— Что предлагаете лично вы? — не скрывая раздражения, с места громко спрашивает Хаджибеков.

Акбар смотрит на председателя исполкома, едва заметно ухмыляется.

— Согласен, нет ничего проще, чем отклонить предложение другого. — Акбар поворачивает лицо к Бурхану. — Цель моего выступления вовсе не сводится к тому, чтобы критиковать председателя колхоза «Кызыл Шарк» товарища Артыкова. Я выскажу свои соображения, но, с вашего позволения, позже...

«Ах, значит, его цель — не критиковать! Скажите на милость! Твоими бы устами да мед пить... Посмотрим, где это ты найдешь столько земли», — думал Бурхан, у которого все кипело внутри и которому был ненавистен один вид этого гордеца.

Акбар переводит взгляд на первого секретаря.

— Товарищ Мусамухамедов! Есть у нас одно предложение. Если только вы сочтете его дельным и поддержите нас... Хотим создать бригаду, то есть что-то вроде десантной бригады... трактористов. — Глаза Акбара серьезны, но то ли от смущения, то ли от неуверенности он говорит, то и дело сбиваясь.

— Десант, значит, — повторяет первый секретарь, пытаясь уловить смысл предложения Акбара. — Поясни! А потом?

— Потом, товарищ Мусамухамедов, направьте эту бригаду в Аччи. Да знаете ли вы, сколько там земли пропадает без пользы? Земли, пригодной для пшеницы? Мы эту землю освоим, а колхозы засеют... засеют столько, на сколько сил хватит. Мне кажется, что новые земли... освоить куда рациональнее и выгоднее, чем перепахивать клеверные поля, как тут предложили.

В глазах Бурхана темнеет. Да как же это ему в голову не пришла такая простая мысль? А он... со своим клевером, конечно, оскандалился. Аччи под боком, плодородные земли!.. Досадно, ох как досадно! Акбар взял верх, несомненно! На сей раз победа за ним!

— Молодец, дельное предложение, товарищ Саби-ров! Чего ж сидели и молчали? Еще б немножко, и мы бы без клевера остались!— не то в шутку, не то всерьез говорит Мусамухамедов и смотрит на директора МТС.— Ну как, Александр Павлович? Хватит у нас силенок поднять Аччи?

Потирая в задумчивости подбородок, что служило признаком озабоченности, Зорин в смущенье глянул на Акбара, сказав по-узбекски:

— Тракторы-то мы найдем, товарищ Мусамухамедов, вот только трактористов где взять? На Аччи ведь только опытные водители справятся, а вы сами знаете, их всех в армию попризывали.

— И этот вариант, товарищи, не очень продуман!— кто-то недовольно подает голос с места, и Бурхан красноречиво смотрит на Акбара: «Вот так-то, братец, не все и тебе гладко сходит!» Однако, к его удивлению, Акбар не растерялся.

— Дорогие товарищи, а вы забыли о наших девушках-комсомолках, которые дали слово заменить на тракторах мужчин? Они ведь, Зорин-ака, скоро курсы заканчивают.

Зорин смотрит на Акбара с нескрываемой симпатией.

— Эх, если ты, товарищ Сабилов, берешь девушек под свою опеку, какой может быть разговор! Я согласен!— директор МТС шутливо поднимает обе руки в знак того, что сдается.

Акбар краснеет до корней волос, смущенно улыбается:

— Если сочтете необходимым... если райком поручает мне такое дело, что ж, я согласен.

— Ну молодец, товарищ Сабиров! Вот она, товарищи, истинная щедрость души!— Секретарь райкома в волнении поднимается с места.— Спасибо вам от имени бюро райкома. Спасибо за то, что подсказали нужное решение. И за согласие возглавить бригаду трактористок. Уверен, бюро райкома единодушно одобрит предложение коммуниста Акбар-палвана. Как, товарищи?

Члены бюро единогласно поддерживают первого секретаря. Да и председатели высказываются одобрительно.

— Вот и пшенице нашли место: лучшей земли, чем на Аччи, и не сыскать,— продолжает первый секретарь.— Теперь конкретно, кто за что несет ответственность. Вам, товарищ Зорин, бюро поручает завтра же сформировать две бригады трактористок. Одну во главе с Акбар-палваном мы пошлем на Аччи. Другая останется здесь, в Бурджаре. Ее бросим на освоение земель, о которых говорил Махамат-ака. И еще одно предложение, товарищи.— Мусамухамедов поворачивается к Бурхану, который сидел, ничего не слыша, вне себя от бешенства, что поддержали не его предложение.— А вы, товарищ Артыков, силами своего колхоза посеете зерно на новых землях. Думаю, целесообразнее сконцентрировать эту работу в одних руках. Что вы на это скажете? Справитесь?

Хотя предложение Бурхана не прошло и он все еще таит злобу на выскочку Акбара, тем не менее приходится уступить, согласиться, и, хотя предложение первого секретаря не очень-то ему по душе, он все же решает напоследок показать свой характер.

— Будет сделано, товарищ секретарь! Не только посеем, но и урожай соберем!— покорно соглашается Бурхан, чем немало удивляет всех, знающих его неуступчивость. Даже Хаджибеков, почти не надеявшийся на согласие райса, смотрит на него удивленно.

Бурхан же за все многочасовое собрание впервые наконец с облегчением вздыхает.

VII

Акбар остановился, с мольбой посмотрел на мать.

— Не надо дальше, не провожайте, мама, даст бог, недели через две я наведаюсь. Может быть, к тому времени даже и работу закончим. Не волнуйтесь, все будет

хорошо. Главное... — он помолчал, с нежностью глядя на мать, — главное, берегите себя.

Остановилась и его лошадь: на ней, ухватившись за луку седла, сидел, болтая ногами, средний сын и вот-вот готов был расплакаться, твердя одно и то же:

— Нет, нет, я не останусь, отец, я с вами поеду! Не останусь!..

— Ну ладно, ладно, не лей слезы, — утерла нос платком внуку мать. Обратилась к сыну: — Пусть с матерью проводит тебя подальше, — чуть ли не плача напутствовала она Акбара, держа самого младшего внука на руках. Притянув свободной рукой к себе Акбара, поцеловала в лоб, похлопала по плечу. — Береги себя и девушек этих береги как зеницу ока, сынок. Помни, что родители их отпустили только потому, что ты отвечаешь за них. И еще, сынок... Есть у меня к тебе одно дело, — взяла сына за локоть. — Рихсихон опять начали мучить приступы головной боли. Лежит, бедная, глаза не открывает часами. Лекарства не помогают. Был бы муж рядом, давно бы свозил ее на Аччи к Икбар-ая. Ты зайди к ней, как только сможешь, и попроси старушку, пусть поможет нашей Рихси.

Акбар поморщился, недовольно взглянул на мать.

— А не лучше было бы вызвать врача из райцентра? Это ведь близко?

Мать покачала головой, снова погладила Акбара по плечу.

— Уже вызывали доктора из райцентра. Два раза...

— И что сказал?

— Видишь ли, — мать замялась, — сам Саип-доктор посоветовал показать Рихси Икбар-ая.

Акбар согласился:

— Ну хорошо, мать! Как только приеду в Аччи, тотчас навещу Икбар-ая. Если понадобится, пошлю лошадь за Рихси-кенной¹, не беспокойтесь. Хоп!²

— Пусть и у вас на Аччи все будет благополучно, — помахала рукой мать, благословляя в путь сына.

И Акбар повел лошадь по пыльной дороге. Следом шла жена, а сын все еще горделиво восседал в седле и торопил коня. Не находя в себе силы еще раз оглянуться, Акбар тихо попросил Айжамал:

¹ К е н н о й и — производное от келиной — жена старшего брата, или обращение к женщине, старшей по возрасту.

² Х о п — ладно.

— Посмотри-ка, ушла мать?

Жена чуть поотстала.

— Нет, все еще стоит.

— Кстати, Айжамал, а где наш старший? Так его и не повидаю перед отъездом.

— Не беспокойтесь, адаси! ¹ Он в поле, мимо него не проедете, или же к МТС подойдет, ведь знает, где вас провожаем. Так что увидите.

— Ты следи за ним поостроже, пусть прекратит свои ночные вылазки. Кто ему позволил лезть в дела старших? Вчера был у нас долгий разговор, но получается, что в одно ухо влетает, а из другого вылетает.

— Ой, адаси, не думайте о нем так плохо! Он у нас комсомолец! — В голосе Айжамал была гордость, она обиженно смотрела на мужа. — Разве плохо, что он во-жак своих сверстников? Они в кишлаке тимуровцы — кому крышу починят, кому дров помогают на зиму заготовить, кому что... О фронтовиках заботятся, об их семьях.

Нахмутив брови, молча шел Акбар, думая про себя: «Что ты знаешь о сыне, милая моя? Знаешь ли ты хоть малую долю того, что он недавно натворил? Кто их подучил? И не дай-то бог, попадутся — разве Бурхан их пощадит? Как объяснишь, что хорошо, что плохо?»

Из головы не выходил вчерашний разговор с Кабиром. Повзрослел парень, поумнел, да только беспокойства прибавилось. Как это он вчера ему правду-матку резал:

— Мы всё видим, отец, и всё знаем. Уж не дети малые. Почему же молчать должны? За ведерко выкопанной картошки раис готов наказать любого, сам же телегами переправляет ее то на базар, то кому-то в подарок!.. — Кабир так поглядел на отца, словно тот был заодно с Бурханом.

Акбар улыбнулся наивному негодованию, с каким все это было сказано.

— Ну, предположим, вы поступили справедливо, поймав вора. Однако, если вы такие смелые, почему не доставили его в правление колхоза? Написали бы заявление секретарю вашей комсомольской организации.

Кабир усмехнулся.

— Так и послушается нашего секретаря ваш друг раис!

¹ А д а с и — обращение к мужу. Дословно: отец наших детей.

— Думаешь, правильно было ваше решение — раздать целую повозку лука людям? Дехкане наши сил не жалеют, сеют, ухаживают, собирают, чтобы фронт обеспечить, а вы...

— Но ведь мы, отец, все раздали семьям фронтовиков! Не первому ведь попавшемуся... — Кабир уставился в пол, не глядя на Акбара.

— Но ведь это же воровство! Грабеж среди бела дня!

— Что вы сказали? — Сын бросил на него быстрый, будто молния, взгляд, замотал головой. — Нет, отец, мы не грабители! Мы помогли тем, кто нуждался, а проучили хорошенько тех, кто этого заслуживал!

— Кроме вас, конечно, некому было их поучить уму-разуму? Эх вы, блюстители порядка! Под чью дудку пляшете? Опозорить хотите своих отцов? — Акбару вдруг пришла на ум мысль, что он резко обошелся с сыном, сказал примиряюще: — Ладно, помогайте тем, кто нуждается. Старикам, детям... Но предъявлять обвинения старшим не имеете права, нос не дорос! Иди занимайся своими делами!..

Поругал сына Акбар, но в душе остался собою недоволен. Все, что сказал Кабиру, звучало не очень-то убедительно. Каким в его годы был сам? Да, в его присутствии ни у кого не поднялась бы рука кого-то обидеть, пальцем тронуть слабого. Знал такой человек: получит от него свое. Да и до сих пор горяч Акбар, хоть сам троих сыновей имеет. Ему бы гордиться, сын повзрослел, понимать многое стал, горой за правду стоит, а он отчитывает его, словно младенца. Нехорошо!.. Да, видно, крепко он его обидел, раз проводить не пришел.

Жена потянула Акбара за рукав, выведя из задумчивости.

— Адаси... скажите же что-нибудь и мне на прощанье. Или для меня у вас и слов нет? Когда-то теперь увидимся!

Первым побуждением Акбара было обнять жену, но смущал сын, теперь довольный и веселый тем, что ехал на лошади, словно взрослый. Поэтому он лишь нежно посмотрел на Айжамал, сказал едва слышно:

— Что сказать тебе? Повторить, что говорил... ночью? Ты... этого хочешь?

Жена покраснела, засмушалась, опустила глаза:

— Разве я об этом?

— Ну что добавить еще? Ведь у меня нет других слов... — пошутил Акбар, ласково притянув к себе жену.

— Всегда вы такой... Говорите, что не можете жить... без нас, а сами вот уезжаете... да еще с... девушками.

Акбар таинственно улыбнулся, заговорил еще тише:

— А, вот ты о чем... не беспокойся, есть у джигита лошадь, так о чем ему тужить? Путь от нашего дома до Аччи не так уж велик. В обещанные дни... жди, я буду тут как тут! Не веришь? Ну успокойся.— Хотел добавить «... и ночи», но снова смутил сынишка.

Айжамал махнула рукой, покраснела, готовая со стыда сквозь землю провалиться:

— Я разве об этом?

Раскачивавшийся в седле сын вдруг закричал:

— Дада, поглядите! Кабир! — он махнул рукой на ворота МТС.

И в самом деле, Кабир с ватагой ребят-сверстников, одетых в латаную-перелатаную одежку, дружно замахали Акбару руками. Так вот, оказывается, кто его друзья, — мелюзга одна! Акбар усмехнулся напрасным сомнениям. А он, он-то думал, тут что-то посерьезнее. Ну и мстители! Ну и наивные! Но шустры! Шустры, ничего не скажешь! И на глаза не боятся попасться, наивно думают, наверное, что никто ни о чем не догадывается.

Кабир пошел навстречу отцу. И тут же ребятню словно ветром сдуло, рассыпались кто куда, а чуть погодя снова стали собираться под развесистым карагачом.

Кабир остановился на краю дороги, поджидая родителей, с опаской после вчерашнего разговора поздоровался с отцом, взглянул, будто ждал упрека.

— Пришел? — Акбар испытующе посмотрел на сына. — Вы что, так и ходите табуном? Скажи своим приятелям, пусть не крутятся здесь, скоро начальство придет.

Не ожидая такого поворота в настроении отца, Кабир заблестевшими от радости глазами стрельнул на Акбара, выпалил:

— Спасибо, отец!

«Ведь совсем еще ребенок, — подумал Акбар-палван, — только с виду такой длинный, вон и штаны из вельвета, что сшила не так давно Айжамал, коротки...»

У здания МТС, располагавшейся со дня основания во дворе старой мечети, уже начал собираться народ, товарищи сына разошлись, и увидел Акбар, как его

старший что-то с жаром говорил Пулату, сыну покойного Красного Кадыра.

«Дети наши тоже дружат, — с грустью подумал Акбар, — и это хорошо. Однако... в ту ночь ребята остановили телегу с луком, на которой ехал Пулат, а его самого с позором отравили в правление колхоза... Как же после этого они мирно беседуют?» — Не укладывалось такое в голове Акбар-палвана. Всегда веселый, озорной, Пулат нынче почему-то был особенно грустен; подстелив под себя халаты, ребята уселись на берегу хауза в ожидании митинга. Кабир яростно убеждал Пулата в чем-то, а тот только слушал да кивал головой.

Акбар привязал коня недалеко от того места, где сидели ребята, Пулат издал поздравления.

Видно, переживает, но из-за чего? Может, оттого, что поймали с поличным? Акбар сам подошел к мальчику.

— Здравствуй, маленький Кадыр! — Акбар решил подбодрить его, пошутил, как всегда: — Где твой карабаир? Ведь уже подошло время улаков!

На лице парнишки промелькнула едва заметная улыбка, но быстро угасла:

— Отобрали вместе с телегой, а самого вот... вот... в Аччи отправляют — возить воду для тракторов.

В голосе его прозвучало недовольство.

— Очень хорошо, поработаем вместе! — Акбар хлопнул Пулата по плечу, окинул взглядом двор МТС.

Стояли в ряд отремонтированные тракторы, висели лозунги на старой мечети, старики и женщины кишлака ждали начала митинга. Да, видать, собрались торжественно провожать нас на Аччи, подумал Акбар, медленно читая то, что было написано на алых полотнищах: «В тылу — как на фронте», «Горячий привет участникам тракторно-десантной бригады!» На самом видном месте большой транспарант: «Наполним закрома Родины хлебом! Отдадим все для Победы над врагом!» Конечно, это дело рук неугомонного Зорина, он любит все вот так обставить, чтобы было честь по чести, проводы так проводы, пусть люди почувствуют торжественность момента... А вот и начальство. За молодым, энергичным секретарем райкома Мусамухамедовым важно шествовал председатель исполкома Хаджибеков, тянулись райсы соседних колхозов. Был тут и Бурхан-тукис в накинутом на плече чекмене, с плеткой, заткнутой за голенище красного сапога. Среди гостей он, пожалуй, как отметил про себя Акбар, выглядел холнее других. Вы-

ражение довольства на его лице сменилось вскоре озабоченностью, едва увидел он Акбара, стоящего рядом с Пулатом, а озабоченность уступила место беспокойству. Потом он и вовсе отвернулся. «Меня-то давно терпеть не может, это известно, — не удивился Акбар, — но вот Пулат — почему он-то в немилость попал?»

— Эй, Акбар-палван, — окликнул его Зорин, — иди-ка к нам сюда, на трибуну, твое место тут!

Директор МТС вместе с другими поднялся на веранду мечети, что служила трибуной. Не подойдешь сразу, решил Акбар, тотчас станешь предметом насмешек Зорина. Такой уж у них директор МТС — весельчак, не может жить без подтрунивания над ближним, без конца шутки шутит. Редко кто из русских, осевших здесь с незапамятных времен, так хорошо владеет узбекским, как Зорин-ака, редко кто усвоил искусство аския — состязания в острологии, как он. Уж коли вступит в спор, диву даешься его находчивости и юмору.

— Иду, иду, — поспешил к Зорину Акбар, виновато поглядев на жену. — Ты пока побудь здесь... без меня.

Пробираясь сквозь людскую толпу к веранде, мимо девушек в комбинезонах, стоявших тут же, недалеко от оживленного директора МТС, вдруг увидел Акбар очень знакомое лицо. Глаза отказывались верить: вылитая Мунис! Его юношеская любовь! Как же это так могут быть похожи люди?.. Сердце Акбара бешено заколотилось, он замедлил шаг: излишнее внимание, пристальный взгляд, обращенный к незнакомой девушке, не дай бог, могут вызвать у односельчан разговоры. Он-то знает, как все это превратно истолковывается!

Девушка открыто глядела на него, нимало не смущаясь, — смотрела как на старого знакомого, будто с детства знала. Да нет, гнал от себя видение Акбар, Мунис одних лет с ним, эта же так молода... но лицо, лицо!.. И как не заставлял себя, никак не мог отвести глаз от нее. Неужели?.. Неужели...

Удивительна человеческая память! Будто вчера это было: долина в обрамлении голубых гор, двор, обнесенный глиняным дувалом на берегу шумного сая; ночи, когда он, чтобы скоротать время, считал звезды, выбираясь из своего глубокого укрытия. Днем оно заботливо было прикрыто ветками. Два раза в день к нему приходила тогда девушка в красном платье и синей жилетке, приходила проведать... Лицо ее и по сей день стоит перед глазами.

Нет, не может быть такого поразительного сходства!.. Вообще цепь каких-то немыслимых событий... Тут же вспомнилось, как совсем недавно, когда всем миром собирали средства на танк, какая-то незнакомая женщина принесла серебряные часы... Теперь ему казались странными эти совпадения... Акбар наконец отвел взгляд, тряхнул головой, словно отгоняя от себя непрощенное видение. Однако хоть и принял решение не смотреть больше на девушку, но не думать о ней уже не мог. А та по-прежнему чуть ли не с восторгом глядела на Акбара, не ведая, что душу ему перевернула. Почему никогда прежде он не встречал ее здесь? А кто та таинственная незнакомка, которая принесла часы? В том, что она жила где-то близко, может в соседнем кишлаке, он был уверен.

Какая-то женщина в парандже подошла в этот момент к девушке, взяла ее за локоть и, отведя в сторону, что-то зашептала на ухо. «Неужели, неужели это Мунис? Как же так? Как все это получилось?» — жаром обдало от мысли, что он нашел ее столько лет спустя, после стольких бесполезных поисков. «Все, все! — решил Акбар. — Больше не буду смотреть». Он подошел к Зорину.

— Вот, Зорин-ака, явился по вашему зову. — Краем глаза увидел, как женщина в парандже, едва он заговорил, отвернулась и быстро пошла к толпе провожающих. До чего знакомая походка!.. Она шла не оглядываясь, шла легко и свободно, и ему хотелось уловить в наклоне головы, в жесте руки, поправившей паранджу, то знакомое, что осталось запечатленным в памяти с тех давних пор. «Нет, к сожалению, — вздохнул Акбар, — пожалуй, кроме походки, ничего общего!» Может быть, он ошибается и лишь воображение подсказывает ему невероятные ассоциации? Ну бог с ней, вот она наконец смешалась с толпой односельчан, и он потерял ее из виду.

Зорин тем временем обратился к девушкам, стоящим рядом:

— Это, дорогие мои трактористки, ваш бригадир, Акбар-палван. С сегодняшнего дня вы, все шестеро, будете работать под его началом. Познакомьтесь с усто!¹

¹ Усто — мастер.

Была тут и она, столь разительно напоминая Мунис в юности. Представил Зорин ее, особо выделив среди других: смышленная, в помощницы годится, не пожалеешь, мол, что взял в бригаду Мубарак — так он назвал ее.

Между тем со всех сторон уже слышались нетерпеливые голоса, призывавшие начинать митинг.

— Дорогие мои односельчане! — голос директора МТС был взволнован, он поднял руку над головой, призывая к тишине. — Как вы все помните, полгода назад наши девушки выступили с доброй инициативой — сесть на трактор и заменить тех, кто ушел на фронт. Сегодня мы благодарим их за это начинание и рады доложить вам, дорогие односельчане, что, разделив их на две группы, отправляем в Аччи и Бурджар. Начинают они свой трудовой путь с нелегкого: им предстоит осваивать новые земли, чтобы вырастить на целине необходимый для страны хлеб. И это будет нашим ответом на призыв партии: «Все для фронта, все для победы!»

Взрыв аплодисментов был столь силен и внезапен, что с мечети сорвалась стая воробьев, разлетелась в испуге в разные стороны.

— Вот видите, товарищи, и воробьи у нас стали совсем пугливыми, отвыкли от шума моторов тракторов, водить-то было некому! — пошутил директор МТС, и все засмеялись. Довольный Зорин предоставил слово Мусамухамедову.

— Очень справедливые слова сказал только что Александр Павлович, — начал первый секретарь райкома. — Дорогие сестры! Помощницы наши с горячими сердцами! На вас возложено очень важное и ответственное задание партии. Открывать новые земли — великое дело! Тем более это важно теперь, когда сотни тысяч гектаров плодородных наших земель охвачены огнем пожарищ на западе, их топчет сапог проклятого фашиста. Неоценимую помощь окажете вы, дорогие сестры, отцам и братьям, проливающим свою кровь на фронте. Каждый гектар освоенной земли будет вкладом в наше общее дело победы над врагом. Выражаем мы также уверенность в том, что вы, наши уважаемые бригадиры, как зеницу ока станете охранять наших девушек, замените им отцов, ушедших на фронт. Воспитывать нынче молодую смену — дело не менее важное, чем защитить родину от врага. Это — наше будущее. Вы поведете этих славных девчат в битву за освоение новых

земель. Тракторы — ваше орудие в борьбе с ненавистным врагом, а Бурджар и Аччи — плацдарм, где начинается битва за хлеб. Солдат выходит победителем лишь тогда, когда умеет стойко защитить завоеванный плацдарм. Я желаю вам всем такой победы!

Двор МТС снова взорвался аплодисментами. Молодой секретарь райкома говорил немного цветисто, порою и высокопарно, но его любили слушать, потому что чувствовали, что он вкладывает душу в свои слова. Ему верили.

Особенно громко хлопали женщины, некоторые подняли с лиц покрывала, покраснелись от волнения, и Акбар жадно всматривался, пытаясь найти лицо, которое лишило его покоя. «Взрослый человек, — одергивал он себя в который раз, — и такое легкомыслие!..»

— Товарищи, кто хочет выступить? Кто хочет сказать доброе, напутственное слово нашим целинникам?

Опираясь на палку, вышел седой как лунь старик.

— Говорите, отец, говорите! Поднимайтесь сюда на трибуну!

— Да нет, сынок, я лучше отсюда, снизу скажу, и отсюда слышно будет, а то мне трудно взбираться туда к вам, разве я поднимусь на такую высоту?

Под общий смех он пригладил бороду худыми, с набухшими венами руками. Начал издалека.

— Да будет вам известно, в далекие времена правил достославный царь Ануширавон. В справедливости к подданным, говорят, с ним не мог сравниться ни один правитель земли, за что и прозван он был Справедливым. Однажды его сын совершил грех, совратил девушку...

Акбар при этих словах тяжело вздохнул, будто слова старика обращены были непосредственно к нему, взглянул на Айжамал. Жена спокойно слушала аксакала. Она всегда верила мужу безмерно, да и он не такой человек, чтобы когда-нибудь позволить себе дурное: так распорядилась судьба, соединив их жизни, и они оба до конца будут верны друг другу. А Мунис, ведь... столько лет прошло!..

— ...и как бы ни была горька справедливость, — донеслись до Акбара слова старика, — из двух путей Ануширавон выбрал один: приказал повесить единственного сына... Что я хочу сказать, вспомнив о Справедливом? Как бы ни был он справедлив, мы живем во времена гораздо более справедливые. Такое ведь и при-

сниться не могло нашим предкам! Наш секретарь произнес воистину мудрые слова: за этих девушек вы, бригадиры, отвечаете головой. В таком деле надо строгость проявлять, как недавно проявил ее наш Бурхан-раис... Вы все знаете, о чем я говорю.

Неплохую притчу вспомнил аксакал, подивился Акбар памяти старика, это ведь словно об истории Ахмадали. Добрый наш народ за один достойный поступок готов человеку простить десять недостойных!.. Акбар видел, как внимательно слушали односельчане старика, и тут взгляд его упал на Пулата, сына Красного Кадыра. Глаза юноши блестели то ли от нежданно набежавшей слезы, то ли от внутреннего волнения. Акбар вдруг перехватил взгляд, который юноша бросил исподлобья на Бурхана, и удивился: в нем было столько ненависти. Лицо же раиса, напротив, излучало довольство собой и всем происходящим.

VIII

Азиз с нетерпением ожидал возвращения Максудали-амаки, рано утром ушедшего в кишлак. Однако кто мог заранее предугадать, какие события последуют на далеком от кишлака холме Аччи после его ухода? Что теперь подумает о нем почтенный Максудали-амаки? С какими глазами он, Азиз, предстанет перед стариком, когда тот вернется? Да еще приезд девушек-трактористок, появление здесь его одноклассницы Саиды! Так все неожиданно...

Загнав наконец скотину в хлев, Азиз вышел во двор. На землю спускались сумерки, и казалось, неведомое темное чудовище надвигается из-за холмов Бозсу. Вот так всегда с тех пор, как он здесь: с наступлением темноты душу начинают томить неясные предчувствия, беспокойство, от которых нет сил отделаться, стряхнуть с себя. В хлеву не переставая жалобно блеет осиротевший ягненок. Доверил сегодня Азизу Максудали овец, а он, вместо того чтобы пасти их, увлекся рыбной ловлей, да улов-то всего ничего, но вот овца потерялась. Нечего сказать, отблагодарил старика!

Азиз опустил на берег пересохшего арыка, его обуревали невеселые думы. Неужели так и будет вся жизнь сплошным невезеньем? Рос сиротой; сколько помнил себя, пас чужую скотину, работал за других в колхозе. И ведь лет-то ему и шестнадцати не исполни-

лось. Рыл канал наравне со взрослыми, жил в бараках, в грязи, вшей кормил. Что ж, и теперь, когда повзрослел, все должно оставаться по-прежнему, по-прежнему все терпеть? Снова идти на рытье канала, отрабатывать за кого-то? Нет, пожалуй, с него довольно, хватит, поиздевались над ним, иному и на две жизни бы хватило. Лучше до срока уйдет на фронт добровольцем. Только бы Максудали-амаки выправил его документы! Ни на день не задержится, это решено!..

Вырвавшись из двери, заплясал по двору огонек: Икбар-ая, видно, пошла доить корову, неся перед собой лампу.

— Эй, сынок, Азизхан, — звала она. — Овца-то нашлась? Бедный ягненок голос надорвал...

Что тут ответишь, как объяснишь? Тяжело вздохнув, Азиз поднялся. И молчать неловко, и не оттого, что он боится: Икбар-ая не сварлива, не придиричива. Столько времени он живет здесь, на Аччи, слова худого от нее не слышал. Ни от нее, ни от бывшего учителя Максудали-амаки. Хорошие, добрые люди. Да вот только детишек бог им не дал, и живут они поживают в одиночестве да уважении друг к другу...

— Где только я не искал ее, ая, все облазил, честное слово!

Икбар-ая остановилась у дверей хлева и, держа в вытянутой руке лампу, внимательно оглядывалась, пытаясь определить, с какой стороны слышится голос Азиза. Тусклый свет керосиновой лампы выхватил из темноты изборозженное морщинами лицо старой женщины, ее встревоженные глаза.

— Что-то дедушки нашего нет и нет, задержался... Лишь бы у него там все обошлось благополучно! — вздохнула Икбар-ая.

Она вошла в хлев, и кружок света, неотступно ее сопровождавший, скрылся за дверью вместе с ней.

Да, старик и старуха по-настоящему были к нему, сироте, добры, словно к сыну родному. А разве сравнишь Максудали-амаки с его родной сестрой, этой мегерой, у которой Азизу пришлось жить несколько лет, пока он учился в кишлачной школе? Сколько вытерпел Азиз брани да придинок злой женщины, жены бригадира — пьяницы Рахима безжалостного! Так в кишлаке прозвали его, но, пожалуй, прозвище это еще более подходило его жене, ибо она издевалась над сиротой как вздумается, попрекала каждым куском хлеба и на ра-

боту отправляла вместо своего сыночка-бездельника, унижала. Самая тяжелая работа по дому на Азизе лежала.

Иногда Азиз срывался, бунтовал, все в нем восставало против такой несправедливости. В один из дней поймал Азиза вместе с другими кишлачными ребятами Яхъя-шайтан, когда те отбили повозку с луком, которую гнал на базар сын Красного Кадыра Пулат. Всю вину на себя взял тогда Азиз, смело подошел к разъяренному Яхъе:

— Отпустите ребят! Это я их подучил! Я и отвечать буду!

Надеялся, что Бурхан-раис в наказание отправит его раньше срока в армию! Но кишлачные ребята, в том числе и сын Акбар-тракториста, встали за него горой. Взломав дверь сарая, куда упрятал его Яхъя, они вывели Азиза на дорогу, ведущую к Аччи: только там, у старого учителя Максудали-амаки, и мог он спрятаться.

Азиз подался в Аччи, обо всем рассказал старикам. Максудали близко к сердцу принял эту историю с луком. А на следующий день чуть свет ушел в Катта Кангли и вот до сих пор еще не вернулся. А Азиз тем временем потерял овцу.

Искал ее среди камышей, как вдруг со стороны холма донесся до него рокот тракторов. Шум их становился все сильнее, и вскоре на пыльной дороге показалась сначала телега, а за нею один за другим, приближаясь к мосту, двигались четыре трактора.

Спрятавшись в камышах, Азиз не сводил глаз с этой диковинной процессии. Земля под гусеницами тракторов содрогалась: чудилось, будто не только земля ходяном ходит, но и камыши раскачиваются от непривычного гула и грохота.

Неожиданно первый трактор остановился возле моста, из него выпрыгнул человек, поднял руку, закричал:

— Девчата, останавливайтесь! Я переведу ваши машины через мост! Здесь небезопасно с непривычки!

Азиз узнал голос Акбар-тракториста, отца Кабира. Узнал голоса девушек, приехавших поднимать целину на Аччи, — это были его одноклассницы, среди них и Саида. Разве он мог мечтать о таком — чтобы Саида, о которой он так часто думал последнее время, вдруг очутилась здесь, на этом богом забытом Аччи! Как хотелось ему подбежать к ней, сказать, как рад встрече...

Будь она одна, может, он и решился бы на это, но подруги да еще и Акбар-палван тут... Как радостно было слышать Азизу веселые голоса одноклассниц, ловить среди них голос Саиды. Они весело шутили, перекидывались словами, словно мячиком, смеялись. А Акбар-палван, каждый раз возвращаясь за следующим трактором, останавливался на мосту, делал несколько прыжков на его дощатом покрытии, словно проверяя прочность.

— Ну, курносые, — доносился до Азиза его веселый голос, — кто следующий? Садитесь рядом, да не бойтесь! У страха глаза велики! Скоро сами будете преодолевать такие препятствия! — успокаивал он своих подопечных, усаживался за руль и медленно вел трактор через мост.

Как Азиз завидовал этому мужественному, смелому человеку! Как хотелось самому быть на его месте, так же бесстрашно вести машину, вызывая восхищение девушек.

Вот и последний трактор перебрался через мост, и вся колонна отправилась дальше, на Аччи. Азиз вышел из камышовых зарослей. И то ли в абрикосовом саду дядюшки Максудали, то ли рядом неожиданно заржала лошадь, а на полевым стане зажегся вдруг непонятно откуда взявшийся свет. Глухая ночь застонала сонным голосом жаворонка, потревоженного посторонними звуками, и неведомая сила потянула Азиза к стану, где была жизнь и слышались веселые голоса одноклассниц — они весело устраивались на ночлег, и его снова неодолимо потянуло к ним уж хоть если не поговорить, то поглядеть издали одним глазком. И, преодолевая природную застенчивость, он чуть ли не бегом бросился на свет огня.

Сначала не разобрал, что так заманчиво светилось, притягивало к себе. А когда бесшумно подкрался ближе и остановился метрах в ста от тракторов, не поверил своим глазам. Это полыхал факел. Свет был ослепительно яркий, и в лучах этого огромного светящегося шара двигались люди, а причудливо удлинненные их тени казались пришельцами с другой планеты.

Темная бархатная ночь поглотила дневные краски. Проснулись сверчки, неутомно перекликаясь, аккомпанируя друг другу. Кого-то монотонно выкликивала хаккуш, ночная птица. А на полевым стане шла своя жизнь, доносились звуки дутара. Мелодия его, словно магнит, звала подойти туда. Азиз приблизился еще мет-

ров на десять и замер возле большой орешины, что росла у арыка недалеко от домика Максудали. Отсюда все было словно на ладони. Девушки, устроившись кое-как, прислонясь спиной к деревянным колоннам обветшалой веранды, — когда-то, в тридцатых, здесь уже пытались распахивать целину, — сидели на земле, обхватив колени руками, слушали игру красавицы Мубарак. Дутар в ее нежных пальцах будто ожил: сказочные мелодии умела она извлекать из двух только струн — это знали все, однако каждый раз диву давались. И одноклассницы Азиза были похожи сейчас на сказочных пери, живописно расположившихся в свете огромного факела. Казалось, все это происходило в каком-то другом, нереальном мире, и стоило подуть малейшему ветерку, как девушки, превратившись в прекрасных птиц, поднимутся в небо, исчезнут там навсегда. Мубарак все играла и играла, будто стремилась перед кем-то неведомым раскрыть душу, рассказать о тайной страстной любви. О чем-то задумавшись, положив голову на плечо подруги, примостилась рядом Саида. Может, как и Азиз, она грезила о встрече с ним, не подозревая, что он сейчас так близко. Но кто знает, а может, уже давно забыла о нем!

Между тем девушкам наскучило неподвижное созерцание играющей на дутаре Мубарак, они затормозили ее, требуя сменить песню на танцевальную мелодию. И она заиграла ту, которую просили. После долгих упрасиваний вышла в круг Мавжуда, все дружно захлопали в такт музыке, и девушка, грациозно вскинув руки над головой, поплыла мимо подруг, увлекая за собой. Велико искушение — и Азизу захотелось вдруг хлопнуть вместе с ними, бездумно смеяться, разделить это стихийно возникшее веселье. Летели в разные стороны огненные искры факела, ярче освещались девичьи лица, Мубарак, не отрывая рук от струн, озорно подбадривала:

— О-о-ой, узим айланай! ¹

Подруги весело смеялись, а Мавжуда, все более распаляясь от движения, порхала, словно бабочка, и казалось, танец — ее стихия, будто ничем другим в жизни она никогда не занималась. Подойдя к Саиде, потянула танцевать и ее. Саида сопротивлялась как могла, но в конце концов сдалась, пошла и тут же, засмутившись,

¹ Узим айланай — самой бы мне в тебя влюбиться!

хотела убежать, но куда там! Мавжуда преградила дорогу, закричала Мубарак:

— Ну-ка, девушка, давай, сыграй-ка для нашей Саиды «Муножат»!

Полилась грустная мелодия, каждый звук ее был напоен печалью и тоской о любимом. Запела Салима:

Вьются мои черные кудри,
Но милый меня не замечает...

Права была Мавжуда, Саида не выдержала, поплыли и ее руки в хороводе подруг. То застывала она на мгновение, словно испуганная газель, то стремительно неслась по кругу. Как ловил Азиз взглядом ее плавные движения, как робко следил за каждым поворотом руки, головы — будто одному ему говорила она то, что не успела когда-то сказать, выразить словами... «А вдруг, — неожиданно подумал юноша, — скоро уйду на войну? Увижу ли когда-нибудь еще ее танец? Родители могут выдать за другого! Кто спросит Саиду, о ком страдало девичье сердце? Были бы живы отец и мать, со мной бы считались, а так... Кому какое дело до сироты, до его переживаний. Кто разделит печаль мою...» К горлу Азиза подкатил горячий комок, он отвернулся, не в силах более глядеть на любимую; ему казалось, в последний раз глядит он на танцующую девушку и больше никогда не увидит ее.

* * *

В тот вечер на танцы эти замороженно глядел не один Азиз: около своей лошади, хрустевшей клевером, пристроился в тени арбы Акбар. Дурное настроение его не проходило, он все жалел, что не поступил сразу решительно, не записался добровольцем на фронт: по крайней мере, теперь не мучили бы его муки совести, не ныло бы от дурных предчувствий сердце.

Как только девушки отужинали, повеселились и стали неторопливо устраиваться на ночлег, Акбар решил не откладывая навестить нынче же вечером Максудали, тем более что дом старого учителя был совсем рядом — там, возле стоянки тракторов, напоминающих в темноте застывших могучих яков. Решить-то он решил, да все что-то медлил, тем более Мубарак снова заиграла на дутаре. Кто-то из девушек тотчас подтянул

ей, и голос показался Акбару столь знакомым, что стало не по себе:

Мои мысли о тебе, дорогая,
С кем ты уйдешь, я не знаю,
Но все равно, пусть цветут
На твоём пути цветы...

У Акбара перехватило дух, он замер, не в силах даже посмотреть, кто из девушек подхватил песню: казалось, голос этот доносился из невозвратной юности, и пела ее та самая, единственная, любимая. Он словно окаменел, боясь шевельнуться, мелодия может вот-вот оборваться и он больше не услышит, потеряет ее навсегда. Как же давно слышал он эту песню последний раз!..

...Не зная ни сна ни отдыха, отряд красноармейцев гнался тогда по горам и долинам за бандой Куршермата. А с коня он упал, раненный, недалеко от Кадамжая и очутился в доме чернобородого табиба, который неохотно, но все же оказал ему первую помощь, наложил шины, перебинтовал руку и ступню, а потом спрятал в старой заброшенной яме в саду. Два раза в день навещала молоденького красноармейца юная молчаливая горянка в красном платье и синем жилете, дочь табиба. Как узнал Акбар позже, именно ей он был обязан жизнью, это она приволокла его в свой дом, когда он свалился с лошади во время погони. Неохотно принял красноармейца старик табиб, все поглядывал подозрительно, особенно когда тот стал выздоравливать; табиб приходил перевязывать его. Бросал недобрые взгляды и на свою дочь: мало, мол, своих забот... Но тем не менее старик, видно, почистил яму перед тем, как сделать из нее убежище для раненого: там пахло свежевскопанной землей. А чтоб ненароком не обнаружили тайник, днем сверху отец и дочь прикрывали его ветками. В небольшие просветы Акбару был виден кусочек голубого неба; ночью же, когда ветки убирали, отыскивал над собой в темной бездне одинокую мерцающую звезду и слушал шум горного сая.

Так продолжалось недолго. Дня через три или четыре, едва Акбар пришел в себя и мог шевелить пальцами раненой ноги, услышал он вдруг гулкие выстрелы, земля задрожала под копытами лошадей, но шум стих так же быстро, как возник. Видно, товарищи его по отряду натолкнулись на засаду и вынуждены были отступить, а басмачи их преследовали. Так подумал он тогда.

Как потом узнал, догадка была правильной. Утром к нему пришел табиб и раздраженно объяснил, чтобы он не надеялся на своих — те, мол, вовсе опозорились, не могут справиться с паршивым Куршерматом, а сам Акбар должен распроститься с красноармейской формой: надо ее поскорее сжечь, не ровен час вернуться басмачи... «Можете закопать меня живьем, — огрызнулся он, — но гимнастерки не сниму». Старик пришел в бешенство, как, мол, это так, он что, хочет, чтобы с него, табиба, три шкуры спустили и дом сожгли?.. И вдруг Акбар услышал ее голос. Как сейчас помнит, она сказала: «Отец! — Мольба была в нем, когда она подошла к краю ямы, где сидел он. — Отец... что скажут люди, если услышат ваши слова? Разве можно так?»

«Ну и что, если услышат? Из-за этой красной собаки...» — Табиб оттолкнул от себя дочь, и та, еле удержавшись на ногах, медленно опустилась перед ним на колени:

«Побойтесь бога, отец, ведь он не чужой нам... Не по своей воле оказался тут у нас. В беде может оказаться любой человек... Он был ранен, отстал от своих...»

Старик на минуту опешил оттого, что дочь посмела возражать ему, потом с досадой махнул рукой и, не оборачиваясь, пошел к дому.

Акбар, подняв глаза, в знак благодарности приложил руки к груди, не сводя с девушки взгляда. Улыбка чуть тронула его губы. Ветер раздувал красное платье, и ему из его приюта казалось, что ее хрупкая фигурка, такая легкая и тонкая, достаёт чуть ли не до самых высоких облаков над горами, а сама она стала вдруг так близка его сердцу, будто знал он ее вечность.

После того случая старик перестал навещать Акбара, только она теперь и заглядывала, приносила поесть ранним утром, когда еще не рассвело, и поздним вечером, заботливо прикрывала ветками яму, никогда днем не приближалась к этому уголку сада: боялась, кто-нибудь ненароком заметит. Акбар ждал ее прихода с нетерпением: чуть слышит шорох — сразу жадно смотрит вверх...

...В тот день, когда солнце уж поднялось выше тополей и стало клониться к горизонту, ему показалось, что горная речка шумит сильнее обычного, а девушка все не идет и не идет. Наконец, когда, по его расчетам, должна уже была наступить полночь, она вдруг появилась, тихонько опустилась на колени у края ямы, шепотом объ-

яснила, что отец с каждым днем свирепеет, сторожит ее, запрещает и близко подходить к колодцу: сам приносит еду. Вот и ждет она, когда сон окончательно сморит его, и только тогда решается выйти из дому.

«Спасибо, спасибо,— шепчут в ответ его губы,— до конца дней своих не забуду вас... за доброту, сострадание! Обещаю!»

Девушка грустно качает головой: «Неужели обещаете?»

Акбар порывается встать на ноги, но тупая боль в ступне не дает ему подняться с места. В порыве этом девушка ощутила нежность, горячее подтверждение сказанным словам, испугалась чего-то, закрыв лицо руками.

«Что вы... что вы!— горячо шептал Акбар.— Да я ради вас... готов жизнь отдать!»

«Осторожно, осторожно!— в голосе ее тревога.— Ваша нога... она не зажила еще... Не двигайтесь,— словно его порыв передается ей, и она, смутившись, отодвигается от края.— Вот еще немного еды... Я ухажу...»

Но, видит Акбар, она по-прежнему здесь, рядом. В небе сияют звезды, шумит сай, плещется вода о прибрежные камни. Проходит еще несколько томительных минут, теперь он слышит, как хрустнула под ее ногой ветка, она удаляется... И, едва начинает светать, приходит снова. Теперь Акбар отчетливо видит ее лицо, припухлость по-детски милых губ, трогательные кудряшки, обрамляющие лоб, грустные глаза. Тонкие косички, перекинутые через плечо на синий жилет, скользят по ее груди. Акбар глядит и не может наглядеться, словно предчувствует, что она вот-вот уйдет и он никогда ее больше не увидит.

«Не смотрите на меня так»,— говорит она шепотом.

«Хорошо, не буду. Мне так без вас грустно, я только и думаю о вас... жду, когда вы придете снова».

«Я понимаю,— вздыхает девушка.— Я буду все время здесь, близко, так и знайте».

Она уходит, и он слышит неподалеку тоненький голосок. Она поет:

Моя мысли о тебе, дорогая,
С кем ты уйдешь, я не знаю,
Но все равно, пусть цветут
На твоём пути цветы...

Неведомая сила заставляет вдруг Акбара подняться, он упирается спиной и локтями в стены ямы, отодвигает в сторону ветки, заботливо положенные ею, глядит в ту сторону, откуда слышится голос. С трудом выбирается из ямы и идет на этот голос, стремится, словно к путеводной звезде, не думая о том, что его могут увидеть, — теперь это уже не имеет значения, лишь бы держать ее до рассвета в своих объятьях, глядеть в ее глаза, читать в них невысказанную нежность, преданность, готовность пойти ради него на все. Вот ее голос снова совсем рядом. Она села на траву, задумалась, не видит, как Акбар подошел сзади. Песня, которую она теперь напевает все тише и тише, обращена, он знает, к нему, к нему одному. В ней слова любви, жажда новой встречи, но она благодарит судьбу и за эту...

...Теперь он, едва стемнеет, забыв об опасности, осторожно выходит из своего укрытия, садится на большой валун в самой глубине сада и, не отрываясь, глядит на окошко домика табиба, в котором видит склоненную над рукодельем головку Мунис. Слабый фитилек лампы освещает ее лицо. Так просиживает она допоздна в ожидании, когда сможет выйти к нему. В его жизни это самые счастливые дни, хотя он ранен и каждую минуту подвергается риску.

В начале третьей недели старик табиб неожиданно-негаданно откуда-то привел в дом Кадыра и Бурхана. И не знал Акбар теперь, радоваться или печалиться встрече с товарищами. А те не скрывали радости, что снова видят Акбара целым и невредимым: думали, пропал, сгниул. И вот, оказывается, табиб спас его.

«Тысячу раз благодарны вам, аксакал, что уберегли от беды нашего друга! Мы не забудем вашего благородного поступка. Никто, никогда не смеет впредь обидеть вас, — не беспокойтесь, а в случае чего, предъявите вот эту бумагу. Вас теперь охраняет советская власть!»

У старика на уме было одно — поскорее выпроводить неожиданных гостей, чтобы, не дай бог, кто-нибудь из соседей чего не заподозрил. И вот трое друзей сели на коней, стали прощаться, а Мунис... Мунис все не появлялась. «Она наверняка в доме, — думал Акбар, — но не смеет выйти, отца боится. Может, стоит у маленького оконца... стоит и тоже не знает, как поступить».

Выехали на дорогу, а он все оглядывается и оглядывается. Может, табиб намеренно куда-нибудь отправил

ее, чтобы и проститься с ним не могла? А домик за глинобитным забором все дальше и дальше. И вдруг:

— Акбар-ака-а-а-а!

Мелькнуло знакомое алое платье, и вот уже она, его Мунис, легко сбегает с холма. Какое прекрасное имя ей дали «Мунис» — близкий друг, думал тем временем Акбар, летя мыслями ей навстречу. Как хотелось ему спрыгнуть с коня, подбежать, услышать ее нежный голос, увидеть вблизи глаза! Вот эти глаза, они так печальны, в них мольба: «Не уезжайте!» Но разве может он остаться? Может пренебречь своим долгом? Сидя на лошади, Акбар лихорадочно шарит по карманам, что бы такое оставить на память Мунис, и протягивает серебряные часы:

— Вот, возьмите, Мунис! Очень прошу вас, дождитесь меня! Не забывайте! Не поминайте лихом! Я вернусь. Обязательно вернусь!

Догнав отъехавших далеко вперед товарищей, он все оглядывается. Мунис неподвижно стоит на обочине дороги, сжимая в руках его подарок. Ветер треплет ее красное платье, она не сводит глаз с удаляющегося Акбара.

А еще через месяц, окончательно оправившись от ранения, в один прекрасный день он вместе со своими неизменными друзьями Кадыром и Бурханом отправился на Маргиланский базар за подарком для Мунис. И вот уже куплены отрез атласа с мелким рисунком, а для отца красиво расшитая тубетейка. Отпросившись у командира, друзья скачут в сторону Кадамжая. Но, достигнув цели, останавливаются, словно громом пораженные. Дом чернобородого табиба в развалинах, зловеще чернеют остатки обгоревших стен.

Неужели все это из-за него, из-за Акбара? Неужели он повинен в горе Мунис? От одной этой мысли ему становится страшно, на лбу выступает холодный пот. Но нет, не ошибался Акбар в своих предположениях. Через три дня после их отъезда, узнав, что таиб укрывал и лечил у себя раненого красноармейца, озверевшие басмачи прискакали вечером в кишлак, разорили и сожгли дом, а старика повесили на урючине. Бедную Мунис, как узнал позже Акбар, соседи отыскали в той самой яме, где прятался недавно Акбар, еле-еле привели в чувство, а через день девушку посадили в поезд на станции

Горчаково и отправили к дальним родственникам в Ташкент.

«Ее покойная мать не раз говорила мне, — плакала соседка-старушка, — там живет ее тетка, вот бедная девочка и поехала туда, к ней...»

Слова эти Акбар слышал словно сквозь сон, видел перед собой печальный взгляд Мунис, а в ушах звучала ее песня. Как прекрасны были те дни, шумный сай, и голубые горы, и гряда зеленых холмов, и такое синее, прозрачное небо! Зачем судьба уготовила ему такое испытание? Почему он свалился из седла, сраженный пулей, недалеко от этого кишлака? Почему попал к табибу? Ведь были здесь и другие люди, которые могли ему оказать помощь. Неужто все это случилось только затем, чтобы завершиться таким несчастьем?

Друзья утешали его как могли, но он все терзался виной перед Мунис и погибшим отцом. Девушка и ее отец спасли его, и как он отплатил им за все?

Долгие месяцы жил Акбар под гнетом своей вины и во что бы то ни стало решил отыскать Мунис, чего бы это ему ни стоило. А потому, когда настал срок демобилизоваться, не поехал в родной Катта Кангли, а отправился в Ташкент. Но увы... все следы были потеряны. Вместе с активистами сельсовета Акбар все еще искал Мунис по ближним и дальним кишлакам, спрашивал о ней всюду — в Ковунчи, Чиназе и Ялламе, снова слал письма в Ташкент, но безуспешно: адреса тетушки Мунис так и не узнал, девушка как сквозь землю провалилась. И вскоре понял Акбар тщетность своих поисков, вернулся в конце концов последний раз в Кадамжай, надеясь хоть здесь наконец все-таки что-нибудь разузнать. Но нет, все говорили, что она в родные места не возвращалась да и вестей от нее не было никаких.

Немало минуло времени, пока Акбар окончательно потерял всякую надежду на встречу с Мунис, смирился со своей судьбой. Но жизнь есть жизнь, встретил Айжамал, женился на ней, обзавелся детьми. И с той поры старался гнать из памяти все, что было связано с Мунис: слишком тяжелы были воспоминания. Все так бы и шло в его жизни, если бы не эта встреча с Мубарак, всколыхнувшая прежнее, давно забытое, но, как оказалось, не ушедшее совсем саднящее чувство потери, чего-то несбывшегося. А вдруг девушка, так напоминающая ему Мунис, ее дочь? Может, не зря были переданы те часы на строительство танка? Может, Мунис таким об-

разом хотела дать знать о себе? Неужели она живет где-то близко?

Не ведая о том, что творится в душе наставника, этого представительного, красивого человека, трактористки, собравшись укладываться спать, сидели в свете яркого факела, молча слушали песню, тихонько перешептываясь меж собой. А та, при виде которой у Акбара зашлось сердце, как ни в чем не бывало натягивала порванную струну дутара. Глядя в ее невозмутимое лицо, Акбар-палван твердо решил: «Спрошу! Вот возьму и спрошу. Не сегодня, время позднее, да и к учителю надо пойти, — завтра обязательно!»

IX

Икбар-ая подоила коров и при свете керосиновой лампы на веранде разлила молоко в миски, поставила на полку, прилаженную между двумя балками. Те, что не поместились, пристроила на плетенные из прутьев подставки-кружки, подвешенные к низкому потолку на трех шнурах. Но чем бы ая ни занималась нынче, мысли ее неизменно были обращены к старику Максудали, который все еще не вернулся из кишлака, отправившись туда ранним утром. Плохо стали видеть ее когда-то зоркие глаза, но предчувствия, как и прежде, были сильны, почти никогда не обманывали, так что до сих пор в кишлаке про ая шла молва: видит зверя, шевельнувшегося в своей норе... Вот и теперь она ясно представила себе, как Максудали, намаившись от ходьбы, изведясь в ожидании у чужих дверей, сейчас подъезжает к Аччи, спускается к Шурлаку. Она молилась, прося аллаха, чтобы ее старик благополучно прошел в темноте через узкий мостик среди камышей. Лет десять тому назад место это считалось опасным: бежавшие сюда, в это богом и людьми забытое место, бандиты да конокрады встречали редких ночных путников; случалось, не только грабили, но и убивали. Потом тут поутихло, но с началом войны снова о месте этом пошла дурная слава, не дай-то бог, чтобы Шурлак стал снова прибежищем для всякого сброда. И если бы не потерялась нынче на берегу Бозсу овца, Икбар-ая не тревожилась бы так: волк редко задирает отставшую от стада скотину. На это способен только волк двуногий.

Кто-то постучал в калитку, и мужской голос позвал:
— Дядюшка Максудали, вы дома?

Икбар-ая, еще не увидев гостя, по голосу сразу узнала: это первенец тетушки Масто!.. Кажется, Акбаром зовут. Только он вступился за них со стариком, когда началось позорное выселение из кишлака.

Ая торопливо поднялась, взяла в руку лампу:

— Проходите, проходите, айланай, как в свой дом, не стесняйтесь, дверь открыта!

— Это я... снова беспокою вас. Амаки еще не вернулись?

— Вот-вот должен подъехать. Вы проходите, отдохайте, — с лампой в руках Икбар-ая пошла в ичкари¹.

Манерой ласково произносить слова ая напомнила Акбару мать, и, растроганный, он пошел следом. Еще накануне вечером он наверняка не вошел бы в этот дом, просто не решился: ведь за все годы, а уж более десяти лет прошло после выселения учителя, он, к своему великому стыду, так и не выбрался на Аччи провести переселенцев. Когда-то, может по молодости, он стеснялся немного старушки-провидицы, как в кишлаке прозвали ее. Он и теперь был в затруднении, обдумывая, как бы половчее да поделикатнее передать просьбу матери. Подумает еще Икбар-ая: выселить-то выселили, не защитили вовремя, а теперь, когда понадобилось, вспомнили!

Уж лучше прийти еще раз, когда Максудали-амаки будет дома, хотя, как видно, эта необыкновенная женщина не держит на людей зла.

Конечно, не надо было тогда так горячиться ему в споре с Бурханом, задним числом сожалел Акбар, а объяснить все по-человечески. А что же вышло на деле? Выселили из кишлака тогда несколько семей, и среди них эту добропорядочную, спокойную: дети же лишились настоящего учителя... Бурхан, видно, понимал, что поступил несправедливо, все пытался как-то обелить себя, оправдаться, и даже сейчас, когда заходит разговор о Максудали с Икбар-ая, упрямо твердит, что поступил, как подсказывала совесть. Однако и Акбар не уступает ему, говорит: жестоко поступил, не по закону. А люди стариков этих до сих пор уважают, дом же на Аччи, помнится, строили тогда всем миром...

Накрыв дастарханом хантахту, старушка постелила курпачу. Оба сели.

¹ И ч к а р и — женская половина дома.

— Как здоровье, ая? — ласково спрашивал Акбар. — У амаки все в порядке? Меня-то, ая, вы признали? Мать передала вам салам.

Икбар-ая учтиво приложила руку к сердцу:

— Спасибо, милый, спасибо! Дай бог и вам спокойной старости. Почему это я не узнала вас? Узнала сразу! Ведь в кишлаке соседями были когда-то. Да разве только поэтому помню? А ваше заступничество? Мы со стариком никогда не забудем его! Очень обрадовалась; увидев вас здесь, на Аччи. Как Мاستонхон поживает? Жива-здорова? Как жена, как детишки?

Продолжая расспрашивать, поднялась, поставила перед гостем на подносе сушеный урюк, джиду, достала лепешку из джугары, принесла чай. Акбару стало неловко:

— Не беспокойтесь, ая, я ведь только что ужинал.

— Да какое там беспокойство, айланай! Угощайтесь, милый, чем богаты, тем и рады. Хорошо, что пришли в наши края, с вашей легкой руки и Аччи будет теперь обживаться.

Отломив кусочек лепешки и запив его чаем, Акбар подумал: «Скучает ая по родному кишлаку, по людям, с которыми столько лет прожила. Не приведи бог никому такой участи».

— Мы приехали сюда, чтобы осваивать новые земли и пшеницу на них сеять. Кто знает, сколько еще лет пройдет, пока земли эти обживут люди. А вам, ая, наверное, лучше бы в кишлак возвратиться, не пришло ли время?

— Время-то, милый, может, и пришло, — Икбар-ая опустила глаза и в волнении теребила бахрому дастархана, — но мы-то уже привыкли. Не знаю, как это вам сказать, но свой дом и садик бросить... Да к тому же у дядюшки вашего Максудали не лежит теперь душа к житью в кишлаке. Заведу с ним разговор, только рукой махнет, чтобы прекратила, ругает даже: там, говорит, начальники-то все прежние и, думаешь, мол, ждут не дождутся, когда это мы с тобой, старая, обратно возвратимся? А ведь знаю, милый, будь его воля, ни дня б тут не остался, только меня жалеет, чтоб не обидел кто.

Она подняла на Акбара печальные глаза, покачала головой:

— Придут лучшие дни, может, тогда и вернемся. Ну а если не дождемся своего часа, пусть тогда хоть похо-

ронят нас в кишлаке. Как вы думаете, раис-бобо разрешит нас похоронить рядом с нашими родными?

— Не надо, не говорите так, ая! Хотите переехать в кишлак, давайте поговорим об этом сейчас, не откладывая. Главное, чтобы у вас было такое желание, — голос Акбара дрожал от волнения.

— Спасибо, сынок, на добром слове. Ведь неспроста говорится: половина недели светлая, половина — черная... — Старушка уголком платка вытерла набежавшие слезы.

— А что, — поинтересовался Акбар, — вы так ни разу и не были у Бурхан-раиса? Нет? Надо сходить, ая, обязательно надо! Или он до сих пор косо на вас смотрит?

— Кто-то, слышала я, ходил за нас хлопотать. Но ничего из этого не вышло. Видно, раис до сих пор не хочет, чтобы мы вернулись. Опасается, что ли...

— Опасается? Чего? — Мысли Акбара вдруг стали ясными, приняли иное направление, для него вдруг многое стало понятным, словно после долгих усилий нашел он наконец ниточку, с которой распутывается клубок. — Почему опасается? — переспросил он взволнованно. — Может быть, ая, из-за того, что вы знаете... как был убит Красный Кадыр?

Тяжело вздохнув, Икбар-ая молча кивнула:

— Может, и из-за этого, а может, по какой другой причине. Во всяком случае, когда искали убийцу, пришли тогда и ко мне. А как не скажешь, если я все с о и м и г л а з а м и видела? Ну я взяла да и рассказала.

— Вы?.. Вы всё видели?

Старушка смущенно поглаживала угол дастархана и, задумавшись, пристально глядела на гостя, будто обдумывая, как бы ему потолковее объяснить, потом подняла голову, загадочно улыбнулась. В ее зрачках загорелись теплые зеленоватые искорки.

— Да, милый, многое говорит само за себя. Некоторые в кишлаке думают, что я колдунья. Но что поделаешь, сынок, если я в с е в и ж у? И как потом не рассказать всего, что знаю? И лечить умела, многих на ноги поставила. Одни с головной болью приходили, другие на бессонницу жаловались, третьи — на зрение. А ведь я не колдую, не шаманствую. Я просто хочу помочь человеку справиться с его болью. Не ведаю, какая тайна в моих пальцах, но стоит мне несколько раз прикос-

нуться к больному месту, подержать руки над ним, как человеку становится легче, боль уходит.

Акбар давно знал, что в этой женщине в самом деле живет какая-то непонятная сила.

— Ая, оказывается, вы однажды помогли и нашей соседке Рихсикенной избавиться от недуга? Так?

Икбар-ая смущенно заулыбалась:

— Может, и помогла, голубчик. Но слышала, что болезнь вернулась снова, одолевает ее...

— Да, ая, не спит она, не ест, и мама моя очень просила вас ей помочь.

— Ой, бедняжка! — старушка покачала головой. — Совсем ей плохо, да? Голова болит?

— Да, мама говорила, как подступит боль, хоть караул кричи, даже глаз не может открыть...

— Значит... — Старушка помолчала — Значит... на кого-то очень обиделась, что-то чересчур близко к сердцу приняла. Если можете, привезите ее ко мне...

— Хорошо! Может, кто поедет сюда, попросим проводить на Аччи Рихси.

— Была бы попутная арба, — улыбнулась Икбар-ая, — сама б за ней съездила. Давно не была в кишлаке, почитай, года три...

— В таком случае... арба за мной! — пошутил Акбар.

Снова мелькнул знакомый блеск в ее глазах, и Акбар на мгновение почувствовал себя легким, словно птица: есть, есть в Икбар-ая какая-то тайна, которую простому смертному не дано разгадать.

Фыркнула, заржала во дворе лошадь.

— Наконец-то дождалась вашего дядюшку! — обрадованно поднялась Икбар-ая, чтобы встретить мужа. — А вы сидите, сынок, сидите! Привяжет лошадь и придет.

Послышался кашель и следом шарканье веника — старик обметал дорожную пыль со своих сапог. Открыв дверь, увидел гостя:

— Э, добро пожаловать, Акбар-палван! Как назло, задержался. Не обессудьте! Наверное, вы с девушками еще и не устроились как следует?

Не изменился характер учителя за то время, как покинул кишлак, такой же приветливый, разговорчивый, только постарел заметно.

Икбар-ая взяла с полки глиняную миску и, почтительно глядя на мужа, спросила:

— Рисовую кашу для вас сварила, принести?

— Неси, неси, проголодался я...

После ужина Акбар неторопливо начал разговор:

— У меня к вам просьба, амаки. Не хочется мне де-вушек селить на полевом стане. Холодно, сыро. Если вы не против, пусть они у вас поживут.

— Конечно, конечно, милый, у нас в доме всем места хватит. Надо было вам сразу же прийти к нам, — вступила в разговор Икбар-ая. — И старика моего для этого не надо было дожидаться. Пусть скорее приходят, примем как родных!

— По дороге сюда, домой, я видел, как они там на стане поют, танцуют. Молодость! — вздохнул старый учитель.

С легким сердцем вышел Акбар из дома стариков, подумал: наш Максудали как Адам, изгнанный из рая ради любимой Евы. Наверное, о таких говорят: неразлучны до гробовой доски.

Но откуда было знать Акбару, что несбывшиеся мечты дядюшки переворачивали душу, не давали ему покоя, о них-то он не смел даже и намекнуть своей верной спутнице никогда.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА,

или Продолжение истории

Ах, память, память, как ты жестока, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна!

Идут часы, летят недели, текут месяцы, годы, а он лежит и все молча сносит, вспоминая времена, когда судьба была благосклонна к нему — к нему, Бурхану-счастливчику. Но разве это приносит утешение?..

О, как ему хочется, чтоб прошлое забылось, чтобы перед мысленным взором его не появлялись его верные друзья-соратники! Не щадят воспоминания... Никуда от них спрятаться, не деться, разве только смерть избавит...

Вот уже одиннадцать лет, изо дня в день, из ночи в ночь — эта боль, эти муки, эти страдания...

Б у р х а н с п о р т р е т а. Да, терпеть не мог он меня, этот Акбар: что я ни предлагал, он все отвергал. Даже перед бюро райкома партии растоптал мой авторитет. Как будто у меня не было права сделать добро сыну своего старого друга... Его нетерпимость никогда не знала границ.

Внутренний голос Бурхана. Да брось ты! Помнишь же наверняка, как всегда оказывался неправ, когда тебя ослепляла злость!

Бурхан с портрета. Ну, порой я бывал чересчур строг. Хотел славы больше, чем заслужил. Может, и возгордился когда. Может, в порыве гнева иной раз и поступал несправедливо. Ну а добрые мои дела? Почему все хорошее, что я делал людям, он никогда не признавал?

Внутренний голос Бурхана. Ты имеешь в виду тот случай, когда выручил из беды сына старого друга, Красного Кадыра?

Бурхан с портрета. Разве он был чужим для меня, этот Пулат, сын Кадыра?.. Разве не мой долг был помочь ему тогда?..

Передняя арба устремилась под горку, и, не снижая скорости, переехала мост через Шурлак. Из камышовых зарослей поднялись в воздух насмерть перепуганные шумом фазаны и утки. Занятый своими мыслями, Бурхан с момента отъезда не произнес ни слова, с завистью проводил взглядом птиц.

— Откормились как, а? Жаль, не прихватили ружей,— нарушил молчание учитель Мумин, слегка натягивая вожжи. Человек мягкий по натуре, он никогда не помнил зла.

Бурхан ничего не ответил, по-прежнему с раздражением подумал: «Вон чего захотел! Многим в кишлаке не нравится даже то, как мы по земле ходим... А если еще и с ружьями? Непременно начали бы болтать, мол, все на износ работают, а райс и его парторг развлекаются».

Проехав камышовые заросли, стали подниматься на плато. Отсюда хорошо был виден кусок свежеспяханного поля. Шум тракторов, только что доносившийся с западного склона, теперь переместился на восток. Создавалось впечатление, что там работала не одна и даже не две машины, а по крайней мере с десяток — так эхо, усиливая рокот, обманывало слух.

Дорога пошла наверх еще круче, тени лошадей укоротились и стали отставать от арбы. Глядя на солнце, подымавшееся из-за холма Аджартепе на высоту тополя, Бурхан подумал, что ехали они не очень долго. Но, будь его воля, он ни за что бы не согласился на эту поездку, потому что видеть лишний раз Акбара для него — нож

острый. Да и вообще он как-то не очень отдает себе отчет в том, почему без единого слова возражения согласился тогда, на бюро райкома, засеять эти осваиваемые нынче земли. Легко дав согласие, Бурхан не раз потом жалел об этом. Зачем это ему — подключаться к тому, что начал другой? Не в его это натуре. А теперь, конечно, куда денешься, теперь он должен сеять, убирать, а потом и докладывать, что, мол, так и так, земли, освоенные по инициативе Акбар-палвана Сабирова, засеяны им, Бурханом Артыковым, председателем колхоза «Кизил Шарк» — столько-то положено в землю, столько-то урожая собрано!.. Тьфу, думать даже противно! Делить славу с этим выскочкой!..

На следующий день после бюро Бурхан, спохватившись, решил было переложить все заботы о посевных работах на Мумина, но приехавший на митинг в МТС Хаджибеков, едва увидев раиса, тут же отчитал его:

— Странный вы, оказывается, человек! Чего обиделись на тракториста? Бюро, конечно, поддержало Акбара, но ведь вся работа проводится под вашим руководством. Не какому-то другому председателю, а именно вам доверили ее! Так что же вы еще хотите?

— Э, бросьте! — махнул рукой Бурхан. — Если б поддержали меня хоть словечком, не затеялась бы нынче эта возня с освоением Аччи.

— Вы что ж, обижены, что не прошло ваше предложение относительно клевера? Да? — Хаджибеков с досадой мотнул головой. — Неужели не понимаете, что эту работу можно делать и не советуясь ни с кем? Взяли да потихоньку перепахали бы часть клеверных земель, да засеяли б, опять же потихому, чем выгоднее, — картошкой там... или свеклой. Перевыполняйте на здоровье свой план, кто вам мешает! И если что получится не так или кто-то трепать ваше имя станет из-за этого, обращайтесь прямо ко мне. Это, братец, дело деликатное, и нечего загодя оповещать о нем весь белый свет. Молчком надо, молчком! Толку будет больше!

У Бурхана словно открылись глаза, он вдруг понял, какую выгоду можно извлечь из собственного, загробленного, как сначала показалось, предложения, восхищался сообразительностью председателя райисполкома и одновременно недоумевал по поводу собственного простодушия. Сказал Хаджибекову: простите, мол, уважаемый, все будет так, как вы подсказываете. Тот, конечно, расплылся в улыбке, горделиво приоса-

нился и еще раз напомнил, что если Бурхан хочет по-прежнему быть на виду у первого секретаря райкома, пусть ни на минуту не забывает об Аччи. Следуя этому совету, и отправился Бурхан поглядеть, как осваиваются новые земли. Все же худой мир лучше доброй ссоры! Заметят трактористки его доброту, поймут, что он, не считаясь со своей высокой должностью, лично сам ездит к ним за тридевять земель посмотреть, не нуждаются ли в чем... Но тут же одернул себя: «Хорошо, если поймут. А если нет?»

Доехав до абрикосового сада, Бурхан вспомнил вдруг человека по имени Абдусалим-дервиш, который когда-то, в давние незапамятные времена, построил здесь водочерпалку, по извилистым арыкам поднял воду к этим холмистым местам...

На полевом стане Максудали разгружал арбу, но, увидев подъезжающее начальство, поспешил навстречу.

— Ассалом алейкум, дорогие гости, добро пожаловать!

Глядя на старика, которого давно не видел, на его седую, давно не знавшую бритвы бороду, старенькую вельветовую курточку и поношенную войлочную шляпу, Бурхан улыбнулся в усы. Попадают же вот такие странные, не от мира сего люди, полагают, что человек от судьбы своей никуда не денется. Ведь срок выселения, как ему, Бурхану, помнится, давно истек, а этот чудак и не вспоминает, живет себе отшельником на Аччи со своей знахаркой, заикнуться небось боится. И суетится, суетится, старый, приветствует, не умеет, видать, за душой держать зла. Постой, постой, а может, уж и не такой он благородный? Может, лицемерит? Ведь вчера, как передали Бурхану, он вроде приезжал зачем-то в кишлак, спрашивал в сельсовете Бурхана. Зачем же...

— Вы меня, ата, говорят, в сельсовете вчера искали? — спросил раис.

Максудали смущенно сложил руки на груди.

— В самом деле, таксыр¹, искал. Не хотелось мне, правда, беспокоить вас, но... — старик посмотрел на Мумина.

— Не стесняйтесь его, — кивнул раис на парторга, — свой человек, наш секретарь партийный.

¹ Таксыр — господин.

То ли старику не захотелось говорить при постороннем, то ли не захотел унижаться перед Бурханом, но сразу же повернул разговор в другое русло:

— Пожалуйста, проходите, раис-ака! Я тут полил водичкой, чтоб прохладнее было. Придут трактористы обедать, им приятно будет, отдохнут как следует. У нас еще держится жара... Словно лето...

И в самом деле, после изнурительной дороги зеленый уголок полевого стана казался раем, здесь и впрямь можно немножко отдохнуть, подумал Бурхан.

Гости присели на супу. Максудали, прочитав молитву, расстелил скатерть, принес на подносе ржаные лепешки, джиду, орехи, заварил чай из старого медного самовара с заржавевшим краником и, ласково поглядев на парторга, стал расспрашивать о житье-бытье в родном кишлаке.

— Скажи, Муминтай, матушка здорова? А как твои жена, детишки? Как там... в школе? Наверное, встречаетесь с учителями?

Мумин кивал на каждый вопрос Максудали, краснел, отводил взгляд в сторону, бормотал под нос:

— Встречаюсь домла, встречаюсь, но вы, может, знаете, я ведь освобожденный секретарь...

— А, уважаемый, как это понимать? Значит, школу бросили? Так?

Мумин покраснел еще больше, от смущения растянул в улыбке губы:

— Временно, домла, все это, временно. Вот закончится война, вернусь в школу, если, конечно... Бурхан-ака отпустит.

Раис, как всегда, посмеялся про себя: «Да будь моя воля, хоть сегодня на все четыре стороны!» Однако вслух спросил:

— Что это значит — «отпустит»? Вы полномочный представитель райкома партии в колхозе. Ваше слово для нас закон.

Молодой учитель уловил в голосе Бурхана иронию: видать, раис никак не может переварить выговор, сделанный ему секретарем на последнем бюро. Максудали же, не ведая о сложных взаимоотношениях этих двух людей, засомневался:

— Райком поторопился, так я думаю, — взгляд его скользнул по лицам гостей. — Могли подобрать для партийной работы другого человека. Призвание к учительскому труду так редко в наши дни! Иных, глядишь,

в школе заставляют работать чуть ли не силком. А Мумина я хорошо знаю и давно, он наверняка в школе принес бы больше пользы.

Не скрывая удивления, Бурхан с недоумением поглядел на Максудали, потом на своего парторга.

— Почему вы так считаете, уважаемый? — неожиданно спросил Бурхан.

Мумин опередил ответ старого учителя:

— Когда-то я был учеником домлы в школе... Это он посоветовал мне продолжить образование и отправил учиться в город.

В словах Мумина почудился Бурхану укор: мол, сколько еще учеников воспитал бы домла за это время, если б не выселили. Промелькнула догадка: вот в чем дело, оказывается, не любит меня парторг, за домлу своего обижен. И заметил в сердцах:

— Могли бы, домла, и с парторгом поговорить, когда в кишлак приезжали. Свой человек как-никак, не все же мне решать...

Максудали виновато поглядел на бывшего ученика, тихо ответил:

— Я полагаю, что только вы, Бурхан-раис, можете решить мой вопрос, поэтому и не искал Мумина.

— В таком случае слушаем вас. Мы оба тут перед вами! — Бурхан хотел обратить все в шутку. — А то ведь опять можете не застать нас на месте, коли снова в кишлак припожалуете, — мы ведь все по делам да по делам...

Сняв с головы старенькую войлочную шляпу, старик пригладил на висках волосы, невнятно пробормотал:

— Да тут... хотел посоветоваться насчет моего приемного сына. Сами знаете, у парнишки нет родителей, так что...

— Так, так, — нетерпеливо похлопал себя по колену Бурхан, словно подгоняя старика, чтобы тот побыстрее излагал свое дело.

— Видите ли, я отправил парня к сестре в кишлак, чтобы он там учился, но наш зять, то есть ваш бригадир Рахим...

— Вы хотите сказать, — прервал старика Бурхан, — парня опять записали на рытье канала?

Раис хотел подчеркнуть, что он в курсе дела, все знает и не хочет, чтобы Максудали лишний раз унижался, просил его об одолжении, но старый учитель

вдруг переменялся в лице, улыбку с лица словно ветром сдуло.

— У человека должна быть совесть, председатель! До каких пор ваши бригадиры будут распоряжаться людьми, как хотят? Ну если бы взрослый человек — другое дело, а тут — мальчишка, сирота, а его посылают вместо других на тяжелые работы?!

«И этот туда же, правдоискатель! — ухмыльнулся Бурхан. — Но если что не по нему, напролом пойдет, по взгляду видно, тем более не забыл, конечно, и прежней обиды».

— И это все, ака? — Раис попытался придать своему голосу мягкость, но Максудали будто не слышал, гнул свое:

— Если так дальше пойдет, что же будет? Могут парня и на фронт отправить вместо какого-нибудь своего родственника?

— Ладно! — отрезал Бурхан и, давая понять, что разговор окончен, щелкнул по пустой пиале. — Вашему зятю скажу, будьте уверены, второй раз он так не поступит. А с документами пусть Азиз подойдет к Мумину, там, в сельсовете, все и сделают. А теперь, товарищи, встали! Надо наших трактористок в работе поглядеть.

Бурхан пошел к работающим в поле машинам. Все оглушительнее становился рев моторов, сотрясающий окрестные холмы. «Хорошо, что я не послал сюда Мумина одного! Теперь ясно, что Акбар, парторг Мумин и этот старик — одного поля ягоды. Да, да, никак нельзя сбрасывать аччинские заботы с себя, а то за моей спиной наверняка эти сплуются, найдут общий язык с правдолюбом Акбаром, ну и пойдут разговорчики...»

Бурхан подошел к краю поля, на котором велась пахота, и тут взгляд его упал на парнишку — тот возился недалеко с лошадью. Он тотчас узнал поливальщика Пулата, сына Красного Кадыра, и, не желая встречаться с ним, притворившись, будто не заметил, стал спускаться вниз с холма: в нем все так и заклокотало. «Надо же, неблагодарный! Люди позаботились о нем, помогли выбрать в жены хорошую девушку, а он еще и недоволен. Думал, помочь сыну покойного друга, а вон как оборачивается! Черной неблагодарностью!»

Ступая по пашне, Бурхан оглянулся. Девушки-трактористки чему-то весело смеялись, стоя рядом с Пулатом, а он, подняв ведро почти над головой и отво-

рачивая лицо от пышущего жаром мотора, заливал воду в радиатор. Вдруг одна из трактористок заметила Бурхана, и все, будто по команде, стали оглядываться в его сторону. Поливальщик махнул девушкой рукой, мол, можно трогаться, а сам, не обращая внимания на председателя, сел на свою арбу с бочкой, стоявшую тут же, и покатил к полевому стану.

«Да наплевать мне на твою обиду, малец, — злился раис. — Если не хочешь жениться на этой девушке, это с удовольствием другой сделает, тем более что сват-то кто — сам председатель колхоза! И с изъязном бриллиант не залежится, найдется и на него охотник. Отсрочили призыв в армию, невесту подыскали, а он, дурачок, еще и нос воротит».

Бурхан присел на край борозды, где особенно дурманяще острым был запах влажной земли, сунул руку в рыхлую землю, проверил глубину пахоты.

Странно, земля так горяча, будто впитала в себя все тепло лета, и притом так нежна, так рассыпчата! Бурханом овладело непонятное чувство сострадания к этой земле, словно к живому существу, столь долго тосковавшей по человеческим рукам. Забыв на мгновение обо всем суетном, что снесало последнее время душу и мысли, превратился он в того Бурхана-дехканина, деды и прадеды которого главным для себя считали заботу о земле. И он уже видел перед собой не эту темно-коричневую зябь, а огромное пшеничное поле с колосьями, клонящимися до самой земли; вот оно пришло в легкое движение от знойного ветра, и тени облаков перекочевывали с места на место. Радуюсь урожаю, так зримо возникшему перед мысленным взором, Бурхан затуманенными глазами глядел на степь и покатые холмы Аччи, простирающиеся до берегов Бозсу, вдаль они сливались с горизонтом. «Чьи же эти необозримые пшеничные поля?» — спрашивал кто-то. И с гордостью, распиравшей грудь, Бурхан-раис отвечал: «Бурхан-тукиса, его колхоза «Кизил Шарк», чьи же еще могут быть...» Ведь всей этой гигантской работой руководил он, благодаря его счастливому приходу обрело новую жизнь необъятное поле. Он один из той могущественной когорты председателей, которой подвластно все. Не всякий попробует тягаться с ним, ох не всякий!.. И, гордясь собой, Бурхан сцепил за спиной пальцы, выпрямился, приосанился. Теперь он досадовал на Акбара-тракториста. Зная, что сам Бурхан приехал на Аччи,

тот, однако, еще не показывается на глаза бывшего друга. Ишь гордец! И снова овладело раисом прежнее чувство недовольства. Позади послышался голос Мумина:

— Молодцы наши девушки, раис-ака! Ни в чем не уступают парням.

Парторг кивнул в сторону работающих тракторов.

— Не хуже, не хуже! — нехотя согласился Бурхан. — А почему бы им быть хуже? Ведь учили!..

На полевом стане зазвонил колокол, призывая к обеде, и он не без облегчения вместе с Мумином повернул обратно. Потянулись к стану трактористки. Но один из тракторов, окутанный клубами пыли, подкатил к Бурхану, встал рядом. И тотчас с подножки спрыгнул Акбар, под стать своему железному коню, весь в пыли, словно в муке обваленный. И будто никогда между ними не пробегала кошка, Бурхан пожал Акбару руку, похвалил за хорошую работу. Дальше пошли вместе. А когда совсем уже приблизились к зеленому островку полевого стана, тут только увидел Акбар доверху груженную арбу, улыбнулся:

— О, расщедрился, значит, колхоз! Премного благодарен! Постараемся оправдать доверие. А теперь не откажите, — засмеялся тракторист, — уважьте: на денек-другой оставьте нам, раис, эту арбу, а?

— Имеешь право просить у колхоза все, чего твоя душа пожелает! Арба — это пустяк! — громко расхохотался Бурхан, обнажая крепкие зубы и ощущая себя хозяином положения. Однако, узнав, для чего Акбару понадобилась арба — отвезти в кишлак Икбар-ая к больной Рихси, — подосадовал на себя, что так успешно согласился. Не обманули его предчувствия, снюхался-таки тут с этими стариками, нашел общий язык. Но и он, Бурхан, тоже не лыком шит, этот палван еще попляшет у него.

Настроение раиса снова испортилось, захотелось поскорее обратно в кишлак: стоит увидеть Акбара, начинают сдавать нервы, не в первый это раз. Все можно стерпеть, все, но когда он вот так, как сейчас, отводит в сторонку и начинает резать правду-матку, это уж слишком...

— Ну что, братец Бурхан, просчитался со своим сватовством? — издевательски вопрошает он.

— А? Что?.. Какое сватовство? — не сразу будто понимает раис, о чем завел речь Акбар.

— Очень, погляжу, не терпится тебе женить сына нашего друга!

— Если не мы, так кто же?..— первое пришедшее на ум невпопад отвечает Бурхан.

— А тебе не кажется, что этим ты оскорбляешь память Красного Кадыра?

— Поверь, я... с самыми добрыми намерениями, по просьбе матушки Пулата...

— Добрые намерения!— в голосе Акбара издевка.— Как бы не так! Поди, сам-то никогда б не женил так родного сына? Оскорблением бы посчитал! Говоришь, добрые намерения? А ты вообще-то умеешь ли добро-то другим делать?..

Отвел взгляд в сторону Бурхан, нечего было ему ответить, а говорил Акбар, как всегда, глядя ему прямо в глаза.

Внутренний голос Бурхана. И после всего этого ты возненавидел Акбара окончательно? Ведь так?

Бурхан с портрета. А как, по-твоему, поклониться я должен был ему в ножки, так, что ли?

Внутренний голос Бурхана. Надо было тебе во всем честно признаться тогда, но ты не пожелал, гордыня заела. Как же ты, да вдруг признаешь свою ошибку...

Х

Масуда еле дотерпела до обеда. В полдень, во время перерыва, отозвала подруг в сторонку, рассказала все без утайки.

— Ой, девушки, кого я видела сегодня!— заговорщически зашептала Масуда, кивнув на Саиду, которая, ничего не ведая, мыла в сторонке руки.— Парень, который в кишлаке сох по нашей красавице, сюда явился!

— Что ты говоришь?— испуганно переглянулись девчата и затараторили наперебой:— Не может быть... Откуда тебе известно?.. Смотри, как бы тебе не осрамиться!..

Одна Салима, стиснув зубы, отвернулась:

— Не стыдно тебе, Масуда, клеветать на нее?..

Глаза Масуды наполнились слезами: было горько оттого, что ей не верят, она с мольбой смотрела на подруг.

— Девушки, милые, да честное слово, своими глазами видела!

— Ну что, что ты видела? Только не ври!

— Честное слово, все было именно так... Мы уже начали пахать возле самого Бозсу, и вдруг заглох мотор. Что только не делали — не заводится, и все! Я на стан побежала, чтобы кого-нибудь позвать на помощь. Не так уж далеко отошла, вдруг позади как затарахтит мотор! Гляжу, Саидахон мне рукой машет: все, починили! Спрашиваю — кто, а она в ответ только смеется. Гляжу, какой-то парень спускается к реке...

Как по команде, подруги повернулись к Саиде. Она все еще возилась возле арыка и не замечала, что все на нее смотрят, брызнула водой на Пулата-молчуна и, весело смеясь, пошла прочь.

— А в самом деле, девушки, тут что-то неладно! — многозначительно произнесла Мавжуда, кивая на Саиду.

— Конечно... Иначе она не вела бы себя так.

— Давайте, девушки, сами поговорим с ней, да поостроже! — предложила Мубарак. — Или... расскажем все Акбар-палвану.

— Не надо торопиться, — возразила Салима. — Докопаемся до сути, тогда и решим, что делать, иначе можно и напраслину на человека возвести...

Мубарак пожала плечами, молча пошла к супе. Девушки с мисками шурпы рассаживались вблизи. Обедали на этот раз молча, но у каждой на уме была только что услышанная новость, каждая исподтишка наблюдала за Саидой, а та как ни в чем не бывало подтрунивала, по обыкновению, над подругами, которые почему-то сегодня хранили молчание.

— Что с вами, милые? Будто что-то драгоценное досталось мне, а вам — нет! — смеясь сказала она.

— Случилось, случилось! — первой не выдержала Санобар. — Вот только никак не можем догадаться, тебе что досталось, голубушка!

Все дружно рассмеялись, а Саида, начавшая, кажется, понимать, в чем дело, глянула на Масуду, безошибочно угадав, что именно та наговорила подружкам бог знает чего.

— Ну ябеда несчастная! Погоди у меня! — Еще бы мгновение — и она схватила ее за косу, но та успела ловко вывернуться, отбежать в сторону.

Мубарак резко сказала, будто отрубил:

— Ну, дорогие, довольно, хватит ругаться! Саида, успокойся!

Мубарак была истинной красавицей, характер, правда, у нее был прямо-таки мужской — резкий. Наверное, поэтому подруги, как всегда, безоговорочно подчинились, замолчали.

— Ладно, красавица ты наша, — искрометная Саида в знак смирения сложила руки на груди, — прекратить так прекратить! Как скажешь!

«У всех тут одни мысли, одни заботы, а эта, надо же, умудрилась еще и влюбиться, да еще и не стыдится встречаться украдкой с возлюбленным», — сетовала тем временем про себя Салима.

«Нехорошо получилось, надо было держать язык за зубами, бедная подруга!» — переживала Масуда.

Мубарак же решила: «Хотя стыдно, все надо непременно рассказать Акбар-палвану, а то как бы с Саидой не стряслась беда...»

Мубарак была девушкой решительной и, допив после обеда пиалушку чая, направилась прямо к бригадиру. Тот недалеко что-то искал в металлическом ящике.

Смекнув в чем дело, Саида нахмурилась, встала с супы: неужели они всерьез осуждают ее? Что тут плохого? Ну парень помог ей запустить трактор! Ведь это совсем не просто, если машина не новая, то и дело портится. Хоть она и курсы кончала, не сразу опыт приходит, а он в этом разбирается... Ее же мечтой было совсем другое — она всегда хотела учиться у знаменитой танцовщицы. Но мечта так и осталась мечтой. Едва школу окончила, началась война. Отец и братья один за другим ушли на фронт, заботы о младших легли на плечи ее и матери. Сначала Саида кетменщицей трудилась, но минувшей весной вместе с подругами-одноклассницами пришла в комитет комсомола: решили окончить курсы в районе и заменить ушедших на фронт трактористов...

Когда заглох у Саиды трактор, присела она в его тени, а Масуда на полевой стан пошла за помощью. В это время кто-то тихо появился из-за трактора. Она быстро вскочила с земли.

— Ой, это вы, Азиз? Ну и напугали меня! Как вы оказались тут, в Аччи? — Сердце девушки застучало сильнее обычного, ресницы сами собой опустились.

Парень растерянно улыбнулся.

— Я, Саидахон, прямо с неба упал! Честное слово! Точно, как тогда, помните? — пошутил он.

Как же ей не помнить? Все было именно так! Прибежала она однажды на минутку домой с прополки лука, чтобы завести в тень корову, — ее еще утром на лужке привязала. Своенравная корова вырвала колышек вместе с арканом и прямиком в клеверное поле. Как ни старалась Саида, никак не могла загнать ее домой. И когда упала, споткнувшись, и с рассеченным локтем проливала от бессилья слезы, сидя на берегу сая, увидела вдруг Азиза — вот точно так же, как сегодня! Он появился внезапно, улыбаясь, держа за веревку беглянку. А уходя пошутил:

— Как только вам, Саида, будет трудно, вспомните обо мне. Я тут же и явлюсь...

Сегодня он улыбался ей точно так же, как тогда, и появился в самом деле будто прямо с неба.

— Машина, вижу, совсем вас замучила! Вот я прочу ее за это! — пригрозил он шутливо, щупая рукой свечи. И удивительно, едва сделал несколько оборотов ручкой, как трактор послушно затарахтел. — Пожалуйста, скакун ждет вашего приказа! — старался перекричать шум мотора Азиз.

Саида так обрадовалась, что не нашлась что ответить. Потом неожиданно, уже устроившись на сиденье, вся подалась к нему, приблизила лицо:

— Тысячу раз спасибо вам за то, что упали с неба так вовремя!

Когда трактор отъехал, она еще раз оглянулась: Азиз тоже обернулся, помахал ей рукой, спускаясь к Бозсу.

Как он очутился здесь, куда пошел теперь, что делает у них на Аччи — об этом Саида так и не успела спросить, опасаясь, что кто-нибудь увидит их вместе. И все было именно так. А вот подруги... Даже Акбар-палвану вроде собираются рассказать. А что тут рассказывать?

Саида сердито бросила на землю листочек подорожника, который мяла в руке, подняла глаза и увидела идущего навстречу Акбара. Вряд ли успели уже наядедничать, болтушки, но сердчишко все же екнуло. Девушка потупила взгляд. В голосе Акбара она не заметила ни строгости, ни осуждения:

— А кто он в самом деле, этот парень-то? А, Саида? Чего так смущаешься? — без предисловий начал Акбар.

И тут же невольно в ней родилось желание рассказать ему все как было. Она поглядела на Акбара с нескрываемой симпатией, ответила:

— Одноклассник мой, Азиз! И не смущаюсь я вовсе, ну помог, когда мотор заглох. Вот и все!

— Постой, постой, Саида, — Акбар-палван потер лоб, будто пытаюсь что-то припомнить, — парень этот... не приемный ли сын дядюшки Максудали?

— Да, вы правы! А я никак не могла догадаться, как он очутился тут, на Аччи! — От радостного возбуждения Саида чуть в ладоши не захлопала. — Надо же, сама не сообразила!

Акбар улыбнулся:

— Иди да Расскажи своим подружкам, а то они не-весть что подумали, да не забудь сообщить: Азиз теперь будет работать тут с нами. Поняла?

XI

Трактор развернулся и двинулся обратно, одним колесом уминая след плуга, но едва достиг середины поля, в радиаторе закипела вода и под ее напором сбросило крышку. Акбар-палван выключил мотор. Спрыгнув на землю, огляделся. Девушки давно кончили работать, вернулись на стан. Три трактора, словно привязанные в тени яки, все еще стояли возле абрикосового сада. Пулат, видно, поехал за водой, — его повозки с бочкой не было видно.

Акбар устало опустил на землю и тут вспомнил о лошади, которую, стреножив, оставил у речной поймы. И ее что-то не видно. Куда могла подеваться? Решив заняться трактором чуть позже, когда Пулат подвезет воду, он пошел к пойме меж двух холмов. Но лошади и там не было: будто сквозь землю провалилась.

Он поднялся на самый высокий холм и вдруг под ногами увидел трещину: она рассекала верхнюю часть крутого обрыва. В глубине ее отчетливо выступали белесые, с палец толщиной крепкие корни колючек. Наверное, только эти корни и держат тут почву; не будь их, наверняка склон давно бы осыпался. Акбар повернул было обратно, как вдруг услышал лошадиное ржание. В низине, в самом конце тропинки, под ивой, он увидел свою лошадь: она стояла, прядая ушами, устремив испуганно взгляд на своего хозяина.

— Бедняжка, как же ты туда попала? — невольно пробормотал Акбар и заспешил вниз по извилистой тропинке. Стреноженная лошадь никак сама не смогла туда добраться.

Узнав хозяина, саврасый радостно заржал, замотал головой, пытаясь освободиться от веревки. Кто-то очень крепко привязал лошадь к иве. Пут на ногах не было.

«Какой же подлец это сделал?» — в который раз задавался вопросом Акбар и не мог найти ответа. Подняв голову, еще раз посмотрел наверх, на обрыв, будто там стоял тот, кто привел сюда его лошадь. Но нет, напрасно искал взглядом невесть кого. Только лениво перелетали с места на место дикие голуби, свившие себе гнезда на крутом склоне, да устремлялись на ночлег бесчисленные воробьи, подняв несусветный шум.

Прав дядюшка Максудали; по его словам, с самого начала войны беспокойно в этих местах. Неужели и лошадь дело рук проходимцев, скрывающихся от глаз людских? Если они уж и днем орудуют тут, не боятся воровать лошадей, значит, обнаглели вовсе? А может... может, это кто-то из своих?..

Держа саврасого за повод, Акбар шел осторожно, незаметно оглядываясь. Ему казалось, что вор притаился где-то здесь, рядом, и внимательно следит за ним. На всякий случай он даже потрогал нож, подвешенный к кушаку, стягивающему талию. При слабом ветерке тихо шуршали камыши, в их перешептывании тоже улавливалась тревога. Где-то плеснулась рыбина, будто кто-то вспугнул ее, бросив в воду камень. С тонким вскриком пронеслась чайка.

Акбар с облегчением вздохнул, дойдя наконец до левого стана; привязав лошадь, поглядел на Максудали, сидевшего в одиночестве на супе. Старик так углубился в свои думы, что сразу и не заметил Акбара.

Бросив охалку клевера проголодавшемуся саврасому, Акбар заметил незнакомого человека, сидящего на берегу пересохшего арыка. Похоже, незнакомец был одних лет с Азизом, и где-то, показалось, Акбар уже видел юношу, черты лица кого-то явно напоминали. Но вот кого? Никак не мог вспомнить. Рядом с парнем на толстой нижней ветке дерева висело ружье, и Акбар подумал, что, может быть, это кто-то из знакомых охотников дядюшки Максудали. Но слишком уж молод!.. О, что ж за память, да ведь это племянник Хаджибекова! И зовут его, кажется, Акмалом. Но что он делает тут, на Аччи? Ответив на приветствие юноши, Акбар поинтересовался:

— Какими судьбами к нам, братец? Добро пожаловать!

— Да вот, товарищ Сабилов, приехал в ваше распоряжение, — парень смущенно переминался с ноги на ногу.

Взгляд Акбара упал на подстреленную птицу, что лежала у ног Акмала.

— Ты что, и поохотиться уже успел? — Акбар за крыло поднял птицу. — Это ведь синий журавль! Его запрещено отстреливать! Ты что, парень, не знаешь об этом?

Тот ухмыльнулся:

— Почему это запрещено? Мой дядя не раз добывал к столу таких!

Еле сдерживая гнев, Акбар посмотрел на племянника Хаджибекова.

— Из такой дали ехал сюда охотиться!.. Не нашел места поближе?

— Я ведь специально к вам...

— Ко мне? — удивился Акбар. — Чем обязан?

— Да, к вам.

Акбар смерил парня взглядом с головы до ног.

— А зачем?

— Дядя просил Бурхан-раиса, но тот сказал, чтоб я ехал прямо к вам. Поживу тут, если вы, конечно, не возражаете.

Парень говорил, уставившись на Акбара немигающими глазами, и палван улыбнулся.

— Ну и что же ты собираешься здесь, на Аччи, делать?

— Буду вам помогать, буду учиться водить трактор.

— Ну и ну! — Акбар удрученно почесал в затылке. — А почему не пошел, когда был набор, на курсы водителей?

— Да я пошел бы... тогда, — Акмал смущенно глядел себе под ноги. — Но ведь одни девушки учились на этих курсах...

Акбар, улыбаясь, кивнул на трактористок, отдыхавших в тени абрикосов.

— А ведь и здесь, парень, работают одни девушки! Как же ты теперь-то с ними вместе будешь? А?

— Дядя Бурхан просил, чтобы вы... ну... объяснили им...

— Говоришь, значит, сам дядя Бурхан просил, да? — проговорил палван, думая о том, что знает ведь раис, никогда он, Акбар, не пойдет на такое, и вот пожалуйста, тем не менее отправляет сюда этого парня...

Первым его побуждением было немедленно выгнать племянника Хаджибекова, но что-то удержало от этого шага, он сказал:

— Боюсь, парень, будешь у девчат как бельмо в глазу! Если бы умел водить трактор, другое дело. Когда мне тебя тут учить?..

Вместо того чтобы испытать смущение, Акмал улыбнулся:

— Вы не бойтесь, дядя уже договорился с директором МТС, он не возражает, чтоб я учился здесь на тракториста, а бумагу... он даст попозже.

— Какую такую бумагу?— насторожился Акбар.

— Как какую? Ну как у... вас.

— Как у меня, говоришь?— Акбару вдруг сделалось жарко.— Бронь, что ли, ты это имеешь в виду?

— Вот, вот... бронь!— радостно вспомнил парень.

Теперь уже Акбар сдерживаться был не в силах, процедил сквозь зубы:

— Ах, значит, вот в чем дело!.. Теперь понятно!

Отвернувшись, он окинул взглядом холмы Аччи, необъятные степные просторы. Вот, значит, как! И закон не страшен... Ну ладно, поглядим, как это у них получится. И с Аччи ведь можно дать от ворот поворот...

— Нет, братец, так дело не пойдет! Раис наш ерунду порет! Пусть-ка твой дядюшка сначала по закону, как положено, на тебя все документы оформит, понятно? Вот тогда и приходи.

Акбар круто повернулся. В голове вертелась одна-единственная мысль: значит, вопреки закону, дела стряпать вздумал Бурхан-раис! Ищет случая, чтобы досадить ему, Акбару, показать свою власть над ним! Ну, что ж, поживем — увидим, что из этого у него выйдет!..

XII

Единственный фонарь девчата унесли на кухню, где мыли посуду. Кто-то подбросил хворосту в самовар — из трубы взвилось пламя, повалил дым. Возвратившись из кухни, Мубарак подвесила фонарь к столбу на веранде. Кто-то из девушек, взяв ведро, пошел к пруду.

Пуллат сидел недалеко под арбой с поднятыми на ночь оглоблями. Узнав в темноте Масуду, вскочил.

Прежде, когда учились вместе в школе, при встрече она сторонилась его: не разберешь — то ли недолюбли-

вала, то ли свысока глядела. Но здесь, на Аччи, едва его увидит, вся светится, смущается, глаза опускает. Чудеса, да и только! Если же Пулата нет поблизости, тревожно начинает его искать глазами. Она, конечно, старается это скрывать от своих подружек, но он-то все видит и замечает. Вот и теперь, взяв ведро, заспешила сюда... Неужели и в самом деле ради него? А вода только так, повод? А знает ли она о его помолвке по настоянию Бурхан-раиса?..

— Господи!— вдруг слышит он ее испуганный голос.— Темно-то как! Хотела запастьись водой для утреннего чая!..

Ее волнение тотчас передается Пулату, и, боясь, что она сейчас уйдет, приближается к ней.

— Давайте помогу,— предлагает он, перехватывая ручку ведра рядом с ее рукой, и чувствует, как сладостное тепло ее пальцев передается ему.

Все еще во власти нахлынувших чувств он зачерпывает воду, тихо спрашивает, хватит ли. Она отвечает каким-то незнакомым грудным, приглушенным от волнения голосом «спасибо», спешит вернуться на стан. Ему становится стыдно, что не решился помочь донести ведро.

До него отчетливо доносятся голоса девушек:

— Масуда, поскорей, мы уже уходим к дядюшке Максудали!

— Сейчас, сейчас, дайте только ведро поставить на место!— Она оглядывается. Еще и еще раз.

Когда девушки, перекидываясь шутками-прибаутками, гурьбой отправились на ночевку в домик Икбарая, Азиз поднимается. Пулат слышит, как он спрашивает Акбара:

— Можно и мне, уста-ака, отдохнуть?

— Конечно, Азиз, иди! Пулат вернулся, теперь ты можешь отдохнуть. А я еще немножко поработаю.

Железный человек, думает тем временем Пулат, тракторы устают, но не Акбар-ака: он не знает покоя. Встает чуть свет, до завтрака успевает вспахать хоть немного. А потом еще целый день работает, за трактористками нужен глаз да глаз. То одна машина встанет, то другая... А теперь, вместо того чтобы спать идти, он, видно, намерен еще и от ночи несколько часов урвать...

Опустел стан. Стало тихо. И остался, казалось, Пулат один-одинешенек во всей ночной необъятной степи — он да звезды, вон они, рукой подать. Сидел он не

шелохнувшись, вслушивался в тишину ночи, лишь изредка доносились до него негромкие голоса дядюшки Максудали и Акбара; нет-нет и коснется с легким шорохом его лица мягкими крыльями бабочка, отпрянет в испуге. Где-то неподалеку время от времени крикнет хаккуш, застрекочут кузнечики. И вдруг мимо арбы пробежал какой-то зверь. В нескольких шагах он внезапно замер, понюхал землю, выискивая что-то. На собаку вроде не похож... Может, лиса, думает Пулат, но почему тогда шерсть на боку будто светится? Хотел было сначала запустить в неведомого зверя комком глины и прогнать, но стало жаль: раз к людям, к жилью человеческого потянулся, значит, голоден. Бросить бы ему чего-нибудь съестного...

Спустив ноги с супы, Акбар-палван накинул на плечи платок-кушак. Испугавшись движения человека, зверек стремглав бросился в темноту, и Пулат снова увидел, как вспыхнула искрами его густая шерсть.

— Бедняга!— восклицает Акбар, тоже заметив зверька.— Ведь это лиса! Точно лиса! Первый раз в жизни, верите ли, ака, вижу такую! Красота!

Старик прячет улыбку в усы, дивясь детской восторженности Акбара, кивает:

— Эта лиса редкой, алтайской породы. Хорошая примета — встретить такую! Не каждому на роду написано увидеть ее.

— Значит, вы, дядюшка Максудали, встречали?

— Да вроде встречалась эдак года два-три назад. Видно, облюбовала себе наши места. Не дай бог, охотники пронюхают,— ведь и потомства после себя не успеет оставить! Есть такие любители, надо не надо, лишь бы прикончить, истребить. Э, да что говорить!— в сердцах махнул рукой Максудали.

— На днях иду я, ака, к роднику, а лисица эта, оказывается, обосновалась там, под холмом, будто сама просится охотнику в сумку. Стоило бы вообще запретить охоту на этих лис...

— Когда закончится война, сынок, будет время и об этом подумать, тогда наверняка запретят!— задумчиво говорит Максудали.— Настанет еще такое время, настанет...

Слушая неторопливый разговор этих людей, Пулат невольно вспомнил отца в шинели до пят, человека резкого, вспыльчивого, но умеющего подчинить своей воле других. Таким он и живет в его памяти. Побаивались

Красного Кадыра в кишлаке злые люди, а остальные уважали... Едва отец переступал порог дома, Пулат ластился к нему, взбирался на колени. И все, что было связано с отцом — от черных хромовых сапог, до длиннополой шинели и краснозвездной буденовки,— все нравилось ему до восторга. На руках отца он всегда чувствовал себя безмерно счастливым, и это неповторимое ощущение пронес через годы сиротства, помнил, как отец любил повторять: «Придет такое время, сынок...» Едва он начинал говорить о будущем, все умоляли и слушали. Грустно вздохнув, нередко заключал: «Если же мы этого не увидим, то вы, дети, обязательно доживете до тех дней: ведь все, что мы делаем, делаем ради вас». Говоря так, Кадыр ласково поглаживал голову Пулата, и это ласковое прикосновение не забывалось. В минуты, когда было особенно горько, вспоминал тяжелую, но в то же время такую нежную руку отца. Если бы он был жив, если бы не погиб от рук басмачей, разве пришлось бы кланяться раису?.. А матушка?.. Хочет непременно женить его, будто его завтра в армию забирают, и все ходит и ходит к Бурхану. «Нужна больно мне такая невеста! Видно, раис думает, что я сопливый мальчишка и ничего не понимаю. А еще другом отца считается, как говорят люди. Из-за этой самой невесты людям в глаза смотреть стыдно. Стоит кому-то рядом засмеяться, сразу думаю: не надо мной ли?»

— Пулат, ты здесь? — голос Акбара вывел из задумчивости. — Я в поле, а ты будь наготове.

Акбар-палван пошел к своему трактору.

— Дядя Акбар! А сейчас не нужна вода?

Усто обернулся и махнул рукой:

— Да нет, спасибо, сделаю несколько кругов, а там поглядим, фонарем просигналю в случае чего...

То ли потому, что человек этот когда-то работал и дружил с отцом, то ли потому, что имел необычное прозвище «правдолюб», успел полюбить его Пулат и часто думал, отчего не испытывает подобного чувства к другому товарищу отца, раису Бурхану. Ведь и тот работал когда-то с отцом: все трое, как он знал, были первыми полномочными советской власти в кишлаке, но Акбар совсем другой, в тысячу раз искреннее раиса. Особенно по душе парню, когда в редкие минуты отдыха тот иногда говорит: «Ну, юный Кадыр, как дела? Стал настоящим джигитом, сын своего отца?»

Вчера дядюшка Максудали рассказал, как Акбар из-за него, Пулата, поссорился с райсом Бурханом: мол, если не умеешь добро делать, сказал он ему, лучше и не берись. Хорошо, если после этого разговора расстроится проклятая свадьба...

Вдруг в ночной тишине оглушительно затарахтел трактор, потом на нем зажглись фары, и стало видно, как Акбар-палван обходит машину. Вот его фигура скрылась на миг, спустя некоторое время послышался мерный рокот мотора, и трактор пополз по степи, высвечивая перед собой полосу земли.

Будь на месте Акбара кто-нибудь другой, уверен Пулат, ни за что бы не стал так вкалывать по ночам. Это уж точно! Все равно ведь не успеет сделать всего, уж лучше хоть раз поспал бы в свое удовольствие. Но нет, работает и работает, а когда дядюшка Максудали советует немного передохнуть, Акбар повторяет свое неизменное: «Хоп-хоп!»

У палвана трактор старый-престарый, после двух кругов вода в радиаторе обязательно закипает, и Пулат каждый раз ждет машину Акбара у кромки поля с ведром. Вот и теперь, сидя на краю поля, внимательно следит, когда он, словно одноглазый хищник, развернется в конце пашни и двинется обратно.

Из состояния полудремы его выводит вдруг голос Акбара-палвана:

— Пулат, заснул, что ли?

— Нет!— Парень вскакивает на ноги, не желая признаться, что вздремнул.

— Пошли! На сегодня хватит!

Только тут Пулат видит, что Акбар один, без трактора, спрашивает с тревогой:

— А ваша машина?..

Кажущийся в темноте великаном, Акбар-палван махнул рукой:

— Оставил на том краю, топливо кончилось! Не хотел тебя беспокоить. Наверное, уж за полночь перевалило, как думаешь?

Ну и перепыхал палван, пока Пулат дремал! Даже горячее кончилось.

Идя впереди, Акбар пошутил:

— Как дела? Научился со звездами говорить? Когда подружки рядом нет, они лучшие собеседники!

«Кабы у меня не было других забот...» — с горечью думает Пулат, идя за ним. Акбар-палван оборачивается, остановившись на меже:

— Что-то ты неразговорчив, все молчишь да молчишь?

— А о чем говорить-то? — пожимает плечами парень.

— Сколько уж дней ты тут, Пулат, а нет чтоб по душам потолковать со мной.

«По душам! — усмехается про себя Пулат. — То, что не дает жить по-человечески, разве об этом скажешь? Эх, если бы хватило духу, открылся бы палвану во всем».

— Опять молчишь? Нехорошее это качество — скрытность, — по-отцовски наставляет Акбар и, сделав паузу, неожиданно замечает: — Я ведь все про тебя знаю, брат! Будь моя воля, ей-богу, никогда не согласился бы на эту свадьбу... Поверь!

Слезы невольно навертываются на глаза Пулата:

— Если б вы знали, если б... как мне стыдно! За все!

— Ну, ну... а что ты собираешься предпринять? Ведь не терпеть же такого позора? — Акбар-палван пристально глядит ему в глаза.

— Если говорить честно, дядя Акбар, — голос Пулата дрожит, — не могу больше терпеть! Ей-богу, стыд извел меня; если б не мать, давно бы руки на себя наложил, только ради нее и терплю. Посоветуйте, что мне делать, как поступить... Ведь вы были другом отца!

Акбар положил руки на плечи Пулата.

— Молодец! Не забыл еще, что ты сын Красного Кадыра! Это самое главное. У тебя, думаю, один только выход: идти в армию, не дожидаясь срока, когда призвут. Слава богу, не в пример другим молодым людям, у тебя, оказывается, сильно чувство собственного достоинства. Значит, думаю, быть тебе героем, Пулат!

Парень не сводит с Акбара внимательного взгляда.

— Уйти на фронт я готов хоть сейчас, но как быть с матерью, дядя Акбар? На кого ее-то оставлю?

Акбар крепко обнял парня за плечи:

— Говоришь, готов служить?

— Да, готов!

— Тогда сделай вот что: с утра езжай с дядюшкой Максудали в кишлак. Он все объяснит твоей матери... Сумеет, сумеет! Будь на этот счет спокоен! Потом pomoжешь перебраться ей к нам, Айжамал знает. Понял?

А потом сразу давай в военкомат! Никто не посмеет тыкать в грудь добровольца. А там, на фронте, сражайся как подобает джигиту! Мсти проклятым фашистам! О матушке не переживай, не будет ей плохо у нас, не чужая ведь... Ну как, договорились?

Пулат с облегчением вздохнул:

— Как мне благодарить вас, дядя Акбар! Буду жив, оплачу добром. Вы... вы мне как отец. Правда.

XIII

Азиз и не подозревал, как человека может сразить одно-единственное несправедное слово. А всему причиной Акмал, который, полагаясь на своего дядю Хаджибекова, приехал в Аччи, чтоб избежать призыва в армию, и теперь, после решительного отказа Акбар-палвана, вынужден был возвратиться в кишлак не солоно хлебавши. Уже садясь на коня, бросил тогда Акбар-палвану:

— Он тоже... этот Азиз... работает тут у вас благодаря раису! А я что, хуже?

Если бы в тот момент перед Азизом разверзлась земля, с радостью кинулся бы туда. Наверное, вор, застигнутый на месте преступления, и тот бы оказался в менее щекотливой ситуации, чем сейчас Азиз. Ну что ж, сам и виноват во всем, надо было сразу идти на строительство канала или добровольцем в армию. Нечего было ждать особого приглашения...

Акбар-палван, стиснув зубы, поглядел на Акмала:

— Когда его призовут, — он кивнул на Азиза, — не беспокойся, не чета тебе, от повестки бегать не станет, как ты! Не будет отсиживаться в тихом местечке!

Акмал прикусил язык. Зло ударил плетью коня и умчался.

Азиз снова винил себя во всем. Раз парень сказал такое, значит, и в кишлаке уже злословят в его адрес: мол, дядюшка Максудали перед раисом на коленях стоял, чтобы оставить внука на Аччи работать... Господи, да помоги все это перенести!.. Может быть, как сделал вчера Пулат, уйди добровольцем? Но надо, наверное, сначала все рассказать дядюшке Максудали, а уж завтра прямо в военкомат. Наверняка найдутся в кишлаке желающие заменить на Аччи арбакеша! Только... только что скажет Саида? Поймет ли? Хотелось сказать ей обо всем, душу отвести, а потому никак не мог оторвать

взгляда от трактора, на котором работала Саида. Он уже представлял себе, как с приходом темноты, улучив момент, останется с девушкой наедине и все-все ей скажет: «Ты для меня, Саида, самый близкий человек. Хочешь, чтобы я всегда ходил с высоко поднятой головой? Тогда скажи, что любишь. С меня довольно одного твоего признания, и тогда не то что на канал, на любую работу, на самую тяжелую, трудную пойду. Я ведь не из трусливых...»

Он, столько лет обивавший чужие пороги, нигде не встретил, не испытал такой доброты, которую нашел здесь, на Аччи. Доброту проявили самые разные люди, такие, как дядюшка Максудали, Акбар-палван, которые и на плахе будут говорить правду, не откажут ближнему в слове участия. А разве забудешь чудесный факел, зажженный вечером, в день приезда сюда девушек-одноклассниц? Увидишь раз в жизни такое, и не жаль, что на свет родился! Ей-богу! Это сон, сказка — танцующие девушки при свете факела!.. Именно тогда, в тот вечер, понял он, что любит Саиду, кружившуюся в танце. Он сначала и не узнал ее, белокурую, едва касавшуюся земли в легком движении девушку, а когда понял, кто она, потерял глаза от удивленья и восхищенья. Уж точно это был самый счастливый день в его жизни.

Теперь он понимал, что любовь к ней, оказывается, ослепила его, сделала глухим, поэтому и слова раиса: «Пусть пока здесь поработает» — пришлись ему по душе. Если б он мог предвидеть, какие вызовут слова эти кривотолки, не остался бы здесь ни на день. Но может быть, есть и еще что-то, что прочно удерживает его на аччинских землях?.. Честно признаться, конечно, удерживает. После скитаний по чужим домам, после пережитых сиротских горестей, здесь, на Аччи, он обрел наконец самостоятельность, стал зарабатывать свой кусок хлеба. Теперь можно было и о женитьбе подумать. Ему так хотелось иметь сына, наследника, который не увидел бы в жизни то, что привелось увидеть ему; хотелось, чтобы сын добился того, чего не удалось добиться ему, Азизу. И от одного сознания, что и у него когда-то все будет так, как у людей, сладко замирало сердце...

Рано утром он поехал за водой на Шурлак, а возвратившись на полевой стан, застал там дядюшку Максудали за приготовлением завтрака.

— Как доехал, сынок? Все спокойно? — Он глянул на парня с затаенной тревогой. И хотя Азиз не раз со-

бирался рассказать дядюшке все, что терзало и мучило, теперь, когда представился подходящий момент, почему-то оробел.

— Спокойно, дядюшка,— он присел возле очага, подбросил хвороста, исподтишка посмотрел на Максудали-амаки, подумал: «Если вот прямо сейчас и скажу, не обидится ли? Все-таки не отец родной!» И еще раз посмотрел на старого учителя, который был занят огнем. «Однако... отец не отец, но что-то неуловимо общее между нами несомненно есть!.. — промелькнула в голове мимолетная мысль.— И в лице и даже в фигуре!..» Прежде на это внимания как-то не обращал. Вспомнилось, как однажды пристально разглядывал себя в маленькое зеркальце, когда брился. Да! Конечно, он похож на этого человека!.. Открытие испугало Азиза, он в сомнении качал головой, будто стряхивая наваждение. Нет, не может быть! Если бы он приходился ему отцом, позволил бы столько лет жить в кишлаке у своей сестры-мегеры? Просто он привязан к дядюшке Максудали, ведь у него нет своих детей.

На мгновенье забывший о своих сомнениях, Азиз почувствовал, как настоящее с его заботами снова навалилось на него, и, не выдержав, жалобно протянул:

— Дядюшка, милый, ответьте мне... вот раис оставил меня здесь, а не подумают в кишлаке обо мне чего дурное?

Старик почему-то отвел взгляд и секунду помолчал, потом сказал с виноватой ноткой в голосе:

— Сам видишь, сынок, все некогда мне поехать в кишлак, а то б давно оформил твои документы. А на злые языки не обращай внимания... Так-то лучше будет!..

— Но, дядюшка, ведь не будешь же перед каждым за что-то оправдываться...

Максудали бросил в ведро с водой очищенную картошку, тяжело вздохнул.

— Знаю, знаю, сынок, нелегко тебе,— он сочувственно кивнул.— Если оставишь все и уйдешь, как Пулат, девушкам тут никак одним не управиться. Знаешь, ведь Акбар-палван отпустил Пулата в надежде, что ты-то пока будешь с нами.

— Я вижу, как ему трудно одному, но ведь и мне, дядюшка, нелегко слышать, что я здесь по чьей-то милости. Спасибо, конечно, Акбар-палвану... Вот вы как-то говорили, что мой отец был одним из первых учителей

в кишлаке... Разве к лицу сыну такого достойного человека терпеть такие разговоры? Нет, в тысячу раз честнее пойти добровольцем!..

Максудали как-то странно взглянул на парня, будто хотел сказать что-то, но слова застряли в горле и, почему-то отчаянно смутившись, он отвел взгляд. Бросив в ведро очередную картофелину, выдохнул глубоко, словно дал выход скопившемуся чувству.

— Ну раз, сынок, ты так решил, я посоветуюсь с Акбар-палваном.

Азиз не понял, почему дядюшка колеблется: видно, жалеет его, словно родного, но лучше бы уж отпустил сразу, и делу конец.

Азиз молча поднялся с земли, и все казалось, что старик с сожалением глядит ему в спину, но ни разу он не оглянулся. Обида точила сердце. Слова Акмала засели в голове. Он все твердил и твердил самому себе, что непременно уедет из этих мест, независимо от того, что посоветует Акбар-палван старику. Главное, чтобы Саида поняла. Остальное...

Пристроившись на краешке арбы, он дернул поводья, и лошадь, хорошо знавшая дорогу, пошла в ту сторону, откуда доносился гул тракторов. Почему-то сейчас бескрайние холмы Аччи показались Азизу такими родными. Может быть, оттого, что в лучах солнца они были необычайно прекрасны, а неровные, извилистые берега речки Бозсу, эти холмы темно-коричневой зяби по обе ее стороны, были окутаны таким светлым легким туманом, что сердце замирало. Солнце нехотя покидало землю, источая на прощанье тепло и благодать, и Азиз чувствовал себя под этими лучами легким и свободным, как птица. Единственным его желанием было высказать Саиде все, чем жил последние дни, что тревожило и волновало, что сковывало, убивало в нем живое слово, мысленно обращенное к ней, единственной. Боялся только одного: успеет ли перед отъездом.

Еще утром договорились они о встрече под ишкой, и весь день прошел у Азиза в ожидании вечера. Наконец-то за Аджартепе показалась луна величиной с большую тарелку, облитая багровым румянцем. Девушка уже ждала, он увидел тоненькую фигурку где-то посередине ишкомы, этого живого коридора из дугообразных подпорок для виноградных лоз. И не в состоянии ни слова вымолвить от волнения, едва увидели друг

друга, как бросились в объятия. Лунный свет падал на лицо Саиды, высвечивая таинственно мерцавшие глаза. Сердце бедного Азиза бешено стучало, перехватывало дыхание. Первый раз в жизни он ощутил то, что знал из книг — восторг истинного счастья, не передаваемое никакими словами волнение, чувство сладкого греховного стыда и жгучее желание того, чтобы состояние это длилось вечно. Остро, как никогда, почувствовал он в эти минуты, как прекрасен мир, ведь до сих пор будто не замечал, сколько вокруг красоты и какое это счастье жить на земле, испытав блаженные муки любви.

Но вот девушка, словно очнувшись от сна, тревожно оглядываясь, заторопилась.

— Азиз-ака... пора возвращаться. Мои подружки...

— Но вы ведь только что пришли, Саида! Не уходите, прошу вас!

— Нет, нет, если они снова заподозрят хоть что-нибудь, мне несдобровать, им только попадись на язычок!..

— Не торопитесь, успеете! Теперь когда еще увидимся...

Саида вздохнула, в ее глазах промелькнул испуг:

— Скажите мне правду, что случилось? — Она приблизилась к нему свое прекрасное лицо, и Азиз ощутил свежесть запаха ее волос. Это привело его в еще большее волнение. Ее рука, оказавшаяся на его плече, была невероятной милостью, которую подарила ему любимая.

Наконец Азиз обрел дар речи и, собравшись с духом, прошептал ей на ухо:

— Я уезжаю, Саида. Это решено.

— Как, почему, почему вы уезжаете? Кто так решил? — быстро заговорила она сдавленным от волнения голосом. — Или девчата наговорили вам что-нибудь обо мне? Может, на них обиделись, оттого и уезжаете? — с тревогой допытывалась она. — Да? Поэтому?

— Нет, нет! — замотал он головой. — Я, Саида, завтра иду в военкомат... Хочу записаться добровольцем.

— А что, если все же подождать? Ведь вам еще не присылали повестку? Нет?

— Нет, Саида, милая, я не буду дожидаться повестки. Это дело решенное, поверьте, я не могу поступить иначе...

— Ну хоть подождите, пока мы кончим работать на Аччи, пока в кишлак возвратимся! — глаза ее лихорадочно блеснули.

— Ах, милая моя Саида!— Азиз глубоко втянул в себя воздух.— Будь моя воля, никогда, никуда бы я от вас... Моя мечта — построить дом, сыграть свадьбу и жить с вами в этом доме, растить сыновей... Что поделать, дорогая, почти все мои ровесники там, на фронте, могу ли я оставаться здесь?..— горько вырвалось у него вдруг.

Саида растерялась, ее ошеломило то, что сказал Азиз. В глазах девушки прочел он смятение, тоску, а голос ее прозвучал еле слышно, когда произнесла:

— Если бы я была всемогущей...— Неожиданно она склонила голову ему на грудь, заплакала.— Будь... я... всемогущей... тотчас повелела бы прекратить эту проклятую войну... вообще все войны... навсегда...

Утром Азиз не стал дожидаться, когда все соберутся на полевом стане завтракать, пошел к Акбар-палвану. Тот поднялся, как всегда, ни свет ни заря и уже успел сводить саврасого на речку, напоить перед рабочим днем, вернуться на полевой стан; он совсем не был похож на человека, до полуночи работавшего в поле. «Наверняка он из рода Алпамышей¹, не иначе!— подумал Азиз.— Ведь только таким богатырям неведомо чувство усталости. Коли берутся за дело, семеро суток не едят, не спят, а дело доводят до конца!»

Могучая фигура, широкие плечи, сильные руки, величавая осанка... Акбар и в самом деле походил на богатыря из легенды. Увидев помощника, удивился его раннему приходу:

— Что стряслось, Азизтай, или керосин кончился? Пора уже в кишлак наведаться?

— Нет, дядя Акбар,— покачал головой парень.— Я решил уехать. Словом, хотел сказать...— Потупив взгляд, он переминался с ноги на ногу.

— Так! И долго ты думал?..— Акбар испытующе глядел на парня.

Саврасый, ласкаясь, ткнулся губами в затылок палвана...

— Дядя Акбар, вы же говорили, что отпустите в любой момент.

Акбар привязал саврасого к стволу орешины.

— Говорить-то я говорил. Это верно. Но сам подумай, как отпущу тебя, коли нет пока замены?— Акбар похлопал парнишку по плечу.— Кроме того, братец,

¹ Алпамыш — герой одноименного народного сказания.

и Аччи своего рода фронт. Да! Сам знаешь, ты теперь вместо Пулата... Я, конечно, не против, но сам подумай, подходящее ли сейчас время покинуть Аччи?

Вспомнив все, что говорил накануне Саиде, Азиз прямо мотнул головой:

— Разве вам трудно найти арбакаша? Ведь нехитрое занятие!

— Найти-то, конечно, можно! Но пойми, — Акбар кивнул на бескрайнюю степь, простирающуюся в ослепительных лучах утреннего солнца. — Если сказать откровенно, эта земля — наш плацдарм. Мы тоже, Азиз-тай, не имеем права отступать, пока не засеем эти земли. Не знаю, что ты думаешь на этот счет, но это так. Конечно, если не терпится и если ты все решил... — он развел руками.

В этот момент со стороны Шурлака донесся шум машины. Поднимая на дороге пыль, непрерывно сигналив, она приближалась к полевому стану. Услышав, что кто-то едет, трактористки, только что позавтракав, высыпали на дорогу. Окутанная облаком пыли, машина остановилась. Открылась дверца кабины, из нее выпрыгнул худенький рыдающий мальчик и побежал прямо к девушкам, которые в испуге усталились на него, не заметив появившегося из-за шийпана Акбар-палвана. Всхлипывая, малыш сквозь слезы громко спрашивал:

— Где моя сестра? Где она?

Азиз увидел, как, выбежав из шийпана, где девушки мыли посуду, навстречу мальчику бросилась Саида, обняла его:

— Что случилось? Что? Говори скорее!..

— Ой, осиротели мы, сестра, осиротели! Отец наш уже никогда не вернется с войны!..

Саида гладила вздрагивающие от рыданий плечи братишки, глядя куда-то вдаль, сквозь столпившихся вокруг подруг. Потом, словно прошло оцепенение, она выпустила из объятий брата и, крепко сжав в ладонях его руки, опустила на колени:

— Не спеши, Сабит! Скажи, родной, кто тебе это сказал? Мама или кто-то другой?

Всхлипывая, мальчик помотал головой:

— Нет, нет, никто ничего не сказал! Почтальон Ма-рахмат принес похоронку, а бабушка так заплакала, так запричитала...

— А мама? Это она тебя послала сюда? — трясла плечо брата Саида, пытаясь добиться ответа.

Сабит шмыгнул носом, отрицательно покачал головой:

— Бабушка послала! Привези, говорит, сестру на поминки.

Погладив братишку по голове, Саида снова притянула его к себе, зашептала:

— Не плачь, перестань! Ты же мне веришь? Да? Скажи? Так вот, я тебе говорю, отец наш не погиб! Я не верю! Слышишь, не верю! И ты не должен верить! Понимаешь? Сколько случаев: принесут похоронку, а потом вдруг письмо с фронта... от живого...

Шофер подошел к ним:

— Пора мне: или едем, или прощайтесь... Надо же, сестра-то не верит... Дай аллах, чтобы так оно и было.

Акбар-палван повернулся к Максудали:

— А что, амаки, если и вам вместе с Саидой и ее братом поехать в кишлак? День — не вечность, как-нибудь без вас обойдемся... А там в такой момент без аксакалов тяжело.

— Спасибо... — Саида опустила голову, тихо сказала: — Только... никаких поминок... Он жив, я это точно знаю, Акбар-ака, я на один день... Маму успокою и вернусь.

Саида взяла брата за руку, пошла к машине.

Вот уже и пыль осела на дороге, а Азиз все глядел в ту сторону, куда умчалась машина, и перед глазами еще стояло бледное лицо Саиды.

XIV

Когда, сев за руль своих машин, трактористки одна за другой отправлялись в поле, Мубарак никак не могла отделаться от чувства странной неловкости. Оно охватывало ее каждый раз в присутствии палвана: стоило встретиться с ним взглядом, остаться случайно наедине, и она, девушка не робкого десятка, не знала, куда деть себя, о чем с ним говорить. Вот уже несколько дней она чувствует, что он порывается сказать ей что-то, но, по неясным для нее причинам, то ли не решается, то ли мешают ему кто. И она почему-то с замиранием сердца ждала и страшилась этого признания.

Вот и теперь, когда усто, лежа на спине под ее трактором — он никак не заводился, — подкручивал какие-то гайки, Мубарак молча стояла у рыка, не зная, как себя вести. Казалось, Акбар нарочно тянет время; он

и Азиз уже скрылся из виду на своей арбе, а он все еще не вылезает из-под трактора. Степь благоухала терпким запахом нагретой земли. Но легкий ветерок из степи не в состоянии охладить Мубарак, уж поскорее бы усто запустил трактор и пошел к своей машине, думала она почти с отчаянием.

Наконец-то голова его показалась из-под трактора, он быстро вылез, не спеша обтер ветошью перепачканные в мазуте руки. Спокоен, чуть задумчиво смотрит на Мубарак, и она поспешно решает про себя: нет, и рта она не откроет, даже если он будет настаивать, ведь мама очень просила — ни слова, ни полслова...

Усто бросил тряпку в железный ящик, стоящий рядом, поднял с земли заводную ручку и стал обходить трактор. Мубарак с облегчением вздохнула: слава богу, на этот раз, кажется, не начнет с ней ни о чем разговор. Все-таки он очень сдержанный и добрый человек, не похоже, чтобы мог причинить кому-нибудь зло. Но... мама, мама!..

Словно передались Акбару мысли Мубарак, усто внезапно обернулся, поглядел на нее с мольбой, и в его взоре она снова прочла немой вопрос. Голос был тих, проникновенен:

— Мубарак, скажи, ты случайно не из Ферганы?..

Девушка с излишней поспешностью покачала головой:

— А почему, усто, вы спрашиваете меня об этом?

— Да просто так... — ответил Акбар и опустил глаза, вымученная улыбка едва тронула губы. — Знаешь... ты очень похожа на одну девушку из тех мест... знакомую мне когда-то.

— Я... похожа? — покраснев, она улыбнулась. — Да в Фергане-то я никогда не была...

Сказала и испугалась, запоздало сожалела: «Надо же, и соврать-то как следует не умею!»

Акбар-палван прищурился, пристальнее вглядываясь в лицо Мубарак.

— Мне кажется, ты не местная.

— Вы не ошиблись, усто. Мы с мамой из Зангиата переехали в Кутарму. Когда я была совсем еще маленькой...

Услышав «Зангиата», Акбар переменялся в лице, шагнул к Мубарак:

— Ты сказала, из Зангиата?

— Да, оттуда.

— В таком случае, дедушка, то есть отец твоей матери, случайно... не был лекарем?

Все вдруг поплыло перед глазами Мубарак, но, переборов себя, она неуверенно ответила:

— Нет... усто, вы меня, видно, с кем-то путаете. Наш дедушка мираб¹, все так и звали его — Маман-мираб.

«Ах, напрасно... — запоздало ругала себя Мубарак, — напрасно не сказала, что местная! Не глядел бы на нее теперь так изучающе и с недоверием усто, не споткнувшись она на этой невинной лжи». Взобравшись на сиденье и поправляя косы, уложенные вокруг головы, облегченно вздохнула: «Слава богу, на этот раз пронесло». И как ни в чем не бывало попросила:

— Запустите, пожалуйста, трактор, усто-ака!

Трактор зарокотал, затрясся, Мубарак, успокаиваясь, подумала: какой он учтивый человек, наверное, тысячу раз подумает, прежде чем спросить о чем-то. Другой бы на его месте не церемонился, прямо задал бы вопрос: чья, мол, ты дочь и кто твоя мать. Интересно, как бы она тогда крутилась? Странно, конечно, но мама даже с ней не хочет говорить об этом, что-то скрывает... Между ними, ее матерью и Акбаром, теперь она точно знает, было что-то серьезное, для нее это ясно как день!..

Едва Мубарак включила скорость, как снова услышала голос усто:

— Если что с машиной случится, зови меня!

Девушка кивнула, с улыбкой поглядела на Акбар-палвана; хотелось сказать, что если он рядом, то она ничего, ну совсем ничего не боится. Да разве скажешь ему такое, ведь засмеет после. Какая она все-таки глупая наивная девчонка!..

Мубарак вывела трактор на пашню, спустила плуг и теперь повела машину медленно, то и дело оглядываясь назад, на черную жирную борозду, вся во власти не оставляющих ее дум, вспомнила, как в раннем детстве увидела однажды портрет Акбар-палвана.

...Тогда, в воскресенье, она первый раз в жизни вместе с мамой пошла в Кутарму на выборы. Столько народу она еще никогда не встречала и растерялась от обилия человеческих голосов, drobных звуков дойр, карнаев и сурнаев. Не протолкнуться было и к канато-

¹ М и р а б — поливальщик, мелиоратор.

ходцам: на головокружительной высоте над гузаром¹ они выделывали свои трюки. В чайхане пели и играли на рубаве, а рядом, соорудив из нескольких деревянных помостов сцену, плясали разодетые в красочные национальные платья девушки. А тех, кто по ларькам да лавкам ходил, и не сочтешь. Особенно весело было мальчишкам, вот уж полакомились вдоволь: у кого парварда², у кого пашмак³ в кулаке зажат, у кого за оттопыренной щекой леденец. А от переливов свистулек — хоть уши затыкай!

Мама, проголосовав, вышла из дома, где был избирательный участок, и они вернулись на гузар. На берегу чистого тихо журчащего арыка из маленьких тарелочек ели гороховый суп с жирной бараниной. Вкус этого супа ощущала она порой во рту до сих пор. Потом мать водила ее по лавкам и купила ей пару дешевеньких сережек. Мубарак показалось этого мало, и они отправились еще в одну лавку, но вдруг мама остановилась, увидев на стене дома большой портрет, испуганно вскрикнула:

— Ой, Мубар, погляди-ка, это ведь тот самый человек!

— Какой человек, мамочка, какой?

Мубарак с недоумением глядела то на мать, то на портрет. Словно онемев, та не слышала вопросов дочери, откинула чачван, и, не отводя глаз от портрета, шептала:

— Подумать только, это же он, он!..

Мубарак, ничего не понимая, потянула мать за рукав, — никогда не видела она такой свою мамочку. Ее детское любопытство не было удовлетворено, поэтому она громко и настойчиво требовала:

— Да кто он, мама, скажи же, наконец!

Мать, словно очнулась от какого-то оцепенения, покачала головой:

— Смотри, смотри, доченька, да уж поистине гора с горой не сходится, а человек с человеком... Судьба! Оказывается, он живет тут, совсем рядышком с нами! Большим человеком стал! — В тоне ее Мубарак уловила сожаление. — Голосовала за него и, надо же, сразу не признала!

То ли стало ей неловко перед людьми, снующими мимо и оглядывающимися на нее, то ли стыдно перед

¹ Гузар — площадь, центр поселка, людное место.

² Парварда — конфеты кустарного производства.

³ Пашмак — пирожок.

дочерью, только она вдруг торопливо надвинула на лицо чачван, посмотрела на портрет сквозь темную сетку.

— Мама, пошли, нам же еще в тот магазин! — тянула ее за руку Мубарак.

— В другой раз, доченька, в другой! Хорошо? Оказывается, у нас денег маловато, — отвечала мать как-то рассеянно.

Мубарак то и дело порывалась спросить, откуда она знает того человека, но по выражению лица матери поняла, что все равно никакого ответа не добьется и что ей сейчас не до нее.

С того самого дня мать изменилась, стала немногословной, задумчивой. Иногда Мубарак ловила на себе ее отсутствующий взгляд, частенько шептала как-то тихо и странно: «Надо же!.. И кто мог подумать...» Нет, никогда не была ее мать такой. Но прошло какое-то время, и внешне как будто все стало на свои места: повседневные заботы, навверное, отвлекали маму от грустных мыслей, казалось, была совсем забыта странная встреча с портретом неизвестного человека, но случай тот настолько поразил детское воображение Мубарак, что однажды она решилась спросить у матери, кем все-таки был для нее тот человек. При свете крохотной коптилки мать латала ее старенькое платишко, на вопрос дочери подняла грустные глаза, сдержанно ответила:

— Обыкновенный человек! Видишь ли, в молодости я была немного... с ним знакома. А теперь он стал знаменитым. Дедушка твой лечил его неделю-другую, теперь уж и не вспомню сколько. Ведь с тех пор столько воды утекло...

Вспоминая все это, Мубарак невольно поглядывала в сторону Акбар-палвана. Он зачем-то догонял ее трактор, шел следом. Солнце припекало нынче не так сильно, ветерок с Бозсу навевал покой и тишину, поэтому горячее дыхание мотора переносилось легче.

С некоторых пор Мубарак и сама кое о чем догадывалась, не маленькая ведь. И неспроста спросил Акбар-палван, не лекарем ли был ее дедушка. Хорошо, что она вовремя нашлась что ответить. А что бы случилось, ответь она утвердительно? Вот уж досталось бы ей от матери! Но, может, все-таки зря неправду сказала?

Мубарак вдруг вспомнила, как она в первый раз увидела Акбар-палвана. Перед отправкой на Аччи все девушки собрались около террасы старой мечети, где МТС размещалась. И неожиданно тот самый человек

с портрета — она сразу узнала его — направился прямо к ним. Мубарак от удивления замерла. Открытый взгляд, широкий лоб, задумчивые глаза с налетом печали были так знакомы ей, что она чуть было не вскрикнула: «Мама, да это же тот самый... депутат!» Хорошо, что стоящая рядом мать больно сжала ее локоть, предупредила!

— Мубар! Мубарак!..

...Неожиданно кто-то закричал, перекрывая шум мотора. Она оглянулась, увидела бегущего к ней прямо по пашне усто и подающего какие-то непонятные знаки. Перепугавшись до смерти, не зная что делать, Мубарак машинально глянула вперед и обомлела: ее трактор, оказывается, пересек границу пашни, выехал на берег Бозсу и теперь полз вниз, прямо к обрыву. Растерявшись, девушка пыталась повернуть руль, но тщетно: что-то с ним случилось, и у нее не хватало сил справиться. А расстояние до реки медленно сокращалось, уже виден был холодный блеск воды, готовой поглотить ее вместе с машиной. И Мубарак в отчаянии, оторвав руки от руля, крепко прижала ладони к глазам. «Все! Конец! Прощай, милая мамочка!»

Повелительный окрик заставил ее оторвать ладони от глаз:

— Мубар! Мубар! Прыгай! Прыгай, кому говорят!

И вдруг рядом увидела она Акбар-палвана: он бежал в каких-то двух шагах, протягивая ей руки, снова что-то кричал. Собрав остатки сил, она с трудом оторвалась от сиденья. В следующее мгновение ощутила, как ее подхватили сильные руки Акбар-палвана. А через несколько секунд трактор исчез за краем обрыва, и оба услышали оглушительный всплеск воды.

— А-а-а-а-а-а! — в ужасе закричала Мубарак.

Крепко прижав голову девушки к груди, Акбар-палван гладил ее волосы, плечи, успокаивал словно ребенка:

— Ничего... Не бойся!.. Все самое страшное позади. Жива — это главное. Хорошо, что все обошлось так... А если бы и ты вместе с трактором? Что я сказал бы тогда Мунис?..

Судорожно обхватив Акбар-палвана за шею, Мубарак вся дрожала. Неужели беда миновала ее?..

Ранним утром дядюшка Максудали колол дрова, но вдруг свело поясницу, и он, еле распрямив спину, увидел, как со стороны Шурлака приближается всадник. В душу почему-то закралась тревога: кто это в такую рань?

Всадив топор в пень, Максудали подошел к арыку, ополоснул руки, вытер о бельбаг и снова стал вглядываться в приближавшегося всадника. Ах, какой конь, какая масть! А ноги — какие красивые, стройные! Хоть на край света на нем! Видать, кто-то из районного начальства, не иначе. Хотя вряд ли, начальство — оно ведь в одиночку не ездит. Его непременно свита сопровождает...

Пока старик потуже подтянул кушак да через арык перебирался, всадник тем временем подъехал совсем близко. Что-то знакомое угадывалось в нем по годам расплывшему седоке. Хоть убей, никак не мог вспомнить Максудали, кто он такой, но приличие требовало, и он, приветливо поздоровавшись, протянул руку к уздечке:

— Добро пожаловать, дорогой гость!

Всадник будто не услышал его, молча скользнул взглядом, не счел нужным даже кивнуть в ответ. Вытаскивая ногу из стремени, пыхтя как паровоз, наконец выдохнул:

— Ну и занесла вас нелегкая сюда, прямо край света!

Смущенно пробормотав что-то невнятное, будто и в самом деле был виновен в том, что поселился на Аччи, старый учитель повел коня в тень, но тот упирался, упрямо тянул старика в другую сторону.

«Ох и разгорячилась животиная, не надо бы ей сейчас воды», — подумал старик, придерживая лошадь. Это разгневало гостя:

— Дайте же ему воды, не видите, как пить хочет? — в нетерпении прикрикнул он. — Совсем вы тут одичали, ота, законы гостеприимства забыли — напоить, накормить и коня, и всадника...

Старый учитель обиделся, хотел махнуть рукой и на коня, и на его хозяина, но пожалел скотину. Знает ли этот толстопузый, что прекрасный конь может запросто скопытиться, коли его сразу напоишь вдоволь после дороги?..

— Пусть немного поостынет, вода-то рядом, успеется!..

Гость смерил старика с головы до ног взглядом: мол, ну и строптивый же ты, дед!

Засунув плеть за голенище сапога, неожиданный визитер направился к полевому стану. И хоть сразу не полюбился он старику, тем не менее — гость, как говорится, святее отца родного. Поспешив следом за ним, старик расстелил курпачу, накрыл дастархан, заварил чай, налив в пиалушку, протянул гостю:

— Угощайтесь, дорогой!

Приезжий даже не поблагодарил ради приличия за хлопоты. Сопя, громко отхлебывал и, осушив пиалу до дна, сбросил с плеча ремень сумки, напоминающей толстый планшет налогового инспектора. Бросив сумку на хантахту, ни с того ни с сего спросил:

— Ну, ота, что у вас тут вчера стряслось? Думаю, не откажетесь дать показания?— Взгляд его, сверлящий, пронизывающий, заставил дядюшку Максудали растеряться.

— Что могло случиться?— пробормотал он недоуменно.

— Не прикидывайтесь, ота, простачком, этот номер не пройдет!— гость бросил пиалу на курпачу.

— С какой стати мне скрывать?— Максудали пожал плечами, так и не разгадав, с какой миссией прибыл на Аччи этот человек.— Скажите, пожалуйста, кем вы сами-то будете и что нужно от меня, сынок?— с обидой в голосе спросил учитель.— Мы люди маленькие, не все начальство нам знакомо...

— Я-то?— с насмешкой переспросил гость.— Неужели не узнаете? Ну-ка, ну-ка, припомните!..

— Кого-то вы мне напоминаете, но никак не вспомню кого!— Старик почесал затылок, пытаясь вызвать в памяти, кто же это мог быть.

— Из Мирджумана я, вы должны знать, я сын Амил-ака.

— Амил-ака... Амил-ака...— Максудали было знакомо это имя.— Уж не того ли Амил-рыжего, который живет на улице Тегирман?

— Почему это Амил-рыжего? Я же, как видите, смуглый, разве у рыжего может родиться смуглый? Ну вы даете, ота!

— Тогда постой-постой!.. Тогда ты сын Амил-арслана, что на гузаре живет! Верно?

Пуще прежнего залился смехом гость, ударил по колену:

— Простачком продолжаете прикидываться, ота, будто никогда не имели дела с моим отцом! Ну-ка вспомните хорошенько: когда вас выселяли из кишлака, кто провожал вас до окраины? А? Забыли?

— Ну так бы и говорил сразу, что ты сын Амила-негодяя! — разочарованно протянул старик.

Оборвав смех, гость переменялся в лице:

— Ну и ну! Получается, что каждый, кто на коне, для вас уже негодяй? — глядя исподлобья, процедил он сквозь зубы.

— Да не обижайся ты, сынок, — оправдывался старик. — Это я так, к слову вспомнил. Ты-то сам вроде участковым нашим был?

— Сейчас я в райцентре следователем работаю, — выдержав для солидности паузу, сообщил гость. — И прошу впредь выражаться при мне более культурно!

— Гляди-ка! Оказывается, не зря народ говорит: куда конь не доскакал, доскачет его жеребенок!

— Давайте, ота, прекратим этот разговор, не относящийся к делу! — Взгляд следователя сделался суровым. — Рассказывайте лучше все по порядку. Так что тут у вас произошло вчера? Как это вдруг трактор упал с обрыва? Кто сбросил его в речку?

Старику стало не по себе от этих вопросов. Не за себя он испугался, за Акбар-палвана. Однако ответил как можно спокойнее:

— Станный вы человек, следователь, кто же это нарочно будет сбрасывать трактор с обрыва?

— А как же иначе может случиться, что трактор, который пахал землю, вдруг, ни с того ни с сего, отъехал с поля и сорвался с обрыва? Кого вы, ота, пытаетесь обманывать?

Немного подумав, старик вдруг ответил:

— А все очень просто — трактор потерял управление. А девушка, бедняжка, растерялась, перепугалась до смерти. Хорошо, Акбар-палван оказался поблизости, не то б не миновать беды...

— Ну и ну! Девушку спас! А трактор?..

— Если бы Акбар-палван мог, наверное, спас бы и трактор, да, видно, не смог, — простодушно сказал Максудали.

— Постойте, постойте, ота! Как же девушку-то удалось ему спасти? — Гость заговорил быстро, торопливо,

ему казалось. будто уже ухватил он кончик веревочки от этого запутанного клубка. Но старик не усмотрел в его интонации ничего особенного и продолжал даже с некоторой гордостью за Акбара:

— Ведь еле-еле успел добежать наш палван! Бросай, кричит девушке, трактор, сама прыгай!.. Кабы не он, Мубарак наша вместе с трактором полетела бы прямо в реку.

— Молодец, так бы и говорили сразу!— Гость повеселел. Быстро записывая что-то в свой блокнот, переспросил:— Значит, так и сказал: бросай, мол, трактор и прыгай сама? Да? Вы это подтверждаете?

Максудали похолодел, только теперь поняв истинные намерения гостя. Ошеломленно смотрел на него несколько секунд, потом спросил:

— Ну и что, если так сказал? Девушка же на краю пропасти была...

Гость ухмыльнулся:

— Ну и ну, какой герой! Девушку спасти сообразил, а вот государственное имущество, значит, пропадай? Так, что ли? На языке юриспруденции знаете как это называется? Вре-ди-тель-ством!

Этого старый учитель уже не мог стерпеть.

— Вредительством, говоришь? Значит, по-твоему, наш Акбар-палван вредитель? Ну, это ты брось! За такое тебя аллах накажет!

Глаза гостя гневно сверкнули:

— Прекратите скоморошничать! Не к лицу это пожилому человеку! Вы ведь сказали правду, а теперь спорите со мной! Я ведь записываю все, протокол веду! Так не годится, ота!

Максудали не выдержал:

— А ты, пожалуйста, не выворачивай мои слова назнанку!

— Я и не выворачиваю! Как говорите, так и пишу!

— Нет, выворачиваешь, толкуешь их, как тебе охота. Повторяю тебе: он понял, что трактор уже не оставит, вот и крикнул ей: «Прыгай!..»

— Постойте, постойте! Вы же сказали, он крикнул: «Бросай трактор!» Так?— Следователь приблизил к Максудали лицо, не спускал с него глаз.

— Да, говорил,— подтвердил старик, все больше нервничая.

— Вот это я и хотел узнать!— щелкнул пальцами следователь и, довольный, рассмеялся.

— Но... говорил это Акбар-палван... не в том смысле, как ты толкуешь! У тебя, следовательно, все шиворот-навыворот! — закричал в сердцах Максудали и вскочил. Поднялся и следователь.

— Не пытайтесь выгораживать Сабирова! Знаете, сколько лет дадут за ложные показания?

— Иди, иди себе, меня не испугаешь! Пугай лучше своего отца. Бессовестный! — Максудали решил, что ни слова больше не услышит от него этот пройдоха, и зашагал прочь.

— Ну и ну!.. — ошеломленный гость поспешил за ним. — Пойдите, прошу вас... Вот здесь подпись свою поставьте!

Старик оттолкнул его руку:

— Убирайся прочь! Ничего я тебе подписывать не стану! И как только таких, как ты, земля на себе держит?!

Застыв с ручкой и блокнотом в руке, следователь в недоумении потер ухо: пожалуй, от упрямца толку больше не добьешься.

— Ладно, передайте своему Сабирову, пусть сейчас придет к обрыву, туда, где все это случилось! — распорядился напоследок начальственным тоном и взял лошадь под уздцы.

Откуда только такая беда свалилась?

Старый учитель с неприязнью глядел в спину следователя, который пошел в сторону Бозсу. Теперь и конь его казался Максудали не таким уж прекрасным, как поначалу; говорят же ведь: каков конь, таков и всадник... Да, не зря, видно, подобрал себе лошадь черной масти.

А немного времени спустя, идя к односельчанам в степь, туда, где работали тракторы, Максудали недоумевал уже по другому поводу. Случилось происшествие на Аччи вчера после обеда. Так каким же образом в кишлаке и райцентре все так быстро стало известно, и следователь успел прибыть ни свет ни заря? Помнится, Акбар-палван только-только отправил Азиза в МТС... Или этот малый с начальством каким переругался? Может, Бурхан просто-напросто мстит Акбару за недавние пререкания с ним?.. Ну не дай-то бог, а то ведь так повернут дело, что и вовек не отмоешься, чего доброго, и в тюрьму упекут...

Еще издали завидев Максудали, палван остановил трактор.

— Стряслось что-нибудь? — будто сердцем предчувствуя неладное, спросил учителя.

Старик, как мог спокойно, объяснил:

— Следователь приехал, интересуется вчерашним... Сейчас ждет там, на обрыве.

— И что говорит?

— Не хочет верить, братец, что вы никак не могли остановить трактор.

Акбар-палван нахмурился, задумавшись, отчего-то покраснел до корней волос.

— А, да пусть его не верит! — махнул он рукой. — Приглашает, говорите? На дознание? Дознание на месте преступления, так это, кажется, называется на ихнем языке.

Старик кивнул.

— Ты только, Акбар, не спорь с ним, ради всего святого! Не человек он, беда!

Акбар в ответ грустно улыбнулся.

— Беда не беда, но если увидит, что запугали, чего только не придумают еще! — махнул рукой и размашисто зашагал по полю.

Пока старик думал, пойти ему с ним или нет, к нему подбежала Мубарак, от волнения на девушке не было лица.

— Дедушка, милый, что случилось?

— Приехал следователь, доченька, и нам, наверное, тоже надо пойти туда, — сказал в нерешительности Максудали.

— Значит, во всем обвиняют усто, да? — спросила она.

— Да, милая, что-то вроде того!..

Всегда решительная, но сомневающаяся Мубарак неожиданно растерялась.

— Дедушка, что же теперь будет-то? Заберут усто, да?..

Чуть не плача, она все задавала и задавала один и тот же вопрос и сама же себе отвечала:

— Ведь это по моей вине случилось! Зачем же его-то винить? Из-за меня все! Вы скажите тому человеку об этом. Скажете?

Старик пожалел Мубарак:

— Успокойся, доченька, успокойся! Вот увидишь, ничего с ним не сделают. Ну случилась беда, разве в чем Акбар-палван виноват? Давай и мы с тобой пойдем туда.

Коли надо будет, заступимся. Только успокойся. Вот так! Утри слезы-то.

Приближаясь к месту, где случилось несчастье, они услышали, как громко пререкались меж собой следователь и Акбар-палван.

— ...А сейчас ведь знаете какое время, товарищ Сабиров?— голос следователя от напряжения готов был сорваться.— Работника еще худо-бедно найти можно, а вот с тракторами туго!

— С каких это пор, товарищ следователь, в нашем государстве железка стала дороже человека?

— Так, по-вашему, товарищ Сабиров, его можно сбрасывать с обрыва, да?

— Постой, постой! Если трактор свалился по моей вине, и вытаскивать его не тебе, а мне! Так ведь?

— Так,— неожиданно согласился следователь.

— А если так, то ступай себе отсюда и не мешай нам работать! Знаю, кто тебя сюда прислал! Так вот, иди и скажи этому человеку: все будет сделано, как надо.

— Так-то оно так, но я не могу записать в протоколе, что это несчастный случай. Вы ведь даже и не пытались спасти трактор! Да еще кричите на меня тут! И трактористке советовали, говорят, бросить машину. Кстати, не та ли это девушка, которая была на тракторе?— кивнул он на подошедшую Мубарак.— Скажите, ведь так это и было, сестра? Верно?

— Да, вы не ошиблись, я была на тракторе,— Мубарак снова обрела вдруг присущую ей решимость.— Э, да что вы тут такое говорите? Что в е р н о? Повторите-ка еще раз!

Девушка пошла прямо на него, и вид у нее был самый грозный, так что следователь попятился:

— Ну и ну! Да что я такого сказал? Только хочу узнать правду! Как все было...

— Ах, вы хотите узнать правду? А то, что вам сказал дедушка Максудали, это, по-вашему, что, не правда? То, что говорил усто, это, по-вашему, тоже не правда?.. Да, по моей вине свалился трактор с обрыва! Или вам хотелось, чтобы и я вместе с ним пошла ко дну? Этого хотел? Этого хотел?

Гость из района оторопел. С невероятной для его тучной фигуры ловкостью вскочил в седло:

— Мы с тобой в другом месте поговорим! Молода еще меня учить! Молода!

Но девушка уже не могла сдержать гнева:

— Подумаешь, испугалась! Да лучше мне вовсе не жить, чем существовать в вечном страхе перед такими!— Сгоряча она схватила отвердевший кусок глины и запустила им в гостя.— Сгинь, сгинь с моих глаз, негодяй!

Глина попала в лошадь, и та, вздрогнув всем телом, понесла всадника.

Никто из оставшихся не мог себе представить, чем кончится вся эта история, к каким последствиям приведет.

Ведь мы никогда не знаем, что нас ждет завтра.

XVI

Неустойчива погода в этих степях осенью: то выглянет ослепительное солнце, то набегут откуда ни возмись черные тучи. Только что вроде небо было ясное, и вдруг все погружается во мрак.

Оставив свой трактор девушкам, Акбар-палван пришел на полевой стан и только теперь решил позавтракать. Рассеянно скользил взгляд по абрикосовым деревьям, облакам в небе, пролетающему клину журавлей. Но перед мысленным взором усто стояло одно: опрокидывающийся с обрыва трактор... который камнем рухнул на илистое дно Бозсу. И прикидывал теперь так и сяк Акбар-палван, как бы сподручнее вытащить трактор: то ли подцепить его тросом и тянуть, то ли несколькими тракторами сразу? Трос, конечно, врежется намертво в край обрыва... Так... Ну а если чигирем? ¹ Но вытянет ли чигирь, вот в чем вопрос.

Забыв про чай, он встал и хворостинкой стал вычерчивать на земле план предстоящего подъема. Здесь обрыв, тут трактор. Где устанавливать чигирь? А что, если их будет два, если двумя тросами сразу? Осият ли? Шутка ли, вытянуть такую махину!

Бросив хворостинку, Акбар углубился в раздумья, глядя на чертеж. Получится ли? А если нет? То-то возрадуется Бурхан! Он-то, ясно, хочет воспользоваться случаем, чтобы заставить его замолчать, не вмешиваться в их грязные делишки... Ведь не зря тут же следователя прислал! Ты, мол, не хочешь плясать под нашу дудку, так вот тебе, голубчик, пеняй на себя!

¹ Чигирь — трос.

Предавшись столь невеселым мыслям, Акбар не сразу заметил, как на Шурлакской дороге, поднимая пыль, показалась машина, а когда остановилась у полевого стана, где в этот час не было ни души, из нее высыпало несколько человек. Кто же это на сей раз пожаловал? Если прибыли сеять... вроде людей маловато. Может, Зорин послал? Судя по одежде, не похоже, чтоб работать приехали. Ну так и есть! Знакомые, оказывается, лица. Вот кто пожаловал! Ведь это Яхъя собственной персоной! А с ним люди из сельсовета, все прихлебатели Бурхана. Что за оказия!..

Пока Акбар соображал, что к чему, дело приняло совсем уж непонятный оборот: из машины выгрузили живого барана, какие-то мешки, ящики. Неужто в такое время затевают сабантуй? И кто хозяин этого пира? Господи, да совсем стыд порастеряли, на виду у девчат пьянствовать собираются...

Сердце Акбар-палвана зашло от приступа досады, и он совсем было отвернулся, чтобы ничего этого не видеть, как его окликнул Яхъя:

— Эй, усто, здравствуй, куда это наладился? Погоди? К тебе гости пожаловали, да со всем готовым, сейчас плов соорудим — вон и барашек черненький... а ты от нас, словно от прокаженных, шарахаешься, нехорошо!

Хотелось Акбар-палвану ответить похлеще, побольнее, но разве Яхъю чем проймешь, и он лишь сдержанно усмехнулся.

Подойдя к Акбару, Яхъя развел руками:

— Нам одного слова райса достаточно, сделаем все как надо! Пара пустяков!

Акбар прищурился, улыбаясь:

— Знаем, предан хозяину!.. Наслышаны!

Яхъя не почувствовал желчи в словах, закивал соглашаясь.

— А как же, иначе нельзя!

Тем временем Максудали вскипятил чай, все расселись на супе за дастарханом. Учитель поинтересовался:

— Одни к нам пожаловали или... с руководством? А, Яхъя?..

— Как же, одни! Сам председатель райисполкома товарищ Хаджибеков пожаловал к вам, — гордо ответил посыльный, давая понять, что не всякому готов служить. — Сейчас они вместе с райсом Бурханом охотятся на Шурлаке. Говорят, уток этой осенью видимо-невидимо. Вот-вот уж должны появиться. Заодно хотят прове-

ритель, как у вас работа идет. Выполняете ли план. А потом выпьем тут у вас на полевом стане по пиалушке чая...

— А тот черный баран, он... к пиалушке чая? — рассмеялся Акбар-палван.

— Это ты уж хватил, братец. К чему клонишь, не пойму я что-то? Все это по распоряжению раиса вам предназначено, а мы-то всего-навсего возле чужого костра руки погреем! Так-то, братец! — Он угодливо захихикал, и плоское лицо его расплылось, жирные щеки почти закрыли щелочки глаз.

— А-а-а-а, так, значит, это вы для нас так стараетесь? Мирзагани-певца привезли тоже для нас? — Акбар кивнул на человека в ярком халате, одиноко стоящего чуть поодаль от машины, но Яхъя и тут вывернулся:

— Уж не обессудь! Теперь и вы вместе с нами погреете руки!

«Ну и лицемер этот Бурхан! — подумалось Акбару. — Не далее как вчера раис присылал следователя, а сегодня решил пир тут устроить! Нет, нечисто здесь что-то. А не хочешь ли ты, братец Бурхан, словно бы случайно показать Хаджибекову наш трактор, свалившийся с обрыва?»

Между тем повара орудовали уже вовсю, возились возле котла. Зарезав черного барашка, мясник свеживал его, подвесив к дереву. Акбар-палван задумчиво наблюдал за суетой.

— Да, всем хочется пожить на этом свете! Но одни живут достойно, терпеливо сносят беды. Другие же, словно сорняк, опутывают все живое и порой просто сил не хватает, чтобы вырвать его с корнем, — вполголоса проговорил он, вроде бы ни к кому не обращаясь.

Яхъя не мигая уставился на Акбара.

— Кого это ты имеешь в виду?

— Кого же, как не тебе подобных? Сейчас у вас крепкая опора — раис. Но что с вами станет, когда опоры этой лишитесь?

Увидев, как испугался Яхъя, а может, только сделал вид, похлопал его по плечу, пошутил:

— Да не трись ты, братец! Не трись! Твой председатель еще не скоро погонит всех вас взашей! Вы ему еще нужны!

— Все беды человеческие, ей-богу, от языка! — сокрушенно покачал головой Яхъя. — А у тебя, Акбар, на языке один яд! Так что и ты берегись!

— Да что ты говоришь? — усмехнулся Акбар и встал. — Ну ладно, пошел, а то вот-вот придут с охоты уважаемые гости, а я не желаю быть у них бельмом в глазу.

— Эх, братец, кабы не твое упрямство, золотым бы был человеком! Не спал ли ты в детстве случайно под орешинкой?¹ Сам ведь знаешь, начальству угождать надо, а ты всегда наоборот делаешь — поперек горла стоишь...

— Не всем ведь повезло родиться с лисьими повадками, — улыбнулся Акбар, накидывая на плечи промасленную телогрейку. Понимал, что дразнит Яхью и тот, несомненно, передаст все слово в слово своему повелителю, да еще и посоветует проучить строптивого как следует.

Совсем недалеко отошел Акбар от полевого стана, как увидел всадника в белой фуражке, едущего вдоль берега Бозсу — как раз к тому месту, где случилась беда с трактором. Сердце Акбара екнуло, но вдруг он узнал по посадке фигуру директора МТС. Как будто с неба упал! Зорин-то уж поймет, что к чему, ему-то не надо растолковывать, что невозможно было остановить машину.

Акбар пересек пашню и спустился к Бозсу. Зорин уже, спешившись, стоял на краю обрыва и смотрел вниз. Обернулся, услышав позади себя шаги:

— Ну, палван, как жив-здоров?

И хотя Зорин не обмолвился пока о происшествии, Акбар, почувствовав немой укор в его интонации, ответил:

— Благодарю...

Директор кивнул на пашню:

— Заканчиваете?

— Да, работы еще на три-четыре дня.

— Вижу, вижу, неплохо потрудились! — промолвил директор, оглядывая коричневую до горизонта даль и вздохнул: — Только трактор этот, выходит, подвел. Как это случилось? — Он снял кепку, пригладил волосы.

Акбар глянул вниз: там из мутной воды торчало зубчатое колесо трактора.

— Что и говорить, товарищ Зорин, подвел... А если честно, я виноват — не доглядел: ослабили хомуты на

¹ Существует поверье, что в орешине водится нечистая сила. Она вселяется в того, кто под ней уснет.

рычагах, машина потеряла управление... Машины старые, давно отработали свое... Из металлолома, считай, собрали, перед тем как завести, каждый винтик проверить надо.

— Кстати, — директор изучающе поглядел на Акбара, — как Мубарак-то? Слышал, слышал, ты спас девушку. А то бы такое несчастье случилось... Теперь мы с тобой показания давали бы...

— Да был уже тут следователь... Давал уж показания...

— Что ты говоришь?.. Какой следователь? Кто ж успел сообщить? У нас с Бурханом договор: я ему дал слово, что трактор мы вытащим, а он обещал не ставить в известность районное руководство.

Акбар усмехнулся и покачал головой:

— Все может быть, товарищ Зорин. Но... трудно поверить, чтоб Бурхан... Он так и ждет повода, чтоб обиду свою выместить.

— Интересно, почему у вас сложились такие отношения? Вы же некогда были друзьями. Никак понять этого не могу.

— Э, да не забивайте себе этим голову, товарищ Зорин! Болезнь у него такая — ссориться со всеми подряд! — засмеялся Акбар-палван: он покривил душой, не желая, чтобы разговор выглядел так, будто он жалуется, и заговорил о другом. — Кстати, Зорин-ака, хочу попросить вас об одном одолжении. Помните паренька, который недавно добровольцем ушел на фронт, Пулата? Сказать по правде, парень этот сын нашего с Бурханом друга. Единственный близкий человек у парнишки — мать... Я хотел, чтобы она переехала ко мне, все-таки была бы не одна. Но она отказалась, сказала, в своем доме будет сына дожидаться...

Зорин знал, Акбар никогда не станет просить за себя. Пауза затянулась, и он переспросил:

— Какая помощь-то ей нужна?

— Зима на пороге, товарищ Зорин, надо бы помочь вдове, матери красноармейца. Если можно, выпишите ей немного пшеницы за мой счет... В счет моих трудней.

Директор дружески хлопнул Акбара по плечу:

— Станный ты все-таки человек, палван! Удивляют меня иногда твои поступки. Хотя понимаю-понимаю, что же останется от человека на земле, если не добрые деяния его. Обещаю, сделаю, как просишь.

И Зорин снова подошел к краю обрыва, жестом позвал Акбар-палвана. Бросил Зорин кусок ссохшейся глины туда, где торчало из воды колесо трактора, прислушавшись к всплеску, тяжело вздохнул.

— Такое дело, палван, — сказал, отряхивая руки. — К тебе тоже у меня просьба. Как бы там ни было, надо считаться с райсом. Пока он... в силе, пусть поступает, как считает нужным. Решил помочь, освободить от военной службы племянника Хаджибекова, пусть его, тебе-то что, больше всех надо? Делай вид, что ничего тебе неизвестно. Будто так и надо! Когда мы ехали сюда, он меня об этом просил, чтоб я повлиял на тебя. Что ж, время такое: ты — мне, я — тебе... И мы тоже... будто ничего не знаем — не слышали про этот трактор, — он показал глазами вниз. — Ясно? Ну по рукам, что ли?..

Не веря ушам своим, Акбар-палван исподлобья глянул на Зорина. Неужели директор МТС, человек, которого он всегда уважал, тоже пляшет под чужую дудку? И ведь не в шутку, всерьез объясняет ему...

— Ну а если, товарищ Зорин, я не желаю жить по принципу «ты — мне, я — тебе»? Как тогда?

Акбар-палван выжидающе смотрел на директора, тот виновато улыбнулся.

— Э, братец, гляжу, простодушен ты, дальше некуда! И это ты серьезно говоришь? Не знаешь их, что ли?

Акбар вспыхнул и, глядя пристально в глаза Зорину, отчеканил:

— Ну если уж вы так говорите, то действительно дальше некуда! Не ожидал!..

Увидев, как искренне разочарован в нем Акбар, директор попытался оправдаться:

— Поверь, брат, я говорю так не потому, что боюсь Бурхана, нет, мне, честно, будет жаль, если ни в чем не повинный человек угодит в тюрьму. Не думай, что я...

— Хорошо, — решительно перебил его Акбар. — Пусть они такие. Но почему, ответьте мне, почему я должен пасовать перед этими людьми? Не понимаю вас, товарищ директор! Если уж вы так говорите, нам что делать?..

Молчал Зорин, головы не поднимал. Не думал он такое от Акбар-палвана услышать, но и не мог не восхититься в душе бесстрашием этого человека.

— Наверное, ты прав, палван, — сказал он наконец. — Но не учитываешь одного обстоятельства. По-

пробуй поставь-ка себя на мое место, уверен, поймешь меня.

Акбар пожал плечами:

— Директорского кресла, что ли, боитесь лишиться?

— Нет, не боюсь. Если хочешь знать, в районе нашем немало людей, поддерживающих Бурхан-раиса.

— Значит,— тихо проговорил Акбар,— не следует и правду отстаивать? Так?

— Ну если и не так... все равно... не горячись... постарайся держать себя в руках.

— Ладно, товарищ Зорин, пусть это будет на вашей совести. Как вы считаете нужным, так и поступайте. Но я не могу участвовать в аферах председателя. Закончу работу на Аччи, подам заявление в военкомат, может, отпустят наконец на фронт. И еще...— Он запнулся и опустил голову. Директор МТС поднял глаза.— Еще за мной вот это дело,— он кивнул в сторону реки.— Трактор вытащить. Не беспокойтесь, я справлюсь.

— Обойдешься без посторонней помощи-то?

— А кто за меня это сделает?— вопросом ответил Акбар.— Вытащу! Только... дайте несколько тросов покрепче.

— Проси, палван, что хочешь! Но не надейся, что отпущу тебя! Кто здесь-то будет работать, подумал ли? Акбар-палван опустил голову.

XVII

Немало усилий было приложено, чтобы дастархан радовал глаз. Через пару часов все было готово. Но Яхъя все никак не мог прийти в себя, не мог забыть язвительных слов Акбара-правдолюбца. Не зная, на ком бы выместить досаду, он обрушил свой гнев на повара, кричал на всех, кто был занят приготовлением угощения. Зазнался, явно зазнался депутат! Это ему-то, доверенному человеку раиса, бросает в лицо такие слова! Да стоит Яхье пожелать, и раис заставит плясать под свою дудку хоть кого. Мало кому известно, что сам раис нередко делает то, чего Яхъя захочет! Жизнь — это театр марионеток. И все зависит от того, кто ими управляет. Управляет невидимо. Натягивает веревочки и заставляет тех марионеток действовать. Так и Яхъя может заставить плясать кого угодно. Может, кто-то думает, что он лакей раиса? Дудки! Воля Бурхана-пред-

седателя и в его, Яхьи, руках: кто в опалу попадает, кого обласкает — все от него зависит...

Чтобы хоть на время забыть все это, хлебнул немного горячительного. Но не рассчитал, стало хуже. Едва на глаза попался этот проклятый трактор, едва до ушей доносился отдаленный, то усиливающийся, то удаляющийся, рокот машин, до мельчайших подробностей вспоминал он даже интонацию Акбар-палвана, и казалось, голос тот сверлит ему мозг. Попались под горячую руку Яхьи все, даже музыканты, настраивающие инструменты для предстоящего веселья: обругал за нестройную игру. Лишь выпустив пар, малость успокоился. Ах, с каким наслаждением проучил бы он этого выскочку, и все мысли Яхьи были заняты одним: что предпринять, какой найти повод, чтоб загнать палвана в угол, поставить в смешное положение, навлечь на него гнев раиса.

Тем временем Хаджибеков и Бурхан вернулись с охоты, выпили по пиалушке чая и отправились поглядеть на работу трактористок. Долговязый, чем-то удрученный Зорин шел, приотстав, следом. Но ведь Яхья-то все видел. Разве могло что-нибудь укрыться от его взгляда? Он-то знал, почему директор МТС избегал их общества, боялся, как бы Хаджибеков лишний раз не спросил вдруг у него, где четвертый-то трактор, ведь не может же он так прямо и сказать, что, мол, так и так, упал в болото... Кому нагоняй-то хочется получать?

Раис Бурхан нет-нет да поглядывал многозначительно в сторону Зорина: хочет вроде о чем-то спросить, но вроде ждет подходящего момента.

Знает Яхья, что беспокоит раиса — сам выход-то ему подсказал. Перед Акбар-палваном надо поставить условие: или пусть берет к себе племянника Хаджибекова, научит его трактор водить, или же в тот же час будет возбуждено на него уголовное дело из-за упавшего с обрыва трактора. Вот тогда и стоит глядеть, как будет вертеться этот правдолюб! Вчера не кто-нибудь, именно он, Яхья, сделал так, что на Аччи появился следователь с одной-единственной целью — припугнуть тут всех. Но упрянца Акбара не так-то просто взять на пушку...

Плов был готов. Уменьшив огонь под котлом с райхон-шурпой, повара приступили к шашлыкам. Вот и начальство возвратилось на полевой стан, а Яхья все хлопотал, вертелся около поваров, а из головы не шло: как сделать, чтобы начальников напустить на строптив-

ца и наглеца Акбара. А... вот... кажется, нашел! Глаза Яхьи обрели всегдашнюю загадочность. Слава богу, Бурхан не был свидетелем его позора и унижения перед этим трактористом. Ну что ж, погоди, товарищ депутат, погоди, жизнь рассудит, кто прав.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА,
или Продолжение истории

Ах, память, память, как ты жестока, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна!

Восходит и заходит солнце, день сменяется днем, а Бурхан все лежит и лежит... Идут часы, летят недели, тянутся годы, а он молча сносит все, вспоминая прекрасные времена, когда судьба была благосклонна к нему, Бурхану-счастливчику, как все называли его тогда. Ох как хочется, чтобы кое-что из прошлого забылось, чтобы перед мысленным взором не возникали более на своих знаменитых конях его друзья-соратники, чтобы оставили наконец его в покое хоть на день, хоть на час. Но нет, словно в наказание, хранит память былое.

Вот уже одиннадцать лет изо дня в день, из ночи в ночь эта боль, эти муки, эти страдания...

Внутренний голос Бурхана. Какой черт попутал тебя? Знал же ты, что, идя на обострение с Акбаром, отнюдь не завоюешь авторитета. Знал же, чем кончится эта афера с племянником Хаджибекова...

Бурхан с портрета. Знал, знал и все-таки отправил мальчишку на Аччи. Знал — а следователя послал. Знал — а пригласил председателя райисполкома на ту пирушку...

Внутренний голос Бурхана. А все же — зачем?

Бурхан с портрета. Как тебе сказать?.. Когда проводили денежную реформу, произошло удивительное событие. Странно, но у некоторых людей вдруг обнаруживались тогда невероятно крупные суммы денег. И у одного старика в кишлаке, не имеющего вроде ничего за душой — одна слепая старая жена, — денег оказалось видимо-невидимо. Поговаривали, будто пять мешков. Небольших, правда. Старик на коленях умолял, чтобы ему те деньги обменяли, иначе грозился по-

кончить с собой. Тогда спросил я у старика, откуда у него взялось столько, ведь все знали: единственный у него доход... семечки. Он торговал ими. А много ли заработаешь на таком товаре? Оказывается, много! И вот, имея столько денег, жил он со своей старухой впроголодь, даже дома не удосужился прилично себе построить... Старик удивленно поглядел тогда и спросил неожиданно: держал ли я когда-нибудь в руках сто тысяч? Я сказал, что нет, не держал, а в ответ услышал: «Тогда вы не знаете, что такое деньги, как опьяняют они».

Внутренний голос Бурхана. Не зря ты, видно, вспомнил эту историю. Понятно, почему не ладил и с Акбаром: кто из смертных поймет, что такое власть, если сам никогда не имел чина и этой самой власти? Верно?.. Акбар не имел ни власти, ни чина, мог ли он понять?..

Они ехали тогда с Хаджибековым на лошадях по краю камышовых зарослей, все хотели напасть на выводок фазанов, как вдруг из тростников внезапно выскочил непонятный зверь и, схватив подстреленную кем-то из них утку, стремглав кинулся прочь. Лиса?.. Бурхан раньше Хаджибекова пришел в себя, вскинул ружье и в ы с т р е л и л. Подъехав, они увидели редкой породы огненно-рыжую лису. Раненная в голову, она недвижно лежала на боку. Такую редкую добычу, слышали оба, не полагалось никому дарить, но случилось так, что Бурхану все же пришлось с ней расстаться.

— Кстати, братец,— сказал Хаджибеков, когда уже возвращались на полевой стан,— рассмотрели мы в райисполкоме вашу просьбу и выделили вам крытую коляску.

— Ого!— воскликнул довольный Бурхан.— Приятно, что председатель помнит о своих обещаниях. Теперь мы, значит, ваши должники? Чем же отблагодарить? Разве что вот...— суеверный Бурхан заколебался, бросив взгляд на свою добычу,— преподнести, что ли, эту редкостную зверушку?

Хаджибеков так и просиял.

Злясь на себя, Бурхан протянул ему добычу и тут же подумал, что и райисполком не останется перед ним в долгу. Хаджибекову такой человек, как Бурхан, всегда пригодится. А уж если поможет строптивного Акбара

укротить, который у раиса словно бельмо на глазу, тут никаких подарков не пожалеешь.

Увидев, что к пирушке еще не все готово, решили, пока суд да дело, пройтись по полю, измерить глубину вспашки и дать трактористкам, если понадобится, кое-какие деловые советы. Все это время раиса занимала мысль, как бы ловчее намякнуть Хаджибекову о проишествии. Прямо сказать — будет выглядеть как донос. Акбар человек решительный, и, мало ли, что взбредет ему в голову, коли узнает об этом. Промолчать?.. Хаджибеков может спросить, куда подевался четвертый трактор, уж тракторам-то он счет знает. Теперь он, конечно, расхваливает работу трактористок: молодцы, мол, славно потрудились, на все сто процентов доверие оправдали, так, мол, держать, не расслабляться... И все прочее, полагающееся говорить в таких случаях, будто только затем и прибыл сюда на Аччи. И Зорин, как видно тоже опасаясь, что разговор зайдет на щекотливую тему, держался в стороне и хмуро поглядывал в сторону реки. Один только Акбар казался спокойным. Прибыло высшее начальство, а этот и в ус не дует. Подумать только, трактор упал с обрыва, а он... спокоен. Говорят, вытаскивать собирается собственными силами. Будь на его месте кто другой, уж давно бы перед Бурханом на коленях ползал — помощи просил да никому не говорить умолял бы. А от этого, тьфу, ничего путного не дождешься...

К дастархану пригласили и всех трактористок, но девушки отказались сидеть за общим столом, устроились отдельно от мужчин. Мужчины поудобнее разместились на супе, и Яхъя принялся демонстрировать собравшимся умение распорядителя. Не успели осушить по пиалушке чая, как заиграли музыканты. Подали райхон-шурпу, вино, а на огне тем временем доходил до кондиции шашлык — все вокруг пропиталось ароматом хорошо прожаренного мяса и приправ.

То ли ласкающий лицо ветерок, то ли негромкая музыка подействовали, но Бурхану вдруг захотелось приклонить голову к мягкой подушке. Под рукой ее не оказалось. Хотел попросить Максудали принести ему подушку, но было как-то неловко перед Хаджибековым, да и перед Зориним с Акбаром, которые устроились тут же рядом, на соседней супе. Может, ничего и не скажут вслух, а подумают, барские, мол, замашки. Лицо Акбара все более мрачнело. Разговаривая с Зориним, то и дело

бросал взгляд на мертвую лисицу, брошенную на траву под орешинкой. Мех животного в лучах заходящего солнца отливал золотом. Но вместо того, чтобы любоваться этим чудом, диву даваться, как природа-мать может создать такое, Акбар сидел словно на иголках, хмуρο поглядывая на Бурхана и Хаджибекова.

О себе бы глупец думал: ведь ничего не стоит упечь упрянца в тюрьму на несколько лет за эту историю с трактором. Да стоит ему, раису, сказать словечко Хаджибекову...

Выпили мусалласа¹, обедали не спеша. Отведали райхон-шурпы. Потом подали на шампурах дымящийся шашлык. Яхъя распорядился, чтоб музыканты играли повеселее, и, всем на удивленье, сам пустился в пляс, нарочито дергал плечами, игриво поводил бровями, то кокетливо семеня ногами, то, издав гортанный вопль, летел по кругу, под возгласы одобрения и аплодисменты.

Не было границ изумлению Бурхан-раиса: известно было, что Яхъя прекрасный конюх, незаменимый лакей, но что умеет так лихо отплясывать...

Хаджибеков покачивал головой в такт музыке, улыбался:

— Ну и посыльный у вас, Бурхан-ака! Позавидуешь! Ей-богу!

— Первый человек в кишлаке, — бахвалился раис, — первый во всем!

Заметив, что хозяин что-то шепчет на ухо председателю райисполкома, Яхъя приблизился в танце к Бурхану, разгоряченный, выдохнул ему в ухо:

— Теперь самое время девушек звать! Пусть покажут гостю свое искусство!

Бурхан кивнул и поманил пальцем парня из обслуги:

— Ну-ка, любезный, скажи Акбару, пусть пригласит сюда своих трактористок, авось пирушка веселее пойдет.

Яхъя снова понесся в танце по кругу, вызывая у зрителей еще большее восхищенье. Стараются вовсю и Мирзагани-хафиз: льется и льется его любовная песня. Девушки притихли, наблюдая, как веселятся муж-

¹ М у с а л л а с — молодое виноградное вино домашнего приготовления.

чины. Но вот заметили, что к ним направляется кто-то из спутников райса.

Бурхан так и знал: не станет Акбар подсаживать к их дастархану девчат. Но эти трактористки разве послушаются, пока сам Акбар им не скажет?.. Да никогда!.. Ну ничего, по крайней мере, будет повод, чтоб заварилась каша. Да кто, в конце концов, тут над всеми начальник? Райс или Акбар? Ну и Яхью, конечно, умишком бог не обидел! Молодец! Вон как старается.

Все, как райс и предполагал, разыгрывалось словно по нотам. Парень вернулся ни с чем. Райс сделал вид, что удивлен, рассержен:

— Ну где ж они, девушки?

— Акбар-ака не разрешил, райс-бобо. Говорит, пусть лакеи танцуют и развлекают, а эти девчата не для развлечения здесь...

— Лакеи, говорит? — кровь ударила в лицо райсу, он сразу протрезвел. — Так, значит, и сказал?

Хаджибеков обернулся на его громкий голос:

— Что вы сказали, ака?

Бурхан скривил в ухмылке рот:

— Да вот хотел, чтоб девушки для вас потанцевали...

— Замечательно, зовите их! — потер ладони Хаджибеков. — Что за пирушка без них?!

— Но вон тот... — обиженно надув губы, Бурхан кивнул на супу, где сидел Акбар. — Их начальник... не разрешает.

— Ну и порядки тут у вас, ака! — развел руками Хаджибеков и, повернувшись всем корпусом в ту сторону, куда указал райс, крикнул: — Эй вы, не портите нам праздник! Как-никак мы у вас тут в гостях!..

— Это вы мне? — спросил Акбар председателя райисполкома.

— Конечно, вам, а то кому ж еще? Оказывается, любезный, вас надо еще и упрашивать? — ответил зашмелевший Хаджибеков.

Возмутившись про себя такой фамильярности со стороны начальства, Акбар посчитал все же, что с малость подгулявшего гостя взятки гладки, и с улыбкой сказал:

— Я вижу, настроение у вас хорошее, веселое... Зачем же вам самому себе его портить?

Слова эти задела председателя райисполкома.

— Кого ты учишь, тракторист?— процедил он сквозь зубы.— И вообще, кто здесь начальник, ты или мы?

Набросив на плечи бельбаг, Акбар поднялся с супы.

— Мы приехали сюда работать, а не развлекаться,— сказал он.

— А мы, по-твоему, бездельники? Да?— чуть не подпрыгнул Хаджибеков.

— Не знаю...— проговорил Акбар, чувствуя, что если не уйдет, то сейчас разразится скандал.

Бурхан, глядя на него, с укоризной покачал головой:

— У, неблагодарный! Мы из такой дали ехали, чтоб поглядеть, как ты тут работаешь, не нуждаешься ли в чем. Организовали такой дастархан, чтоб малость повеселить вас, чести тебя удостоили, а ты...

Люди райса, опасаясь гнева Хаджибекова, притихли. Яхья около казана спокойно доедал свой шашлык, втихомолку посмеиваясь: его-то этот скандал вроде никак не касался. А вот тракториста удалось-таки прижать к ногтю...

Но тут не сдержался Акбар:

— Чести, говорите, удостоили? Может, наоборот? Да если б не мы... Ну да ладно,— поели, попили, пора и честь знать...

Словно пощечина, подействовали эти слова на Бурхана.

— Мы-то вот тебя не упрекаем... А тоже могли бы... Ведь всем известно, что по твоей вине трактор пропал...

— Вот как?— оживился Хаджибеков.— Натворили тут таких дел, что хоть бюро райкома собирай! Вместо работы он, видите ли, о чести толкует...

Лицо Акбара сделалось бледным как полотно.

— На бюро, говорите? Валяйте! А там поглядим, кого слушать будет! Постыдились бы устраивать в такое время попойки. Люди кровь на войне проливают, а вы... пируете тут!.. Кто вам дал право?

Екнуло сердце Бурхана, он уже был не рад, что заварил эту кашу, не знал, как успокоить Хаджибекова, который сначала опешил от слов тракториста, слова застряли у него в горле. Наконец он пришел в себя и пронзительно возопил, потрясая кулаком:

— Дурак, неблагодарный!— Вскочил и бросился к крытой коляске.— Вабесившаяся собака! Хозяина кусает! Ну и отыскал ты золото!— набросился он на Зори-

на.— Будто другого тракториста нельзя было найти. Брони на такого жалко!..

— Постой, председатель! Кого это ты назвал собакой?— Акбар в мгновение ока очутился у председательской коляски, схватил вожжи.— Брони, говоришь, жалко? У ног твоих не ползаю, поэтому жалко? Не ты давал мне бронь. И оскорблять меня не имеешь права! Не любишь, когда правду говорят тебе в глаза! Ох как не любишь! А я такой вот, хоть и не нравлюсь тебе!..

Бурхан молча подбежал к коляске, пытаясь отобрать из рук Акбара вожжи, а разом протрезвевший Хаджибеков, с лица которого все еще не сошла бледность, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая, когда Акбар отпустит вожжи. Хорошо еще, начальник МТС оказался здесь, похлопал Акбара по плечу:

— Да успокойся ты наконец, братец, не дури!

Зорин обнял палвана, насилу отвел в сторону. Тотчас Бурхан прыгнул в седло и бросился вслед за коляской, в которую вскочил Хаджибеков. В последнее мгновение взгляд раиса скользнул по лисице, лежащей под орешинной. Второпях Хаджибеков забыл о ней, и Бурхану до смерти захотелось прихватить добычу с собой. Но не возвращаться же!.. Чего доброго, попадешься под горячую руку Акбару.

XVII

Солнце село в раскаленные угли заката и скрылось за горизонтом. Под вечер разгалделись потревоженные чем-то воробьи в абрикосовом саду.

Акбар удрученно сидел на супе, неотрывно глядел на Шурлакскую дорогу. И чем становилось темнее, тем тревожнее ощущались удары сердца. Камышовые заросли постепенно теряли свою привычную окраску, уже скоро в низину опустится тьма, окутав разом все. И тогда только грунтовая дорога, что идет с Аджар-тепе, будет еле-еле проглядываться.

К ней-то и прикован был взор Акбара, а Максуда все старается отвлечь его от тревожных мыслей.

— Еда-то остыла, усто-ака!— напоминает девушка в который раз.— Да не беспокойтесь вы, возвратятся наши, никуда не денутся!

Повернувшись к дастархану, Акбар с досадой качает головой:

— Эх, напрасно не предупредил их, если будут девушки задерживаться, лучше уж заночевать им в кишлаке, чем ехать на ночь-то глядя. Как ты думаешь?

Максуда осторожно садится на краешек супы.

— Ведь и дядюшка Максудали тоже еще не вернулся из кишлака, может, вместе и приедут...

— Может, и так... — соглашается Акбар, взяв в руки пиалу. Девушка чувствует, как его волнение передается и ей. — Может быть... — повторяет тихо. — Шли бы вы, Максуда, отдохнуть, а?

Но Максуда все не уходит, снова уговаривает:

— Поели бы, усто-ака. Я еще успею...

— Да идите, я сам справлюсь. Идите!

Оставшись наконец один, Акбар мысленно перебирает события минувшего дня, вспоминает, как рано утром вернулась из кишлака Саида и как шофер, который привез ее, отозвал его в сторонку.

— Кстати, Акбар-палван, керосин вам привезут сегодня к вечеру, до этого уж как-нибудь обойдитесь. Ладно? А того парня... Азизом вроде кличут его, оказывается, в армию призвали. Может, об этом надо дядюшку Максудали поставить в известность, ведь он ему, кажется, родственник.

Побледнел Максудали, услышав эту весть, привезенную шофером, расстроился.

— Ведь обещал же, раис, обещал!.. — схватился за сердце старый учитель.

— Не огорчайтесь, дядюшка, — успокаивал Акбар. — Когда это было, чтоб Бурхан сдержал слово? Лучше собирайтесь в дорогу, машина ждет.

Но Максудали, забыв обо всем, заговорил вдруг со слезой в голосе:

— Мы-то не видели ничего, не знали настоящей жизни, я думал, хоть Азиз увидит... Ведь он мой... единственный, кровный... Если б вы знали!..

Сдавило, защемило сердце Акбара от этого неожиданного признания. Так вот в чем дело!

— Вы и не представляете, брат мой, какой грех взял я на душу, какие надежды связывал с этим мальчиком, — всхлипывая, повторял старик. — Думал, останется у меня на этом свете наследник. Но не смел признаться, открыться. Все откладывал, думал: скажу, когда время мне умирать придет. И вот теперь на войну уходит. Дождусь ли?.. А коль не доживу... кто обо всем ему расскажет?..

— Не горюйте, дядюшка Максудали! — Акбар приобнял старика за худые плечи. — Лучше собирайтесь, да поскорее. Вы должны сами его проводить. Обязательно! Он будет ждать вас, идите же!

Старик слабо отмахнулся, побрел к своему дому:

— Ничего, и без машины доберусь, на своей лошадке.

Едва ушел Максудали, девушки окружили плачущую Саиду, успокаивали ее как могли, но та только проливала слезы пуще прежнего, закрывшись руками. И пока Акбар решал, подойти к девушкам или нет, к нему направилась Мубарак, смущенно остановилась перед ним.

— Усто-ака, если можно, отпустите ее снова в кишлак. Так надо, поверьте.

— Саиду, что ли? — не сразу понял Акбар. — Зачем? Ведь только что оттуда! — Но, спохватившись, досадуя на свою недогадливость, спросил: — Разве ей ничего не было известно об Азизе? Она же у матери своей была, неужели та не знала, не сказала ничего?.. И машина ушла, вот досада!..

— Выходит, никто не сказал ей ни слова, так уж получилось! Но еще не поздно, усто-ака, ведь и на арбе добраться можно, успеет, все равно арба пока без дела стоит!

— Да как одну-то ее отпускать? В такую даль!.. — палван покачал головой.

— Усто-ака, да если она не поедет, потом, может... всю жизнь будет страдать из-за этого, — Мубарак умоляюще глянула на Акбара.

— Ну ладно, раз ты так считаешь, отпускаю! Только тогда поезжайте вдвоем. И поскорее обратно. Не задерживайтесь. Чтоб к вечеру и вернулись. Договорились?

— Спасибо, усто-ака! Не задержимся!

Мубарак побежала к девушкам. И тогда палван увидел нечто невообразимое, поразившее его до глубины души.

Едва Мубарак сообщила, что их отпускают, Саида бросилась к ней, забыв о недавних слезах, но тотчас, словно застыдившись своих чувств, закрыла лицо руками...

И вот уж ночь настает, а о них все еще ни слуху ни духу. Как не тревожиться, как не волноваться?

Едва пригубив остывший чай, Акбар все прислушивался к загадочным ночным звукам.

Степь погрузилась во мглу, небо покрылось бесчисленными звездами. Лица то и дело касались легкие крылья ночных бабочек. Изредка фыркал, нарушая ночную тишину, привязанный невдалеке конь Акбара. Ни звука не доносилось с дороги. И Акбар вспомнил вдруг странный сон, приснившийся минувшей ночью, и дрожь охватила его...

Теперь он вспоминает тот сон до мельчайших подробностей. Работают они будто бы в тугаях. Акбар слышит крик кого-то из девушек, но ни одной из них не видит. И за клубился вдруг дым, и вот уже пламенем объята тугая со всех сторон: Акбар слышит, как его зовут на помощь, но не знает, как добраться до тех, кто зовет его. Он узнает голоса — это его девчата, они остались там, за огненной стеной, и не могут оттуда вырваться... Тогда она кидается прямо через огонь, хватая на руки ту, которая ближе всех. Спотыкаясь, обжигаясь, выносит ее из огня и снова кидается в пекло. Выносит еще одну, опять и опять возвращается туда, откуда доносится мольба о помощи. Кольцо огня все уже, и вот теперь он совсем один в тесном обжигающем кольце, из последних сил зовет жену: «Айжама-а-а-ал! Где ты-ы-ы-ы» «Айжамал здесь, здесь, с нами! — слышит он чей-то голос. — Спасайтесь сами!»

Крики девушек все отчетливее, но глаза его уже ничего не видят, он задыхается. «Ничего, ничего, — подбадривает он себя, — мне удалось их спасти, это главное». Над головой что-то с грохотом разламывается, словно небо расколосось. И вот уже хлещет ливень. Быстро угасает пламя, охватившее его одежду. Но он почему-то не в силах двинуться с места, будто врос в землю и вместо ног у него корни, а сам превратился в большое дерево. Он порывается что-то сказать девушкам, которых спас, но пропал голос, они не слышат его... Проснулся весь в поту...

С утра не идет этот сон из головы Акбара, а перед глазами то и дело возникает, как горит Шурлак, объятый пламенем. И девушек, как назло, все нет и нет. Наконец не в силах более выносить неизвестность, Акбар вскочил, решив немедленно выехать им навстречу.

Дорога лежит через Шурлак, где и днем-то не всякий осмеливается ездить, не то что ночью. Будто предвещающая что-то недоброе, высоко на орешине кричит филин. Акбар вздрагивает:

— Кыш, проклятый!

Оседлав лошадь, спешит в сторону Шурлака. Дай-то бог, чтобы с девушками ничего не случилось, думает он, успокаиваясь немного от мерного шага коня. И зачем он только уступил просьбам Мубарак, отпустил их? Случьись с ними что-нибудь, жизнью вины не искупишь. Мало разве одного греха?.. И без того виноват перед дедом этой девушки... перед матерью... Так неужели теперь, спустя столько лет, иные враги... Нет, нет, не дай бог... какой он после этого человек?

Ночная прохлада немного успокаивает. Сидя в седле, чуть подавшись вперед, он подставляет лицо ветерку, не отрывает глаз от дороги.

Вот и самое узкое место Шурлака. Дорога идет по краю зарослей, именно этого места побаиваются люди. Рассказывали, будто на склоне Аджар-тепе бандиты напали на путников. Правда, сам палван никогда с ними не встречался, но путники зря не придумают... Кого-то ограбили, кого-то прибили и бросили в Шурлак...

Вот и мост. В самом деле, глухое место. Жутковато. С обеих сторон высокой темной стеной подступают и тревожно шуршат камышовые заросли. То ли кабан, то ли шакал вспугнул какую-то крупную птицу, и та стремительно пронесится, едва не задев крыльями головы Акбара.

Он не торопит коня, едет шагом, и вдруг откуда-то издалека доносится до его слуха скрип колес. Акбар натягивает поводья, прислушивается. Так и есть, арба приближается! Верно, с грузом. Их это арба или чья другая? Пустая не так громыкала бы в ночной тишине...

Акбар радостно поторапливает коня. Вдруг его словно стеганул пронзительный вопль. Из темноты раздается чей-то властный голос: «Остановись! А не то...» Испуганно ржет лошадь. Снова пронзительный девичий голос рассекает тишину: «Ма-моч-ка!.. Прочь руки, негодяй!» Это Мубарак!

Кто-то громко хохочет, мужской низкий голос успокаивает:

— Да не бойтесь, красавицы! Я не волк. Не съем! Ну-ка, по одной — слазь!

И снова голос Мубарак:

— Прочь, негодяй, прочь! Не прикасайся ко мне!

Акбар машинально нахлестывает коня, несется во весь опор, все яснее различая несколько мужских голосов, смех. Лошадь вздрагивает от ударов плети. Он громко кричит:

— Не троньте их, не смейте! Подлецы! Идите ко мне, если вы смелые!..

Вот и последний поворот. В темноте возникают очертания арбы, возле нее копошатся какие-то люди. Мубарак увидела его:

— Помогите, Акбар-ака! Спасите нас! Спа... — Кто-то закрывает ей рот, она пытается вырваться...

— Смотрите! — предупреждает мужской голос. — Кто-то скачет! Эй, бросай девок!

Другой возражает:

— Пусть поближе подъедет! Струсил, что ли? Окружайте!

Бандиты не дают Акбару подойти близко к арбе. И тогда он кричит девушкам:

— Гоните лошадь! Скорее! Я... догоню!

Мубарак словно птица взлетела на арбу. Кто-то бросается к ней, пытаясь остановить, но грубый оклик осаживает:

— Брось бабу! Сначала этому надо голову скрутить!

— Там же... зерно! — возражает тот, первый.

— Никуда не денется твое зерно! Забыл, что нам Яхъя говорил?..

Стиснув в руке рукоятку плети, Акбар усмехнулся: оказывается, не зерно им нужно. Они хотят его проучить! Это люди Яхьи! Ну еще поглядим, кто кого!.. Однако многовато на одного-то... Двое, трое... четверо!

Подступали со всех сторон, выжидая удобный момент. Черт! Ну что же они там, на арбе, медлят?..

Захрапела лошадь, скрипнули колеса, и арба тронулась с места. Наконец-то! Девушки ударили лошадь кнутом. Колеса загромыхали. Но ничего! Он видит — арбу не преследуют. Бандитам нужен он, Акбар, он в этом уверен! Все они около него. Кольцо сжимается. Ведь это уже было, было... Его сон! А теперь наяву... Размахнувшись, изо всех сил Акбар бьет плетью направо, налево... И бандиты, рыча от злости и прикрываясь руками, начинают отступать, пятиться.

— Ну как, проучили? Трусы! Отступаете?!

— Заткнись! Не выпустим, будь спокоен! Ну а вы чего хвосты поджали? Он один, а нас сколько! Дубинками его, дубинками! По башке!

Скрипят колеса, уже еле слышно, все дальше и дальше арба, а значит — все ближе к Аччи! Но что-то удерживает Акбара, не дает позорно бросить поле боя. Саврасый фыркает, так и вертится, стоит лишь от-

пустить поводья — промелькнет между бандитами и... был таков. Но Акбар держит поводья, уклоняется от ударов, которые так и сыплются на голову, руки, шею, бока. И сам изо всех сил лупит плетью. Бандиты пытаются схватить Акбара за ногу, сдернуть с лошади. Едва ему удается отбиться от одного, как наскакивает другой. Вдруг от сильного удара в затылок потемнело в глазах. Акбар падает с лошади, но не успевают на него навалиться, как он уже снова на ногах. Выхватив у одного из бандитов дубинку, Акбар бьет ею направо и налево, приговаривая: «Проучили? Проучили? Вот вам за разбой! Вот за то, что девчат напугали! За зерно! Вот! Вот! Вот!..» Вдруг он видит хромоногую коротышку, обладателя густого баса.

— А, так это ты у них за главного? Ты? Так получи же! Получай!

Коротышка метнулся в сторону и резко обернулся:

— Мы тоже для тебя кое-что припасли, праведник!

Слова его тонут в грохоте. Акбар хватается за грудь и начинает медленно оседать на землю. Последнее, что он ощущает, это мокрая под ладонями рубашка. В нос ударяет знакомый запах земли... Что это?.. Во сне или наяву?.. Он судорожно глотает воздух. Наваливается тяжесть, давит к земле, все плывет перед глазами, кружится в вихре... Ткнулся лбом во что-то твердое, знакомый с детства запах земли исчез...

XVIII

Айжамал внезапно открыла глаза. Плакал младшенький. Она слабой со сна рукой покачала бешик — деревянную колыбельку. Но ребенок не успокаивался, видно, приснилось что-то страшное. Даже при лунном свете было заметно, как побледнело дитя.

— Ох, голубчик мой, не слышала я твоего зова, видать, крепко заснула.

Ласково приговаривая, она дала ребенку грудь. Несколько раз он судорожно глотнул, притих, но тут же опять зашелся в плаче. Айжамал все гладила головку малыша, успокаивала ласковыми словами, вытирала слезы тыльной стороной ладони.

Он отпустил грудь и устался на мать совсем повзрослому.

В глазах и бровях, широком лобике угадывались черты отца. Айжамал поежилась, вспомнив вдруг слова

кишлячных старух: коли сын в отца, не к добру, мол, это, не проживет долго кто-то из них. До чего ж она стала мнительна: ведь должен ребенок быть похож на кого-то из родителей... Она стала думать о муже, который на днях собирался возвратиться из Аччи, поскольку все самые трудные дела вроде закончил. Как-то он там? Люди рассказывают, будто и ночью не дает себе покоя, при луне работает...

Вспоминает она его последний приезд домой. Ровно неделю назад это было. Вот так же светила луна, а он на своем саврасом приехал, с рассветом обратно ускакал.

— Ехали из такой дали, ночью, а с детьми и не по-видались, — вздохнула она. — Они так ждали отца...

— По тебе соскучился, — как всегда отделался шуткой. — В следующий раз выберусь днем. Непременно...

Ребенок спал беспокойно, все ворочался, вскрикивал. Лунный свет медленно перекочевывал из колыбели на подоконник, вот-вот уйдет из оконного проема. Чудится ей, что на лунном диске видит силуэт какой-то женщины, похожей вроде на нее, Айжамал; и та тоже, обняв колыбель, как и она, застыла в задумчивости.

Айжамал глубоко вздыхает: как было бы славно, если бы луна вдруг превратилась в большое-пребольшое зеркало, чтобы можно было увидеть в нем того, по ком очень тоскуешь... И Акбар на Аччи, соскучившись по ней, тоже посмотрел бы на луну и увидел свою Айжамал...

...Тем временем по степной дороге едет одинокая арба. На ней две девушки. Обе плачут, вытирая мокрые лица рукавами платьев. А на сене, которым устлано дно арбы, лежит джигит богатырского сложения. Голова его покачивается в такт движению, медленно идут лошади, а следом привязанный к арбе плетется саврасый.

Кто он им, этот человек, что сделал для них особенного, что они так скорбят по нему?

...Из кишлака навстречу арбе рысью выезжает всадник. Кепка низко надвинута на глаза, и, едва он видит девушек и мертвого человека на арбе, с силой щиплет мочку уха, чтобы удостовериться, не сон ли это. На скаку спрыгивает с лошади, подходит к арбе, замирает на мгновение, жадно глядя в лицо человека. Затем идет рядом, ведя своего коня под уздцы. Тихо перекинувшись парой слов с девушками, снова вскакивает в седло

и по освещенной лунной дороге мчится во весь опор обратно.

...Арба все ближе и ближе к кишлаку. А всадник в кепке, который встретил ее, теперь стоит в глубоком раздумье у двери дома женщины, проведшей эту ночь без сна у колыбели...

XIX

Бурхан проснулся от стука в дверь. Кому это понадобился раис в столь ранний час? Оторвав голову от подушки, раздраженно толкнул в бок спящую жену:

— Э, да кто там? Кого принесла нелегкая в такой час? Беспокоят тут...

— А? Что случилось?— испуганно бормочет жена.

— Вставай, неповоротливая!— Однако поднимается сам и идет отворять.— Да кто там тарабанит? Иду!

Накинув на плечи халат, раис выходит во двор. Настойчивый стук все сотрясает калитку.

— Ну чего, чего тебе, бестолковый?! Думаешь, все такие глухие, как сам?

Стук смолкает. За забором фыркает лошадь, кто-то покашливает. Подойдя к калитке, Бурхан настойчиво спрашивает:

— Ну чего тебе? Чего ломишься?

После некоторого молчания слышится негромкий голос:

— Сторож я из МТС, откройте, раис. Вам велено как можно скорее быть на гузаре. Случилось несчастье! Убили Акбар-палвана!..

Смысл услышанного не сразу доходит до сознания Бурхана: он вдруг чувствует в ногах слабость, лоб покрывается холодной испариной. Не в состоянии вымолвить слова, дрожащими руками он открывает калитку.

— Как это случилось? Какие бандиты? Когда?..— спрашивает раис, насилиу ворочая языком.

— Скоро узнаем. Милиция уже на ногах. Вот-вот Акбар-палвана привезут в кишлак...

Постой, постой, чего это тут мелет этот сторож? Кто убил? Бандиты?.. А не дело ли это рук Яхьи? Неужто, подлец, в жажде слепого мщения?.. Все твердил ведь, что проучит палвана. Но грозиться одно, а исполнить... Вот ведь не придал его словам Бурхан значения... Да в своем ли он уме? Где теперь скрывается? Может, сбе-

жал? Да, верно говорят, никогда бесчестный не станет человеком! Дождались... проклятье!..

Плотнее запахнув на груди халат, Бурхан возвратился в дом, наткнулся впотьмах на низенький стол, закричал жене:

— Где лампа? Бестолковая! И когда только поумнеешь?

Пока жена засветила лампу, раис успел одеться, пошел на конюшню. Совсем вроде бы собрался, но вернулся, чертыхаясь, — показалось, без чекменя вроде неловко. И отчего на него вдруг напали оторопь и растерянность?.. Может, кто-то другой, а не Яхъя вовсе? Во всяком случае, чего раньше времени паниковать...

Когда выехал за ворота, уже перекликались петухи, мрак постепенно таял в утреннем тумане, а на душе Бурхана по-прежнему скребли кошки.

Дай-то бог, чтобы Яхъя не был замешан в этой истории, думал раис, не то подозревать станут их обоих, это точно. Если бы накануне он не поссорился на Аччи с Акбаром, и то было бы легче... Теперь же вполне подозрение может пасть на них, вполне...

Еще не доехав до гузара, Бурхан услышал душераздирающий женский плач. Раис невольно натянул поводья, в голове пронеслось: «Господи, да зачем же ехать на гузар-то? Надо к палвану, к палвану в дом идти: стыдно будет, если я, узнав о случившемся, сперва не пойду туда! Станут болтать, мол, что-то тут нечисто!»

Уже повернув лошадь, Бурхан все еще колебался. А не стоит ли сначала поподробнее разузнать, как все произошло, а то явится как ни в чем не бывало в дом погибшего, а все уже знают, что это дело рук Яхьи. Что тогда? Нет, высказать соболезнование он еще успеет... Сначала — в правление! Найти этого негодяя Яхью и поговорить с ним с глазу на глаз. Ведь в случае чего подлец на него все и свалит!..

Бурхан погнал лошадь галопом в правление. Не переехав еще и сая, он увидел сторожа по кличке Рябой, тот был на лошади, порядком взмыленной от быстрой езды. Сердце раиса екнуло: неужто его разыскивает? Ну так и есть!

— Плохи дела, председатель! Поторапливайтесь, вас давно ждут... Следователь из района меня послал, требовал немедленно найти вас. Я уж и дома был, и на гузаре... А вы, оказывается, сами догадались, сюда... Не знаю уж, что там случилось, но требуют вас.

— Из района, говоришь?— переспросил Бурхан, желая скрыть волнение, а сам подумал: «Когда это успели в район-то сообщить?..»

Эх, и зачем он только сюда скакал?.. На гузар надо! Там сейчас весь кишлак, это так естественно. В минуту общего горя он должен быть вместе с народом. Да что теперь говорить!.. Сам себя в руки правосудия... Вот как это называется!

Придерживаемый дрожащей рукой хозяина, беспокоился под седоком и конь, а Бурхан все еще поглядывал по сторонам, надеясь, что вот-вот все же появится его посыльный. Может, Рябой что-нибудь знает?

— Послушай, дорогой, не скажешь ли, где Яхъя? Почему его с вечера не видно?

Доверительно понизив голос, сторож, как ни странно, проявил осведомленность:

— Сказывают, будто смылся вчера ваш посыльный в полночь, и до сих пор так его и нет...

— Говоришь, смылся?

— Если уж начистоту,— Рябой замялся, отведя взгляд в сторону,— его подозревают в убийстве, раисака, он вроде тракториста... этого...

Резко натянув поводья, Бурхан рассвирепел:

— Заткнись, бестолочь! Вот такие, как ты, и болтают! Почему именно он, а не кто-то другой? Ну и языки! Ничего, погодите, всем вам следователь глотку заткнет! Он-то уж этого так не оставит!

А в голове сверлило: «Так не оставит, так не оставит...» А потом что? Конечно, поймают этого подлеца, а потом... потом начнется самое худшее, что можно придумать, будут дознаваться: кто подстрекал, по чьему наущению совершено... Э, сдох бы этот посыльный! Его, Бурхан-раиса, к следователю вызывают... из-за этого проходимца!

...Следователь ждал его и уже нетерпеливо постукивал по столу карандашом. Жестом предложил сесть.

— Итак, товарищ Артыков, где сейчас находится ваш рассыльный? Сбежал? Говорят, как уехал еще темно на Аччи, так и пропал...

Прищурив глаза, следователь глядел на Бурхана, ждал ответа.

Раис пожал плечами:

— Впервые слышу от вас. Почему сбежал... А если я сбежал, откуда ж мне знать почему...

— Тогда ответьте, товарищ Артыков, когда вы видели его последний раз и не приказывали ли ему выполнить какое-либо поручение?

Обгоняя одна другую, путались мысли Бурхана, одно предположение сменяло другое. Чтобы сосредоточиться, попросил разрешения снять чекмень, неторопливо встал, чтоб выиграть время и обдумать ответ. Повесил чекмень на крючок возле двери, снял тубетейку, пригладил ладонями волосы, провел по небритым щекам.

— Вчера после обеда он заходил ко мне. Это точно...

— Сам заходил или вы его вызывали? Припомните, это очень важно.

— Сам, сам,— без раздумий бросил Бурхан, стремясь, как просил того следовательно, отвечать точно, взвешивая каждое слово.— Вернее,— поправился тут же,— он зашел попросить разрешения... Сказал, что на Аччи едет арба, и вот, мол, не надо ли с той арбой послать семенное зерно, которое там ждут к севу. Я, конечно, сказал, давай, мол, отправляй. Вот и все.

— Что за арба?

— Откуда мне знать? Арба и есть арба...

— Кто ехал на ней?

— Да не все ли равно?!

Следовательно иронично улыбнулся:

— Вы дали свое согласие, не поинтересовавшись даже, что это за арба, чья она и кто повезет это зерно?

— А что?..— испуганно спросил Бурхан.— Арба с зерном разве не доехала до Аччи?

— Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос! Вопросы, гражданин Артыков, здесь задаю я,— следовательно строго посмотрел на Бурхана.— И вообще вы, очевидно, плохо себе представляете, кому покровительствовали, кого взяли, так сказать, под свое крыло. Надо было сперва проверить хорошенько, что за человека берете на такую должность. И вот вам, пожалуйста...

— Да, признаться, мелькнула у меня тогда догадка, темнит он что-то с зерном!.. Ох, темнит!..— отвел взгляд Бурхан.

— Если бы только это, Артыков, если бы!.. Какого человека потеряли! Ведь он там, на Аччи, по заданию райкома партии работал!

Следователь глубоко вздохнул, покачал головой, достал из кармана пиджака пачку «Беломора», долго молчал, потом поднял глаза на сникшего Бурхана.

— Скажите, ну вот эта арба, зерно... — он сделал паузу, — все это Яхья делал по собственной воле? А не было ли на него оказано давление с чьей-нибудь стороны? С вашей, например?

Бурхан вскочил со стула, для пущей убедительности жестикулируя руками, возмутился:

— Какое давление, товарищ следователь? Конечно, может кто-то его и оказывал! Откуда мне знать? Ведь обо всем об этом я от вас слышу впервые...

Окутанный папиросным дымом, следователь продолжал пристально глядеть на Бурхана.

— Во всяком случае, как я понял, отношения у вас с Акбар-палваном не отличались теплотой, были натянутыми. К тому же за два дня до случившегося вы, кажется, крупно повздорили с ним?

— Простите великодушно! — Бурхан мял в руках тютютейку, потом бросил ее на стол и, не мигая, уставился в глаза следователя. — За два дня до этого с ним повздорил... знаете кто?.. Ваш большой начальник товарищ Хаджибеков. Вот об этом у него самого и спросите!

Бурхан резко отвернулся, подошел к окну, застыл, глядя на улицу.

— Если, товарищ Артыков, понадобится, и у него спросим, не беспокойтесь! Сядьте. Сейчас мы спрашиваем у вас. — Следователь придавил пальцем дымящийся окурок, отодвинул от себя пепельницу. — Успокойтесь и давайте показания точнее, а то придется их давать... в другом месте. У нас, к вашему сведению, закон один для всех.

— Да не хочу я отвечать за всех! — Бурхан вернулся к столу, сел. — Кто заварил кашу, тот пусть и расхлебывает. Не вмешивайте меня в это дело!

— Не торопитесь, не торопитесь, товарищ Артыков! Все выясним. Сам заварил или... по чьей-то указке. Вам же хочу посоветовать одно: сейчас в ваших интересах говорить только правду, чтобы потом не раскаяться. А теперь вы свободны, на сегодня, пожалуй, достаточно. Понадобится, вызовем...

Неожиданно быстро следователь собрал со стола бумаги. Бурхан удивился поспешности, с которой закончилась беседа с ним. Интересно, думал он, почему так произошло: то ли потому, что следователь услышал фа-

милию Хаджибекова, то ли уже выяснил все, что ему было нужно. В чем же он конкретно обвиняет его, Бурхана? В том, что он доверил перевозку зерна неизвестно кому? Или еще в чем-то?..

Провожая следователя до двери, Бурхан поймал на себе его пристальный взгляд; уже у порога тот по-военному отдал честь, вскинув руку к фуражке. Хотя Бурхан и словом лишним не обмолвился, после этого жеста, враз обессилев, он опустился на стул. За что ему такое наказание? Второй раз в жизни по его вине гибнет близкий ему человек, друг. Тогда, много лет назад, он произнес одно-единственное слово. Думал, обойдется, но оно убило Красного Кадыра. И вот теперь, после недавней перепалки с Акбаром там, на Аччи, чтобы только успокоить Хаджибекова, у него вырвалось как-то само собой: «Сами проучим этого дьявола, вот Яхья это и сделает!..» А теперь-то как быть? Этот подлец, его посылный, даже и не посоветовался с ним, посчитал, видно, что сказанного Бурханом вполне достаточно, чтобы действовать. И вот пожалуйста, такой человек погиб. Что теперь будет? Если Яхью в скором времени поймут, а это так и будет, на суде он наверняка станет твердить, что сделал все по наущению раиса. Какой же он после этого человек?! И ведь теперь никак не докажешь, что сказано-то было ради красного словца, чтобы не выглядеть перед председателем райисполкома... ну тряпкой, что ли. Да кто теперь поверит? Неужели судьба окончательно отвернулась от Бурхана-счастливчика?

Он не помнил, сколько так просидел неподвижно за своим столом, согнувшись под тяжестью невеселых дум. Очнулся от скрипа отворяемой двери: в проеме показалось рябое лицо сторожа.

— Пошли бы все-таки на гузар-то... на митинг, раис-ака, а то неудобно, ведь все туда идут... — робко посоветовал, с тоской глядя на председателя.

— Да, да, ты прав, надо идти на гузар! — Он поднялся, тяжело опираясь на край стола. — Говоришь, митинг? Что за митинг такой? А?

— Да как же, раис-ака! Сам первый секретарь райкома партии придет. Шутка ли, покойный Акбар-ака редкий был человек... И депутат... Да разве только это? Работой только жил, одной работой, это все знают.

Бурхан часто закивал головой, промолвил через силу:

— Да что тут говорить! Все, чего он добился, до-

стиг — уважение, авторитет, — все это... достойно почестей. Верно, верно!..

Торопливо схватил чекмень, тубетейку и, уже выходя во двор, все шептал и шептал, едва заметно шевеля губами: «Эх, Яхъя проклятый! Экую беду навлек на мою голову!..»

Народа на гузаре в этот утренний час собралось видимо-невидимо, все больше женщины, да девушки, да старики с малыми детьми. Небо в этот день заволокло тучами, и казалось, вот-вот оно разразится дождем. Холодный ветер пробирал до костей, нещадно срывал листья с тополей, всякую малую соринку в воздух поднимал. Вскоре заморосил мелкий дождь.

Привязывая лошадь к иве, Бурхан исподтишка все поглядывал на односельчан; на его приезд никто не обратил внимания, настолько все были убиты известием о смерти Акбара; тихо переговариваясь, обсуждали меж собой подробности этой странной гибели. Спасибо еще, никто не показывал на раиса пальцем, ведь многие в кишлаке знали о постоянных спорах его с Акбаром, это трудно было скрыть или утаить от людей, ведь на их глазах проходила вся жизнь бывших друзей.

Опустили борта двух грузовиков и, тесно поставив их друг к другу, превратили в помост. На нем стоял гроб под красным кумачом. Вплотную к нему во всем темном стояли мать, жена, дети Акбар-палвана, трактористки, которые трудились с ним на Аччи. Тут же Икбар-атын с Максудали. Кишлячные парни тесным кольцом обступили старшего сына Акбар-палвана, и Бурхан, невольно оробев, отводил от них глаза.

Без учителя и парторга Мумина не обходились в кишлаке ни одни похороны. Вот и теперь он и Зорин советовались со старейшинами, одному, другому поручали что-то сделать, куда-то сходить. Ритуал похорон должен быть неукоснительно соблюден, об этом заботится секретарь Мумин, да еще о митинге: кто за кем выступать должен. А кому, как не ему, Бурхану, положено руководить всей этой церемонией? Недаром все его называют отцом народа, да к тому же столько лет дружбы связывает его с покойным Акбаром. Ну, может, временами и конфликтовали, да ведь это не серьезно... они никогда не были врагами. Но ведь и враги в такой день... о вражде забывают. Разве не так?

Бурхан вдруг делает шаг в сторону Зорина, но в этот момент кто-то властно берет его за локоть. От не-

ожиданности Бурхан вздрагивает и, оглянувшись, видит Хаджибекова. Председатель райисполкома отводит его в сторонку, молча многозначительно глядит, тихо шепчет:

— Сам господь бог спас нас, ага! Ваш вестовой-то, представьте, приказал долго жить!

Не сразу уразумев смысл услышанного, не веря своим ушам, Бурхан остолбенел:

— С Яхьей что-то приключилось?

Хаджибеков еле заметно кивает, губы его едва скрывают торжествующую улыбку:

— Только что... с Аччи привезли вест: подлецы попали под обвал, как раз в том месте, где мы с вами выследили алтайскую лисицу. Помните?

До смерти перепуганный Бурхан оттягивает воротник кителя, будто душит его, не дает дышать свободно.

— Боже! — шепчут его губы. — Боже!.. Прежде, говорил народ, отмщение следовало через сорок дней, а нынче понадобился всего один...

Встревоженный испугом Бурхана, Хаджибеков оглядывается по сторонам: нет, людям не до них. Тогда он подносит палец к губам:

— Тсс, тише, ака, тише! Пусть об этом узнают не от нас с вами!

Раис с облегчением вздыхает. Слава аллаху, негодяй сдох, не сделал всех соучастниками своего преступления. А то бы — подумать только! — одно-единственное слово сказал тогда, чтобы потрафить этому болвану Хаджибекову, а какие последствия могли обрушиться на голову Бурхана? Жаль, конечно, жаль, лишились они такого человека, как Акбар...

И жалость его была в тот момент вполне искренней.

Бурхан сразу не узнал первого секретаря райкома партии Мусамухамедова, так подействовало на него это горе. Он вышел из школы и, перейдя Анхор, направлялся сюда, к ним. Толпа, загудев, обступила секретаря, перешептывалась. Он молча отвечал на приветствия людей и неотрывно смотрел туда, где на машинах был установлен гроб с Акбар-палваном. Подойдя к Зорину, который со склоненной головой стоял рядом тихо спросил:

— Как... начнем, товарищ Зорин?

Тот кивнул. Мусамухамедов тяжело вздохнул, виновато поглядел на близких покойного, плотным кольцом окруживших помост с гробом, и с неожиданной лег-

костью поднялся на грузовик, сняв с головы фуражку.

Повинуясь какому-то внутреннему зову, подошел к помосту и Бурхан, пожал руку директору МТС, издали кивком головы поздоровался с Мусамухамедовым.

— Бандалик-да¹, — скорбно прошептал Бурхан, — от судьбы никуда не денешься.

Разделяя его скорбь, Зорин кивнул в ответ, и, немного успокоенный этим, раис встал рядом.

Все замерли в молчании. Ветер неистово раскачивал тополя, трепал волосы секретаря райкома. Мельком глянув на несущиеся по небу темные тучи, он с явным усилием произнес первые слова:

— Товарищи! Я приехал к вам, чтобы низко поклониться людям Катта Кангли, поклониться матери дорогого Акбар-палвана, его жене, детям. Коммунисты района понесли невосполнимую утрату, никем не заменить нам Акбар-палвана, но память о нем сохранится в наших сердцах на всю жизнь. Простите, Акбар-ака, не уберегли мы вас... На фронт не пустили... но и тут не уберегли... Люди будут помнить добро, все, что вы сделали ради них. Не щадили себя, работали и день, и ночь, чтобы приблизить победу...

Кто-то подтолкнул локтем Бурхан-раиса, горячо шепнул в самое ухо: «Теперь вы должны выступить...»

У Бурхана все поплыло перед глазами, настолько велик был испуг от этих простых слов, почему-то память услужливо подсказывала ему сейчас иную картину, иные похороны — день погребения Красного Кадыра... Дрожь охватила раиса: ведь так же, как и теперь, слово ему предоставили неожиданно. Помнилось все до мельчайших подробностей: обильный снегопад, холод, уйма народу, то, как стоял с перевязанной рукой у могилы друга, как споткнулся перед вырытой ямой и еле удержался, чуть не свалился вниз... Ведь и тогда единственное его слово стало причиной гибели Кадыра, хотя, видит бог, он даже в мыслях не желал этого, как не желал и теперь смерти Акбара. Но и Акбар погиб от бандитской руки. Было два друга, и других таких уже не будет никогда. Это так. Кому теперь он объяснит, перед кем горько покается, исповедуется? И снова он должен говорить на траурном митинге, теперь уже перед гробом Акбара... О, что за наказание!.. Тогда он просто чудом выкрутился, а теперь как быть, как по-

¹ Бандалик-да — что поделаешь, все смертны.

ступить? Что сказать, какие найти слова? И хотя единственный свидетель тоже богу душу отдал, людям-то все равно не заткнешь рта. Все равно родные и близкие Акбара всю жизнь будут смотреть на Бурхана как на виновника гибели. Как теперь докажешь, что не виноват? А что... что, если прямо сейчас он предложит... Именно... возьмет и предложит!.. Это наверняка ответит любые подозрения...

И он взял слово. Медовым потоком лилась его речь, он любил и умел говорить. Этого не отнимешь, умел убеждать людей искренностью интонации, доверительностью. Вот и теперь, чуть повернувшись к секретарю райкома, от имени всех собравшихся на гузаре, всех жителей Катта Кангли, обратил свои слова к Мусаму-хамедову:

— ...Просим вас, просим райком, ради уважения к памяти нашего покойного друга, который всегда считал себя солдатом, оставленным партией в тылу, который геройски погиб на посту, дать свое согласие на то, чтобы отныне наш колхоз носил его имя и назывался Акбарабадом. Мы все считаем, что это достойно увенчало бы жизнь Акбара на земле...

Все одобрительно зашумели, то тут, то там послышались возгласы:

- Справедливо!
- Верное решение!
- Пусть будет Акбарабад!..

Теперь Бурхан дышал полной грудью. Недавние страхи и опасения будто рукой сняло. Что ж, ничего не скажешь, на сей раз выкрутился! Он чувствовал себя так, словно заново родился, ощущал во всем своем могучем теле такую легкость, такой подъем, что ему уже стало казаться, будто тучи над головой вот-вот рассеются и проглянет долгожданное солнце.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ГОРЬКАЯ ПРАВДА, *или Конец истории*

Ах, память, память, как ты жестока, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна! Восходит и заходит солнце, день сменяется днем, а он лежит и лежит, прикованный к старой кровати. Без посторонней помощи — ни приподняться, ни повернуться на бок...

Вот уже одиннадцать лет продолжаются эти муки, эти страдания...

Он потерял счет дням и ночам. Ему все равно, светло или темно вокруг, день или ночь. Лишь дважды в году — весной и поздней осенью — его заботливо переносят из комнаты на веранду и обратно. Но хоть это бы повлияло на самочувствие его, настроение... Так нет!..

Вот уже одиннадцать лет продолжаются эти перемещения из дома на веранду, эти муки, эти страдания...

О, если бы можно было все начать сначала!

Он знал бы тогда, как жить!

I

Уже с утра светит солнце. Высохли капли дождя на цветах груши, наверное, погода пошла на улучшение. Голубое небо чисто, безоблачно. Так и кажется, кто-то размельчил скорлупу яйца и горстями разбросал под грушевым деревом — белым-бело под ним. Зелень, покрывшая края арыка, наполненного прошлогодними листьями, после дождя заметно потянулась вверх. А сорока, с незапамятных времен живущая по соседству с домом, радуется хорошей погоде, выискивает в траве какое-нибудь лакомство. И когда птица, весело подпрыгивая, скачет мимо веранды, склонив голову набок, и с любопытством разглядывает его, Бурхана, то так и кажется, вот-вот задаст вопрос: «Ну как, старик, все еще лежишь? Удалось, значит, на сей раз перезимовать? Ничего, еще крепок!..» Широко и неуклюже скачет сорока все дальше и дальше по двору, скрывается из глаз, и он завидует птице, легкости ее движений.

Да, думает Бурхан, все живое занято живым, своими повседневными заботами. Вот и женщина, которая за ним ухаживает, ушла давным-давно и до сих пор ее почему-то нет. Никому никакого дела до того, что он, беспомощный, остался лежать тут совсем один. Был бы кто рядом, позаботился, чтобы хоть окно пошире отворить. Бурхан понимает, что во всем виноват сам, и даже в том, что редко к нему кто-нибудь заглядывает. Вот, скажем, сын. На днях крепко отчитал его, тот ушел расстроенный и с тех пор не навещался. А кроме сына, на кого можно положиться? Не он ли, его дитя, взрослый теперь мужчина, столько лет терпеливо заботится о нем? После кончины его матери немало прислуги перебивало в доме. Но ни одна долго не задерживается. Сын с семьей живет отдельно, и сноха не приходит

ухаживать за Бурханом; он понимает, всем своих дел хватает. Тем не менее сын Кудрат заботлив и, несмотря на занятость, несколько раз в неделю навещает отца. Что он может сделать еще для больного, прикованного к постели?..

Бурхан с портрета. Да нет, ты имеешь все основания быть недовольным неблагодарным сыном! Ведь и в люди он вышел потому, что это твоя сын. И секретарем его благодаря тебе избрали. Так может ли он еще и обижаться? Если прослышат наверху, что он вроде откупился тем, что нанял тебе прислугу, бросил тебя на произвол судьбы, ему несдобровать. А теперь еще... этот проклятый памятник...

Внутренний голос Бурхана. А ведь ваша ссора произошла, в сущности, из-за этого памятника. И добро не добро, коли по принуждению делается... Ты-то ведь понимаешь, что не заслужил этого памятника.

Бурхан с портрета. Таков наш мир. Кто смел, тот и съел... Награду получает тот, кто первый приходит к финишу, особенно если есть кому поддерживать победителя.

Внутренний голос Бурхана. Ты полагаешься на Кудрата? Но ведь прекрасно знаешь, что он своей волей не в силах поставить памятник тебе одному. С теми твоими товарищами вместе — другое дело. Но скажи, тебе не обидно: не они, а ты разделяешь их славу?

Бурхан с портрета. Еще как обидно! Но что поделаешь. Разве в моей жизни такое впервые? Бывало и хуже, но я терпел. Ведь это цветочки по сравнению с тем, как обвели меня вокруг пальца Ахмадали и Зорин, растоптав тогда мои надежды...

Хотя все считали Бурхана-счастливчика, Бурхана-богача хитрецом, он тем не менее по сравнению с Хаджибековым казался порою сам себе наивной овечкой.

Получив Звезду Героя за сахарную свеклу, он мог бы продолжать сажать ее столько лет, сколько заблагорассудится. Но в тысяча девятьсот пятидесятом Мусамухамедова перевели на работу в другой район, и его сменил Хаджибеков. Вскоре после назначения явился он с визитом к Бурхану.

— Вы, раис, получили за сахарную свеклу то, к чему так страстно стремились, — Звезду Героя, — начал он торжественно, и Бурхан почувствовал в его словах ка-

кой-то неясный пока намек, будто секретарь был лично причастен к этому награждению. — А теперь, Бурхан-ака, не желаете ли освоить культуру, по которой давно скучают ваши земли? И урожай, думаю, она будет давать у вас немалый. По сотне-то центнеров с гектара обязательно... О доходах уж не говорю!

Бурхан сразу догадался, о чем речь, спросил без обиняков:

— Хотите, чтобы я занялся хлопчатником? Да? Со-мневаюсь очень, потянем ли.

И хотя предложение Хаджибекова пришлось Бурхану по душе, он тем не менее все еще осторожничал, скрытничал, взвешивая и обдумывая все «за» и «против», а Хаджибеков на все это лишь хитро щурил глаза, обещал:

— Да и мы, товарищ Артыков, не останемся в стороне, поддержим в случае чего.

Прижимая в знак благодарности руку к сердцу, чуть кланяясь при этом, Бурхан вежливо благодарил, подчеркивая особое уважение к гостю. Но при расставании все же добавил:

— Есть у меня сомнения, мы ведь никогда прежде не занимались этим... хлопком.

Новый секретарь поднял руку в ободряющем жесте:

— Э, ака, вы меня удивляете! Есть ли на земле другой такой народ, как наш? Ведь у него золотые руки! Если нужно — на крыше вырастит и хлеб, и хлопок! Разве не так?..

— Так-то оно так, — неуверенно согласился Бурхан, — но...

— Ну вот и молодец! Решился! — засмеялся Хаджибеков, не обратив внимания на сомнения раиса. — Руководитель должен быть смелым, только смелым улыбается счастье! Нужно чуточку провидцем быть. Времена свеклы, ака, прошли, давно прошли! Нынче страна требует от нас белое золото, а ваши земли будто специально для этого созданы. Надо ли вам голову ломать над всякими там овощами да фруктами, когда хлопок дает невиданные прибыли? И у вас так будет, помните мое слово!

Хаджибеков в самом деле оказался провидцем. В скором времени Бурхан по весне засеял хлопчатником сначала небольшие площади, будто все еще сомневался и его все еще продолжала терзать мысль, получится ли. Но осенью, когда раскрылись коробочки,

и был собран первый урожай, и за каких-нибудь два месяца колхоз первым в районе перевыполнил план, сразу прославился на всю область и его председатель.

После успеха Бурхана словно понесло. Сам того не сознавая, он впал в какое-то лихорадочное состояние. Едва слышит о чем-нибудь новом, тут же, немедленно принимает решение, берется за дело со всей присущей ему страстью, лишь бы показатели непременно прославили его, отличили от других. Главное для него, чтобы его хвалили, всюду говорили о нем: это стало самым жгучим желанием, превратилось просто в какую-то болезнь, манию.

Он хорошо запомнил лето пятьдесят пятого... Только-только помнится, начали завязываться бутоны на хлопчатнике. Однажды ранним утром прямо к нему домой припожаловал сам товарищ Хаджибеков. Бурхан даже и позавтракать не успел: повел гостя к сури, что уютно примостилась на берегу хауза.

— Не устали, аксакал? Очень, очень рад вашему приезду!

— Для милого дружка расстояние не помеха! Вы должны лишь дать свое согласие, за этим я и приехал к вам.

Дружески положив руку на плечо раиса, Хаджибеков загадочно улыбался. И Бурхан, как всегда, понял: неспроста пожаловал к нему секретарь райкома, но первым спрашивать об этом не хотел, ждал, когда сам скажет, однако, не зная еще, о чем речь, про себя тотчас возгордился: «Все-таки умею выбирать друзей! Где еще найдешь такую надежную опору, как этот человек? Не кто-нибудь, сам первый секретарь райкома вертится тут около меня! Благодаря ему и дела идут как по маслу, удача — теперь верный мой спутник. Но, признаться, не из простачков этот Хаджибеков, отлично понимает, что моя слава — это и его слава. Поэтому старается, старается... Интересно, с чем сегодня пожаловал?»

— Прощу, аксакал, на самое почетное место! За все время нашего знакомства вы первый раз у меня дома. Давайте для начала попробуем каймак! Вот и лепешки горячие!

Но, видно Хаджибекову не по нутру пришелся несколько развязный тон Бурхана. Ему казалось, всякий раз, когда он с ним заводит разговор о чем-то серьезном, тот играет с ним вроде в кошки-мышки. Присев на край сури и отказавшись от угощения, сославшись на заня-

тость, Хаджибеков не поддержал игривого тона хозяина:

— Сливки пробовать приеду, раис, как-нибудь в другой раз, а сейчас времени в обрез.

И неожиданно для председателя заговорил о хлопчатнике:

— Как там, ака, наша работа — продвигается? Начальству уже можно показывать?

Хотя Бурхан сразу догадался, о чем речь, тем не менее прикинулся простачком, как всегда, в недоумении пожал плечами.

— О какой такой работе вы толкуете, товарищ Хаджибеков?

Глаза секретаря райкома растерянно заморгали, он как от зубной боли поморщился, однако пояснил:

— Э-э-э, да о хлопчатнике все толкую, ведь вы его квадратно-гнездовым способом засеяли, так о нем и речь. Неясно разве? А то завтра из столицы начальство приезжает, надо воспользоваться случаем... Если вы «за», то завтра же привезу их к вам. Неужели, раис, слова ваши так и остались словами?

Сердце Бурхана билось горячими толчками. Подумать, какая удача! Из самой столицы к нему едут, когда еще следующего раза дождешься? Разве можно отказываться от такой встречи?

— Как, товарищ секретарь? Да мы... да я... У меня слово и дело — одно! Не верите? Разве я хоть раз не выполнил того, что обещал? — заговорил он торопливо. — Да привозите сколько угодно гостей, прием как положено!

Но и теперь в душу Хаджибекова закралось сомнение: не слишком ли поспешным был переход от непонимания к немедленной готовности принять гостей, показать им свои достижения? Снова в кошки-мышки играет, хитрец, теперь совершенно ясно, но что поделаешь, одной веревочкой повязаны. В голосе Хаджибекова появилось сомнение:

— Так, хлопчатник, говорите, хорош? Не будет стыдно перед гостями?

— Ну что вы, что вы! И бутоны отличные!

— Сколько примерно засеяли таким способом? Гектаров десять будет? — выразил на всякий случай тревогу Хаджибеков.

Бурхан вдруг понял, что настал момент — никуда не денешься — надо говорить правду.

— Если начистоту, товарищ Хаджибеков, то в первый год я не рискнул таким способом засеять много... Хаджибеков недовольно покачал головой:

— Ну вот, а вы говорите... Я ведь так и предполагал, не зря сомневался.

Наступила неловкая пауза, и Бурхан, не зная, как вести себя дальше, подавать ли чай, продолжать ли напускать тумана, в замешательстве молчал; ведь было первое побуждение — не откровенничать!.. Как назло, в голову не приходило ни одной путной мысли, чтобы успокоить секретаря. Опростоволочился на сей раз как пить дать! Представится ли еще такая возможность — быть новатором — в будущем? Или рискнуть, как привык рисковать в своей жизни Бурхан-председатель? Его словно осенило.

— А знаете, товарищ секретарь райкома партии, — теперь и он загадочно посмотрел на гостя, — знаете, я, кажется, нашел выход.

Хаджибеков слегка оживился, спросил заинтересованно:

— Ну-ну, какой? Что вы имеете в виду? Ведь бутены на хлопке...

И чем больше лицо секретаря райкома выражало недоверие, тем смелее говорил Бурхан, воодушевляясь и окончательно поверив вдруг в благополучный исход предлагаемого дела:

— Обещаю вам твердо, аксакал, найду выход! Пока вы приедете с гостями, обещаю: все будет в порядке. А ведь это сейчас для нас самое главное — не ударить лицом в грязь! Не так ли?

Хаджибеков прикрыл глаза, отрицательно покачал головой, видимо уже догадываясь о намерениях председателя:

— Нет, нет и нет! Я понял ваш замысел! Пусть, как говорится, я буду голоден, но спокоен. А что, если... пронохают? Головы ведь не сносить!

Бурхан решил, что теперь самое время успокоить секретаря, а то ведь, чего доброго, и отказаться может... Поэтому сказал:

— Я предлагаю... мы приведем в идеальный порядок поле, что засеяно квадратно-гнездовым способом. Пусть меньше, да лучше...

Хаджибеков просиял:

— Вот это, ака, другой разговор! Прежние фокусы

нынче не пройдут! Уж теперь, коли сгорим, то дотла! Учтите!

— В таком случае — решено! Завтра хоть с утра можете привозить своих гостей. Остальное — моя работа, и не тревожьтесь!.. А теперь угощайтесь, — пригласил Бурхан, добавив доверительно: — Завтра все, включая угощение, тоже будет на высоте. Ведь гости-то столичные.

Но откуда и Бурхану и Хаджибекову, откуда им было знать, что назавтра все пойдет совсем не так, как они предполагали! Если бы раис мог предвидеть, с какого края навалится беда, наверняка нашел бы способ, как сухим из воды выйти и на сей раз. Мог же он, в конце концов, провести культивацию на поле, засеянном новым методом, квадратно-гнездовым! Подготовить как следует это поле. Зачем, зачем надо было трогать поле Ахмадали, где хлопок рос, как при дедах и прадедах, грядками? При свете факелов люди работали тогда всю ночь напролет, натянув арканы.

На следующий день прибывшие из столицы гости со всех сторон придирчиво осматривали это самое поле. Немало добрых слов услышал от них Бурхан-раис. Большие руководители и руководители поменьше, которые всегда сопровождали высоких гостей, похлопывали по плечу, расхваливали: «Молодец, товарищ Артыков, вот как надо работать — по-новому!» Но у одного представителя лицо почему-то все время хмурилось, будто что-то его во всем этом никак не устраивало, и, когда все вернулись после осмотра в правление, состоялось собрание с участием председателей соседних колхозов. И дали Бурхану, зачинщику нового, первое слово. Он зачитал подготовленный заранее кем-то из района доклад о преимуществах квадратно-гнездового способа: о тексте доклада, надо отдать должное, заранее побеспокоился Хаджибеков.

По-разному глядели на Бурхана его коллеги из зала: кто с недоверием, кто со снисхождением, а кто с радостью. Нашлись, конечно, как и на каждом таком собрании, дотошные, те, которые то и дело задавали вопросы, во всем сомневались, интересовались вслух у сидящих рядом: когда это товарищ Артыков успел на стольких гектарах засеять хлопок квадратно-гнездовым способом и почему до сих пор не раструбил об этом в районе и республике? Что-то на него непохоже.

И когда доклад уже подходил к концу — не подо-

зревая об этих разговорах, Бурхан, гордясь собой и своей находчивостью, расхваливал прогрессивный метод посева хлопчатника, — кто-то из зала вдруг громко крикнул: «Все это ложь!»

Зал зашумел. Все стали оглядываться назад. И раис, тоже поглядев поверх голов переполненного зала, увидел, что к трибуне медленно идет Ахмадали. Холодный пот прошиб Бурхана; стоя на трибуне, он чуть не до крови сцепил руки, проклиная себя, ругая последними словами: «Будь не последний дурак, стал бы делать добро этому мерзавцу? Собака всегда собакой и останется! Сейчас ведь опозорит меня, отомстит за все!»

Будто предчувствуя близкий крах, председательствующий Хаджибеков, с трудом оторвавшись от своего места, пытался предотвратить взрыв, который, рано или поздно, неизбежно должен был произойти.

— Эй, товарищ, не торопитесь! — громко крикнул он в зал идущему к трибуне Ахмадали. — Вам еще никто не давал слова, вернитесь-ка, пожалуйста! Сядьте! Надо соблюдать порядок!

Но Ахмадали будто не слышал обращенных к нему слов и приближался к трибуне, на ходу громко говоря:

— Не хуже вас о порядках наслышан. Что, разве у нас запрещено говорить правду?

Представитель ЦК, занимавший место в президиуме рядом с Хаджибековым, кивнул, как бы подтверждая справедливость сказанного, и председатель собрания, прикусив губу, растерянно опустил на стул.

Не дойдя до трибуны, Ахмадали махнул рукой, остановился, повернулся к залу:

— Товарищи, дорогие! Ответьте мне на один-единственный вопрос: до каких пор мы с вами будем терпеть очковтирательство? Если бы кто-нибудь из нас, сидящих тут, в этом зале, попробовал сделать что-нибудь похожее?.. Нет никакого сомнения: завтра же привлекли бы к судебной ответственности. Но нашему руководству, как выясняется, очковтирательство сходит с рук! Никак иначе это и не назовешь. Они-то знают, что это заведомая ложь! Даже и половины не засеяно квадратно-гнездовым... Это вчера они до поздней ночи возились!.. Если не верите мне, здесь вот товарищ Зорин.

Перед глазами Бурхана все вдруг заплесало — зал, президиум, высокие потолки, широкие окна, все плыло, перемещалось, потом навалилось на него неимоверной тяжестью, и он, сгибаясь от этой непомерной тяжести

все ниже и ниже, неожиданно грохнулся на пол и в ту же минуту перестал ощущать реальный мир: ничего не слышал, не видел, ничего не чувствовал...

Когда по прошествии нескольких дней он пришел наконец в себя, понял: недвижимы левые рука и нога. Не сразу узнал, что лежит дома, на своей кровати. Первая мысль была горькой, запоздалой: о, если бы не сжирала его жажда славы, лихая погоня за ней!.. Конечно, некого винить, во всем виноват он один. Сам виноват во всем, ошибся, ох как он ошибся. Возможно, это последняя его ошибка, на его месте другой вряд ли смог бы пережить такое.

На редкость крепким оказался Бурхан: лежит вот уже одиннадцать лет.

И вот уже одиннадцать лет продолжается это страдание, эти муки.

II

Сверкнув черно-белым боком, снова мимо веранды проскакала-пролетела знакомая сорока; присев на верушку грушевого дерева, пострекотала и тотчас исчезла.

Он услышал, как на улице остановилась легковая машина, и дверца ее, едва отворившись, мгновенно захлопнулась. Кудрат приехал, подумал Бурхан, сын. Только он так стремительно закрывает двери... Или Джуру, внука, вместо себя прислал. Он вспомнил, как несколько дней назад явился как ни в чем не бывало Кудрат и сказал: поговорил, мол, с Джурой, вот увидите, отец, он сделает так, как ему скажу. Переделает проект памятника, и вы будете в том памятнике. И добавил как бы между прочим: пусть только попробует не сделать!..

Интересно, как будет выглядеть памятник? Наверное, в полный рост предстанут в камне три товарища, три большевика, которые боролись в Узбекистане, в этих местах, за советскую власть, были известны тут всем и каждому. Это теперь забывают понемногу... Тогда... тогда три богатыря, ни в чем не уступающих друг другу, Кадыр, Акбар, Бурхан... Не забыл все-таки Кудрат, что и отец его был когда-то райсом-героем. Как бы там ни было, теперь имя его не будет предано забвению, а сам он переживет в мраморе свое земное существование. И на том спасибо! Спасибо, что увидит памятник еще при жизни, ведь не каждому суждено такое, отнюдь не каждому...

Мысли его прервал чей-то бодрый голос:

— Бурханбай, эй, Бурханбай!

Да кто же это такой, давненько его никто не звал так, и голос вроде знакомый.

— Кто там? — откликнулся Бурхан. — Проходите, проходите сюда, на веранду!

Разволновались птицы в клетках. Увидев знакомое лицо, у Бурхана что-то екнуло внутри: неужели высокий седой человек на пороге его дома Зорин? Не может быть, после стольких лет!..

Встретившись взглядом с бывшим раисом, тот кивнул. Сомнений не было: и впрямь бывший директор МТС!

— Ты один, что ли, Бурхан? — просто спросил он, будто и не стояли между ними годы отчуждения. — Кроме тебя, здесь никто не живет? — Сделав шаг, Зорин в нерешительности остановился, как бы раздумывая, стоит ли идти дальше.

Бурхан невольно, как от сильной боли, поморщился: тоже, нашел время навестить!

Зорин же, открыв обе створки двери, переступил наконец порог.

— Ай-яй-яй, Бурханбай, ну и зоопарк у тебя! Сколько пернатых! Не беспокоят? Да и душновато, скажу я тебе! Можно окошко хоть немного приоткрыть?

И старик Зорин, не дожидаясь разрешения, распахнул окно. На веранду ворвался весенний воздух, и Бурхан с наслаждением вдохнул пахнувшую жареной кукурузой свежесть сада... Молчал, все еще не решаясь открыто глянуть в лицо Зорину, а тот как ни в чем не бывало подошел к его кровати и бодро сказал:

— Ну вот, теперь совсем другое дело! Давай, старина, поздороваемся! Как твоя жизнь? Давненько мы с тобой не виделись! Сколько лет, сколько зим!

Бурхан вяло пожал протянутую Зориным руку.

— Садись, — он взглядом показал на стул рядом с кроватью.

— Вот ехал, понимаешь, мимо и решил зайти...

Бурхан деланно улыбнулся: так он и поверил в искренность сказанного. Вслух усомнился:

— Неужели? Наверное, и без встречи со мной проживешь в свое удовольствие?

— Почему так говоришь? Ведь человеку всегда свойственно желание увидеть другого человека, навестить больного, мы с тобой давно не виделись.

Нахмурившись, Бурхан махнул рукой:

— К чему учтивость, знаю ведь, за человека меня не считаешь, стоит ли к такому наведываться?..

Зорин смущенно отвел взгляд, в задумчивости потер длинными пальцами острый подбородок и рыжие брови.

— Знаю, Бурхан, не простишь нам никогда, — выдохнул он наконец, — но все равно мы были правы тогда, Ахмадали, я... Ты сам виноват, что и говорить!

С каждой минутой Бурхан все более приходил в состояние раздражения, так и хотелось бросить в лицо этому жалетелю: «Ты, ты восстановил против меня Ахмадали! Но тебе и этого показалось мало. Растоптал меня и теперь против сына моего выступаешь!»

— Знаю, Зорин, я все знаю! — почти выкрикнул Бурхан, захотелось, чтобы гость ушел немедленно, в сердцах бросил: — Зачем пожаловал, тоже знаю!

Удивившись агрессивному тону прикованного к постели больного, Зорин переспросил:

— Ну тогда скажи, зачем? Правда, ты и прежде, по-мню, не отличался особым гостеприимством.

— Да ладно, — перебил Бурхан, — в общем-то догадываюсь, зачем пожаловал. Понял, я снова обретаю былую славу... Сын мой хлопочет... Хотят поставить мне памятник...

— Если честно, так ты, Бурхан, почти угадал причину моего визита, — с улыбкой признался Зорин.

Улыбнулся с видом превосходства и Бурхан:

— Я тоже... знаю... если даже под землей, как говорится, шевелится змея. Но теперь другому удивляюсь. Ну ладно, признаю: тогда ваша взяла. Но почему ты привязываешься ко мне сейчас, когда я... лежу в таком состоянии? Непонятно!..

Зорин смутился, отвел в сторону глаза, но тотчас поднял их и взглянул в упор:

— Ты упрям, Бурхан, как и в прежние времена! Удивляюсь, сколько лет ты лежишь, обо всем, видно, передумал за эти годы, и неужели же никогда не приходила тебе на ум мысль о раскаянии?

— Раскаянии? — удивился Бурхан. — В чем, по-твоему, я должен покаяться? — Он будто смеялся теперь над Зориным, так, по крайней мере, тому казалось. — Представь себе, не только ты один можешь быть прав на этом свете! Тебе никогда это не приходило в голову?

— По крайней мере, хоть не говорил бы так мне. Не зря ведь лежишь столько лет...

Бурхану показалось, волосы у него на голове вдруг зашевелились от этих слов.

— Так ты что, Зорин, пришел суд надо мной чинить? Или насмеяться? Знаю, нет у тебя сострадания ко мне. Но в чем я должен перед тобой-то покаяться?

— Попробую объяснить, Бурхан. Если бы ты, болея столько лет, лежал спокойно, тихо, разве кто-нибудь решил тебя потревожить? А ты... ты... столько лет, считай, не у дел, болеешь, а все о бессмертии печешься. Вздумал вот памятник себе... устроить. Да как... ты можешь? До чего ж падок на славу-то! До сих пор!

И тогда Бурхан, зашедшись в исступленном гневe, прохрипел:

— Почему, почему все должно достаться твоему Акбару? Не довольно ли с него, что вот уже двадцать лет колхоз носит его имя?

— Ты сам... — спокойно напомнил Зорин, — ты сам предложил назвать колхоз его именем. Видишь, теперь тебе и это не нравится. Раздражает! Хочется, вижу, пока сын высокую должность занимает, и свое имя увековечить. Ведь так? И не горячись, не нервничай! Помни, мы свое отжили... Давно отжили.

Бурхан дрожал, рука его судорожно перебирала край одеяла, голова то и дело рывками приподнималась.

— Твое-то какое дело, если мне памятник поставят? — спросил тихо. — Ты-то что переживаешь? Акбару, значит, можно, а мне нет? Так, что ли?

— О, теперь я все понимаю! — Зорин вскочил со стула. — Значит, и это твоих рук дело? Это ты добился, чтоб ребята прекратили работу над проектом памятника? Ты?

Бурхан в изнеможении закрыл глаза, процедил с трудом сквозь зубы:

— Да, представь себе, это я остановил работу, я! Попросил сына, поставил условие: или я там буду... на этом памятнике, или... не будет вообще никакого. Пока мой сын секретарь райкома, зря ты тут пыхтишь, Зорин!

— Да я уж давно догадывался, где тут собака зарыта! — Зорин с неприязнью глядел на Бурхана. — Но вот чему я удивляюсь: неужели считаешь, что в своей жизни совершил так мало грехов, что и теперь, прикованный к постели, все лезешь в дела людские? О душе уж пора бы подумать...

— Мало ли, много, я сам себе судья, Зорин, твое-то

какое дело? — отрезал Бурхан, промокая скомканным в дрожащей руке платком взмокший лоб и вызывающе глядя на незваного гостя. Потом лицо его вдруг побледнело, глаза уставились с какой-то безысходностью в потолок, и он вдруг заговорил тихо, покорно, ослабевшим голосом: — Знаешь, Зорин, что мне больше всего обиднее? Столько лет я был отцом народа, руководителем большого хозяйства, а в памяти людей не останется моего имени. А какой-то там тракторист, который неделку-другую пахал во время войны земли на Аччи... его будут помнить. Да к тому же и памятник собираются поставить... Разве не обидно?

Поглядел старик Зорин на цветущую грушу, усыпанную белым покровом лепестков землю, задумчиво произнес:

— Знаешь, Бурхан, твоя... я бы сказал, неприличная настойчивость напоминает мне одного древнего завоевателя. Как пишет Геродот, городом Вавилоном правила однажды умная царица. Превратив его в укрепленную крепость, построила как раз над городскими воротами мавзолей и на самом видном месте приказала высечь надпись: «Завоеватель! Если ты стремишься к славе и богатству, не разрушай этот город, не проливай зря кровь подданных. Богатство, которое принесет тебе желанную славу, хранится в этом мавзолее. Откроешь его — добудешь славу, равной которой нет в мире». И вот, представь, умирает в положенный час эта царица, и очередной завоеватель, окружив Вавилон, пытается его захватить. Один из воинов узнает о надписи на мавзолее, сообщает завоевателю об этом, и тот приказывает прекратить военные действия. Сам же завоеватель направляется прямо к городским воротам, туда, где мавзолей. Вместе с приближенными поднимается в башню, приказывает открыть захоронение царицы. Когда исполнили его желание, открыли, вместо несметных богатств нашли письмо на папирусе, где, между прочим, были и такие строчки: «Ты, завоеватель, совершил преступление, на которое никогда бы не пошел настоящий человек. Ради славы ты навлек на себя проклятье богов и людей, и ты достоин этого проклятья, ибо стремление к славе, равной которой нет во всем мире, приводит к печальному концу...»

Вот и ты Бурхан, всю жизнь стремился к тому, чтобы в памяти людской не сохранилось имени Акбара. И тем самым навлек на себя неприязнь людей...

Ах, как горько было слышать бывшему раису-богачу, раису-счастливчику, Герою Труда, эти горькие слова! Померкли живые краски весеннего дня, глаза не видели ничего, кроме серой пелены, застилающей взор. И из-за этой туманной пелены откуда ни возьмись появился седовласый старец. Цвет одежды его сливался с молочного-белым туманом, его окружавшим, а черты лица кого-то напоминали — такие знакомые глаза, брови, лицо... Где, когда он видел этого старца?.. Да это же он сам!..

И только собрался было Бурхан открыть рот, услышал знакомый бодрый голос. И не разобрал Бурхан, то ли ему самому принадлежал этот голос, то ли звучал откуда-то со стороны:

— Он прав, прав! Хочешь не хочешь, должен признать истину! Чего ты добивался, гоняясь всю жизнь за призрачной славой? Чего добиваешься теперь?

Откуда-то слабым эхом донеслось в ответ:

— Все-таки тукисом звали... не как-нибудь... Бурхан-тукисом, Бурханом-богачом! Не так ли?

И снова откликнулся голос:

— Имел солидную должность, считался богачом, а теперь ничего не осталось! Кто ты теперь?..

И опять откликнулось эхо:

— А мое звание Героя? Как? Как? Как?..

И повторился голос:

— Сам ведь знаешь, какой ценой это звание досталось! С тобой еще по-человечески обошлись! Вспомни...

Бурхан с портрета. Да, да!.. Я сам во всем виноват. Сколько раз переходил границу дозволенного, не будь этого, скольких бед можно было избежать!

Внутренний голос Бурхана. Ни одно зло не остается безнаказанным, если хочешь знать, если...

Голос того, на портрете, постепенно сливался с голосом старца, с его собственным, и уже не понимал Бурхан, то ли это его мысли, его внутренний голос, то ли кто-то говорит с ним из-за рассеивающейся пелены тумана. И старец седовласый, только что маячивший около постели, постепенно исчез, и на веранде стало вдруг светло, пучок солнечного луча упал на портрет и будто он запылал в огне. Горело в этом огне знаменитое кресло со львами, горел китель со Звездой Героя, гордость его, а сама звезда пылала, казалось, ярче всего остального... Только лица Бурхана не тронул этот всепожирающий огонь...

Покашливал Зорин, напоминая о своем присутствии, но вдруг ему показалось, что Бурхану стало плохо и он потерял сознание. Бросился к нему. Но нет, затуманенный взор старика прояснился, и Бурхан с несвойственным ему выражением смущения на лице, ясными глазами глянул на гостя. Зорин же, мучимый сомнениями — не из-за него ли больному стало плохо, — положил руку ему на плечо:

— Ты прости, может, я погорячился, но все, что говорил, — все искренне, ведь не станешь же обижаться на меня? Какие счета между стариками? А?

Бурхан усмехнулся:

— Зачем обижаться, Зорин? Мы ведь узнали друг друга не вчера и не сегодня, и, как говорится, пинок коня снесет только конь.

— Поверь, Бурхан, пришел к тебе не с дурными намерениями. Понял ты это — хорошо, коли нет — поступай как знаешь. Прими мой добрый совет: оставь ты эти мысли о памятнике! Зачем тебе слава? Нам с тобой ведь уже недолго осталось... И сына не мучай зря...

Странно как-то поглядел Бурхан на Зорина и почувствовал в душе согласие с ним, с его словами: «Верно говорит, верно, люди ведь обязательно скажут, что это сын поставил памятник своему отцу».

— Но то, что не ценят меня, как покойного Акбара, обидно, — еле слышно прошептал Бурхан.

— И с этим надо смириться, друг. Пусть ты хоть дважды герой, все равно никогда не сравняться тебе с Акбаром, ты же понимаешь.

— Почему, ответь, Зорин, почему?

Лицо бывшего директора МТС стало еще более задумчивым. Бурхан ждал ответа.

— Ты сам представь! Когда пробьет наш час и мы уйдем в мир иной, разве будут нас с тобой оплакивать, как Акбара? Весь кишлак, весь народ?.. Ты когда-нибудь задумывался над этим?

Оба замолчали. Бурхан с сожалением и грустью признавал правоту зоринских мыслей. Конечно, никогда так не будет с ним, как с Акбаром. И вдруг эта простая, ясная мысль затмила все другие, до того волновавшие. Да собственно, зачем, з а ч е м ему слава, и не все ли равно, поставят ему памятник или нет? Может, завтра его уже и на свете не будет, кто знает. А он думает о каких-то пустяках...

Бурхан и сам удивился, что подумал так, и это ощущение легкости, завладевшее вдруг им, наполнило душу радостью, не испытанной доселе. С нежностью вспомнились лица сына и внука, которые наверняка придут к нему сегодня или завтра, — интересно, что скажут ему? Какое наконец решение приняли?.. Да за что же близких людей терзал он все эти последние недели?..

Солнце коснулось теперь его зрачков, он устало прикрыл веки, и сон его был легким и спокойным.

Когда Бурхан открыл глаза — показалось, спал мгновение, — Зорина рядом не было, он лежал на веранде один, и солнце садилось в молочно-белом тумане. А седовласый старец не плыл, как обычно, в тумане, а почему-то лежал на его месте: он сам и был этим старцем... странно... Бурхан-богач на портрете стал отчего-то маленьким, и его теперь еле-еле можно было различить. Из глубины души Бурхана вырвалось вдруг:

— Да почему же я не жил, как все люди? Почему?

III

— Ассалом алейкум, отец! Поглядите вот, привезли проект памятника.

Уже совсем было отошедший ко сну Бурхан услышал нарочито бодрый голос сына: сначала ему показалось, что еще продолжается его сон. Открыв глаза, увидел радостное лицо Кудрата.

— Ну, отец, суюнчи за добрую весть! Вот, наконец-то принесли!

Рядом с рослым Кудратом стоял внук, Джура, который теперь уже не уступал отцу — они были одного роста и похожи очень. Так что это они там такое принесли? На столе рядом с кроватью лежал небольшой сверток в белой бязи.

— Вы зря на них обиделись, отец! Они сделали такой прекрасный проект памятника, что, ей-богу, даже недругам вашим не к чему придрататься.

Интересно, с любопытством подумал Бурхан, что же это за памятник такой, если и враг не придерется? Он оторвал голову от подушки, поглядел на стол.

Кудрат торжественно приказал:

— А ну, Джура, покажи дедушке, пусть сам оценит!

Внук как-то вяло развернул то, что было в свертке, и без всякого благоговения приткнул на стол маленький скульптурный макет. Бурхан застыл в удивлении.

Перед ним, словно живые, стояли три всадника. Словно, прошлое и настоящее запечатлелось в маленьком этом слепке. Сердце Бурхана застучало, от неожиданности остановилось дыхание. Вот Кадыр в неизменной красноармейской форме и буденовке. Вот Акбар-палван в халате, лоб его вокруг тюрбетейки стягивает кушак — скрученный жгутом платок. А вот он, Бурхан, — между друзьями — в кителе и чекмене. Под ними кони. Руки Бурхана — на плечах друзей. Три верных товарища, три большевика о чем-то оживленно толкуют. Ну, внук, ну угодил: даже плеть деда и ту не позабыл — перекинута через локоть!

С первого взгляда иначе и не подумаешь — друзья, да и только. Но потом, когда внимательно присмотришься, чудится, что еще миг — и его карабаир вырвется вперед, и сам он, оттолкнувшись от своих товарищей, вот-вот опередит их... Как опередил в этой жизни, пережив и того и другого...

Хорошо! Очень хорошо! Лучше, чем ожидал. Через столько страданий пройти, переживаний!..

Бурхан глубоко вздохнул, перевел на внука растроганный взгляд, глаза его наполнились слезами, но в тот же миг сердце дрогнуло, горячий жар стыда залил лицо, и он мысленно задался вопросом: «Достоин ли ты, Бурхан, стоять вот так, рядом с твоими ушедшими товарищами? Имеешь ли право на это? Признавайся честно!»

Что можно было ответить на зов собственной совести? Да, были когда-то неразлучными. Потом враждовали. Он с ними враждовал не на жизнь, а на смерть. Но в памяти... в памяти людской хотелось остаться именно таким, как изобразил внук Джура.

Нет, не мог он сказать об этом вслух, не мог, духу не хватало! Разве не всю жизнь с нетерпением ждал он этого дня, этого памятника? Разве не заплатил за него годами адской работы? И теперь, когда мечта должна была вот-вот сбыться и надо только дать свое «добро», отказаться от всего? Разве памятник этот нужен одному ему? А сыну Кудрату? А внуку?.. Что ответить им? А может быть, ничего этого им и не надо?..

Постой, старый Бурхан! А что, если проявить благородство? Этот бранный мир должен оценить его...

— Отец! Что молчите?— голос сына прервал его мысли.— Опять недовольны?

Вопрос Кудрата привел Бурхана в замешательство, и вдруг словно прорвало плотину.

— Ни-че-го не нужно! Понимаешь, ни-че-го!— отчеканил Бурхан со злостью, но неожиданно для самого себя снова почувствовал, как недавно, в разговоре с Зориним, необычную легкость. И снова по телу разлилась никогда не изведанная ранее теплота и благодать. Он ласково, приветливо посмотрел на сына и внука.— Вот что, Кудрат! Не мучай-ка ты больше Джуру.

Сын с внуком в недоумении переглянулись.

— Пусть молодые делают так, как задумали в самом начале. Как им сердце подсказало. Не надо заставлять!..

Изумленный словами деда, внук не сводил с него глаз: не ждал он такого. А у старика внутри все будто мело: «Значит, наш род Артыковых чего-нибудь да стоит на белом свете, если появился в нем такой способный художник-джигит! Не зря ведь говорится: куда не удалось ступить лошади, удастся жеребенку... Пусть удача сопутствует ему! Пусть внук Джура увидит то, что не привелось увидеть мне самому. Увиденное же нами — с нами и останется...»

Посмотрел Бурхан на Джуру с мольбой:

— К тебе у меня есть просьба, дорогой. Уважь старика! Тех двух моих друзей... оставь, пожалуйста! Только убери всадника... того, который посередке... Поверь, не стоит оставлять его!— сказал так и повернулся лицом к распахнутому настежь окну.

А там все еще было солнечно — весенние вечера долгие и теплые. Все зелено, молодо — трава, деревья, вечное небо, груша в саду. По-прежнему летели с нее белые лепестки, устилая землю вокруг, донося до постели старого Бурхана неповторимый аромат обновления природы. В который раз за свою долгую жизнь будто впервые видел он это возрождение к жизни, эту весну, самое прекрасное время года. И то ли от непрошенных слез, то ли от благодатных солнечных лучей, все еще посылаемых на землю, снова показалось ему, что плывет прямо оттуда, из весеннего сада, на веранду бело-молочный туман, и в его светлом радужье проступает лицо старика с чертами Бурхана... Старик последние дни все чаще и чаще являлся к нему.